

МЫ — ПЛОТНИКИ
НЕЗРИМОГО СОБОРА

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
СБОРНИК РАССКАЗОВ
ОТ ЛЕГЕНДАРНОГО БРЭДБЕРИ!

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТSELLER·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТSELLER

РЭЙ БРЭДБЕРИ

МЫ — ПЛОТНИКИ
НЕЗРИМОГО
СОБОРА

Москва
2016

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

Б89

Ray Bradbury

WE ARE THE CARPENTERS
OF AN INVISIBLE CATHEDRAL

Is That You, Bert? © 2004 by Ray Bradbury; Eat, Drink and Be Wary © 1942 by Ray Bradbury; Promotion to Satellite © 1943 by Ray Bradbury; Subterfuge © 1943 by Ray Bradbury; And Then—the Silence © 1944 by Ray Bradbury; Tomorrow and Tomorrow © 1947 by Ray Bradbury; Undersea Guardians © 1944 by Ray Bradbury; Don't Get Technical! © 1939 by Ray Bradbury; The Secret © 1952 by Ray Bradbury; The Ducker © 1943 by Ray Bradbury; The Calculator © 1948 by Ray Bradbury; Rocket Skin © 1946 by Ray Bradbury; Besides a Dinosaur, Whatta Ya Wanna Be When You Grow Up? © 1983 by Ray Bradbury; The Troll © 1992 by Ray Bradbury; We Are The Carpenters Of An Invisible Cathedral © 2001 by Ray Bradbury; Part One: The Reasons Why We Should Go To Space © 2001 by Ray Bradbury; Part Two: Blueprints For Light-And-Sound At Canaveral © 2001 by Ray Bradbury; How To Do It © 2001 by Ray Bradbury; G. B. S.: Refurbishing The Tin Woodman: Science Fiction with a Heart, a Brain, and the Nerve! © 2001 by Ray Bradbury; Skeleton © 2012 by Ray Bradbury; A Little Journey © 1951 by Ray Bradbury; Juggernaut © 2009 by Ray Bradbury; The Library © 2011 by Ray Bradbury; Bonfire © 2011 by Ray Bradbury; The Dragon Who Ate His Tail © 2011 by Ray Bradbury; The Dog in the Red Bandana © 2010 by Ray Bradbury; Where's Lefty © 1991 by Ray Bradbury

© Photo by Tom Victor.

Перевод с английского, составление
и послесловие А. Оганяна

Художественное оформление А. Старикова

В оформлении переплета использован
рисунок Анатолия Дубовика

Брэдбери, Рэй.

Б89 Мы — плотники незримого собора : [сборник] /
Рэй Брэдбери ; [пер. с англ., сост. и послесл. А. Ога-
няна]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. —
(Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-92654-1

Каждая новая книга Брэдбери, великого мастера, классика американской литературы, — величайшее событие, тем более если речь идет о произведениях, до сих пор не издававшихся на русском языке.

Человеколюбие, пылкая фантазия, своеобразие стиля, тематическая разноплановость — все, за что мы любим Брэдбери, можно найти в этом сборнике. С первых шагов он был универсальным и глубже тех жанровых границ, куда его загоняли. Певец детства, романтик-гуманист, борец за свободу, знаток традиции, создатель незабываемых сюжетов, Брэдбери с самого начала показал свою оригинальность и глубину. И ранние рассказы, собранные под этой обложкой, — яркое тому доказательство.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-92654-1

© Оганян А., перевод на русский язык,
составление и послесловие, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

Рон Рейнольдс¹

Долой технократов!

Несколько мгновений Стерн сверлил глазами свою пишущую машинку, раздумывая, стоит ли ему изречь неизрекаемое, и наконец решил:

— Черт побери! — взревел он. — Я так больше не могу писать! Ты только посмотри, полюбуйся на это!

Он выдернул лист из каретки и скомкал его в кулаке.

— Знать бы, что все так обернется, — продолжал он, — ни за что бы не стал за это голосовать! Всем заправляет Технократия¹²

Белла Стерн, до этого погруженная в свое вязание, подняла на него полные ужаса глаза.

— Что за несдержанность! — воскликнула она. — Нельзя, что ли, выражаться потише? — Она суетливо продолжила работу.

— Ну вот, пропустила из-за тебя петельку!

¹ Брэдбери напечатал рассказ «Долой технократов!» под псевдонимом Рон Рейнольдс в первом номере журнала «Futuria Fantasia» в августе 1939 года. — Здесь и далее примеч. перев., если не указано другое.

² Движение технократов не выдумка писателя-фантаста. Пик популярности этого движения пришелся на время Великой депрессии и Второй мировой войны в 30—40-е годы XX века.

6 Рэй Брэдбери

— Я хочу быть писателем! — скривил Самуэль Стерн, горестно взирая на жену. — А Технократы лишают меня этой радости.

— Послушать тебя, Самуэль, так можно подумать, ты жаждешь вернуться в МРАЧНЫЕ ТРИДЦАТЬЕ, когда процветало варварство! — сказала жена.

— Черт возьми! Отличная идея! — выпалил он. — Тогда по крайней мере можно было писать на какую-нибудь приличную или неприличную тему!

— Что ты этим хочешь сказать? — недоуменно вопросила она в раздумье, откидывая голову. — *Что тебе мешает писать? Я знаю гору достойных книг.*

По щеке Самуэля скатилась капелька, напоминающая слезинку.

— Не стало ни гангстеров, ни ограблений банков. Где налеты? Куда подевались старые добрые кражи со взломом и банды распутниц?

По мере перечисления нескончаемых «утрат» слезливиности в его голосе прибывало.

— Сгинула печаль, — почти рыдал он. — Все счастливы и довольны. Ни тебе борьбы, ни тяжкого труда. Ах, где те денечки, когда гангстерская мясорубка была для меня сенсационной новостью!

— Фу! — Белла повела носом. — Опять наключался, Самуэль?

Тот сдержанно икнул.

— Так я и знала, — сказала она.

— Нужно же было чем-то заняться, — заявил Самуэль. — Из-за нехватки сюжетов я просто схожу с ума!

Белла Стерн отложила свое вязание и, подойдя к балкону, задумчиво взгляделась в зияющую пятьдесятю этажами ниже расщелину нью-йоркской улицы. И тотчас же с улыбкой озарения обернулась к Сэмю:

— Почему бы не написать рассказ о любви?

— ЧТО?! — Стерн так и заизвивался на стуле, как угорь на крючке.

— Именно, — заключила она. — Это то, что надо — милая любовная история.

— ЛЮБОВЬ! — Голос Стерна прямо-таки источал издёвку. — В наши дни и нормальной любви-то не осталось. Мужчина не может жениться на женщине ради денег, и наоборот. При Технократии все получают поровну. Прощайте, разводы по-быстрому в Рено, штат Невада!¹¹ Конец алиментам, нарушенным обещаниям и судебным искам! Все скучно и занудно. Покончено с венчаниями и вечеринками — потому что все, видите ли, равны. Я не могу разоблачать взяточничество в правительстве. Нельзя писать про трущобы, ужасные жилищные условия, голодающих мамаш и их деток. Всё благополучно, благопристойно, чинно-благородно, — его голос сорвался на рыдания.

— И это призвано осчастливить тебя, — возразила жена.

— Меня мутит от этого, — рявкнул Самуэль Стерн. — Послушай, Белла, всю жизнь я мечтал стать

¹¹ Ко времени написания рассказа город Рено (штат Невада) пользовался славой «столицы разводов» в силу ускоренной процедуры бракоразводного процесса, введенной местными властями с целью привлечения приезжих и обогащения местной экономики.

писателем. Так? Уже года два я пишу для бульварных журналчиков. Так? Хорошо. Еще я сочиняю морские рассказы, пишу про гангстеров, о своих политических взглядах, выдаю первоклассную убойную писанину. Я на вершине счастья. Я в своей стихии. И тут — бац! Пожаловала Технократия и всех одарила счастьем. А мне — пинка под зад! Мне тошно писать то, что сейчас читают, — сплошь наука да просвещение.

Он растрепал свои густые черные волосы и ощерился.

— Радоваться надо, что народонаселение занято желанным трудом, — просияла Белла.

Сэм продолжал бурчать себе под нос:

— Первым делом подчистую вымели из киосков все эротические журналы, все издания про бандитов, убийства и детективы. Начали воспитывать детей и штамповывать из них образцовых граждан.

— Как и должно быть, — закончила за него Белла.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что за два года в городе была совершена всего дюжина убийств? Ни единого суицида. Гангстерские войны канули в Лету... или... — потрясал он пальцем у нее перед носом.

— Боже мой, — вздохнула Белла. — До чего же ты безнадежно старомоден, Сэм! Уже лет двадцать не совершалось ничего преступного. Это же 1975 год!

Она подошла и нежно потрепала его по плечу.

— Может, тебе написать что-нибудь научно-фантастическое?

— Ненавижу науку, — сплюнул он.

— Тогда остается одно — любовь, — безапелляционно объявила она.

Беззвучно, одними губами, он обозначил одно неприличное словечко, потом сказал:

— Нет, хочу чего-то нового и неповторимого, не как у всех.

Он встал и подошел к окну, и увидел, как внизу, в пентхаусе, суетливо снуют шестерка роботов-тру-дяг. Глаза у него внезапно загорелись, как у тигра, который заприметил добычу.

— Чтоб я сдох! — возопил он. — Как же я раньше не догадался! Роботы! Напишу-ка я повесть про парочку влюбленных роботов!

Белла осадила его.

— Ты в своем уме? — сказала она.

— И такое может случиться в один прекрасный день, — возразил он. — Ты только представь! Любовь и машинное масло, сварка, провода, металл!

Он засмеялся торжествующе, но как-то сдавленно и сдержанно. Белла ожидала, что он сейчас начнет колотить себя в грудь.

— Роботы влюбляются с первого взгляда, — возвестил он, — и у них перегорают звукоусилители!

Белла снисходительно улыбалась.

— Какой же ты, в сущности, ребенок, Сэм! Дивуюсь иногда, зачем я вышла за тебя замуж?

Стерн вдавил голову в плечи, поджариваясь на медленном огне и заливаясь багровой краской. «Всего полдюжины убийств за два года, — думал он. — Никакой политики. Писать не о чем». Ему во что бы то ни стало нужен сюжет. Если в скором времени

ничего не произойдет, он просто свихнется. Его мозги яростно тикали. Целый рой мыслей оргánом гудел у него в голове. Срочно нужен сюжет. Он обернулся и посмотрел на свою жену Беллу, которая наблюдала за воздушным движением, стоя у окна и глядя на улицу с пятидесятого этажа...

...и тут он медленно и бесшумно потянулся за своим атомным пистолетом.

1939

Тайна

В недрах всех великих книгохранилищ Галактики скрыты пылящиеся манускрипты и хроники ино-планетных племен — преданные забвению события и свершения времен первой, второй и третьей династий, а также эпохи завоеваний.

В эру второй династии, что предшествовала Мирным векам, раса Нимпзз захватила всю изученную Галактику и положила начало новой эры — Золотого Века. В мерцании сотен миллиардов звезд Галактики первопроходцы бороздили наводящую тоску пустоту в поисках новых планет и пристанищ. Возводились величественные города с башнями, подпирающими небеса. Колossalные корабли, обремененные сокровищами Вселенной, молниеносно рассекали бескрайние просторы.

На закате второй династии Галактическое правительство провозгласило эру научного прогресса, достигнутого посредством систематической разведки и тщательного зондирования всех до единой звезд и планет в пределах освоенной великой Вселенной. Специально построенные корабли вели учет всем ракам, формам жизни, существующим и вымершим, и химическому составу оных. Они летели быстрее света, дабы исследовать и нанести на карту космос.

К исходу третьей династии эти корабли досконально изучили и засвидетельствовали существование трех миллионов рас — от Священных народов планеты Ригель-II до сонных созданий с окраин Галактики. Каталоги шести миллиардов звезд легли в стальные, нержавеющие запасники музейной планеты Калиостро, а работе не видно было ни конца, ни краю.

«История Галактики», том XXII

Толстыми неуклюжими ногами Атте V месил зыбучие пески и смотрел, как выцветшее солнце садится за вереницу холмов. Одна за другой появлялись бледные звезды, сливаясь в лучезарную полосу света и великолепия в чернеющем небе. Атте V побуждал свое медлительное тело передвигаться по небольшой долине к блестящему серебристому шару, сверкавшему в ласковых лучах луны. Слабый ветерок поднимал со дна долины пыльные вихри, а воздух становился разреженным и холодным.

Гладкая структура скалы, что возвышалась впереди, была разрушена, и на поверхности планеты виднелся небольшой круглый металлический предмет, всего несколько дюймов в поперечнике. Объект выглядел неописуемо древним и вполне гармонировал с окружающими камнями, если не считать отсвечивания потускнелого металла. Атте V нехотя остановился, чтобы подобрать находку, разглядывая ее с нарастающим изумлением.

Стандартный отчет

Подраздел фрагмента XXXV

Галактика Северного Региона

Экспедиция IV Корабль CXVII

Приветствую вас, братья из Центра! Докладывает Коно II. Обнаружена планетная система с солнцем типа RII, где некогда существовала потрясающая цивилизация. Тайна Третьей Планеты, считавшейся совершенно безжизненной, раскрыта!

Ученый с Центавра, по имени Атте V, всего XI зундов назад обнаружил единственное уцелевшее свидетельство существования этой непостижимой расы. Все города давно распались на составные элементы, а эрозия стерла в порошок все следы цивилизации, за исключением одного.

На поверхности планеты обнаружен небольшой круглый металлический контейнер, увязший в песке. Его назначение можно определить как всего лишь запись об эпизоде из жизни этой давно исчезнувшей расы.

Эта любопытная коробочка содержит очень длинную полоску, изготовленную, по-видимому, из слюды, на поверхность которой нанесены многочисленные фотографии (вы помните, что такое древняя фотография), каждая из которых похожа на предыдущую. Хотя цвета немного и поблекли, ближе к середине они еще вполне сочные.

Наши ученые озадаченно корпели над ней на протяжении многих зундов, пока не воссоздали древний процесс ее использования путем быстрого прогона полоски сквозь сильный пучок света перед выпуклым стеклом, в результате чего на стене возникает картишка. Потом странные картинки приходят в движение! И какие это изображения!

Я попытаюсь их описать, поскольку они — богатый источник знаний об этой загадочной цивилизации.

Картинки мельтешат, и обстановка меняется слишком быстро, чтобы получить о ней адекватное представление. Видимо, в этом странном мире обитали три совершенно разные расы. Показано по одному представителю от каждой из них. Кажется, крошечный представитель одной расы находится в рабстве у четверолапого верзилы, который хочет за-грабастать невольника и гоняется за ним по огромному городу, построенному еще более гигантскими существами. Невольник на бегу хватает различные чудовищные предметы, намного превосходящие размерами его самого, и смело швыряет их в скачущего вприпрыжку верзилу. Хотя эти многотонные штуко-вины попадают в верзилу, похоже, они не причиняют ему особого вреда. Возможно, у верзилы не одна, а несколько нервных систем, так как удары в лучшем случае всего лишь оглушают его. При этом его огромные глаза вылезают из орбит, пасть захлопывается, шерстистые конечности подкашиваются, и он, как мешок, плюхается на некое подобие серой травы. Но потом он снова вскакивает, и невольнику приходится улепетывать. Затем невольник садится на некое транспортное средство и влетает в маленькую пещеру, выдолбленную в склоне большого белого утеса. Так как исполин этого вовремя не замечает, то на него опять обрушивается мощнейший удар. Причем каждый раз при этом у него над головой возникают странные знаки и символы. Наши ученые считают, что это примитивная форма письменности. Так или

иначе, верзила носится по городу, тщетно пытаясь поймать беглого раба. Каким бесстрашием должен был обладать оператор при съемке таких сцен, ведь огромное красноглазое чудище всегда оказывается за его спиной! Как бы то ни было, вскоре появляется другой жуткий монстр — ужаснее прежнего. Огромные зубы и мощные лапищи делают его несокрушимым противником. Но, оказывается, этот зверь и невольник — друзья-приятели, и, завидев его, верзила сам пытается смыться. И вот новый монстр нападает на верзилу, и дерущихся тварей накрывает облако пыли. И появляются странные литеры и волнистые лучи света. Как велась эта съемка — непостижимо. Теперь мы видим, что новое грандиозное существо победило в схватке и бросает верзилу, думая, что тот мертв. Оно оставляет бездыханное тело и собирается уходить с маленьким невольником. Но тут происходит нечто совсем уж непостижимое. Еще один гигант, настолько колоссальный, что видны только его исполинские ножищи, отрывается от земли тяжеленного громилу и вышвыривает из города.

В те времена поверхность планеты была устлана пышной растительностью. Все росло в полную силу. Мы не понимаем, что случилось с планетой, если горы сровняло с землей и все живое погибло вместе с творениями этой расы, ведь их солнце еще не превратилось в сверхновую.

Может, эти кадры были засняты в молодую пору этой планеты, хотя наши ученые в этом сомневаются.

Поистине, это была фантастическая цивилизация, но, может, мы должны быть благодарны за то, что и планета, и всё живое на ней уже вымерли. Должно

16 Рэй Брэдбери

быть, на этой планете существовала жестокая диктатура, раз двурукие создания были столь сильны, что могли перебрасывать гигантов за горные хребты. Мы считаем, что планета была охвачена страхом и ужасом в самом что ни на есть первозданном виде.

Мы отправим коробку на музейную планету после того, как Большой Совет изучит ее более обстоятельно и попытается раскрыть ее тайны. Эта запись действительно представляет собой большую ценность, так что берегите ее как зеницу ока.

«Тагго», командир корабля CXVII

* * *

Но и Большой Ученый Совет оказался не в силах перевести или хотя бы разобрать странные каракули в финальной сцене пленки — «Мультфильм Том и Джерри».

1940

Военная хитрость

Это случилось во вторник утром, 11 июня 2087 года.

По пустынным улицам Феникса прогуливался ветерок — и более никакого движения. Только семенившая поперек проспекта собачонка замерла, тревожно навострив ушки.

Заслышав чьи-то шаги, она с радостным лаем бросилась туда, откуда раздавался топот ног.

Слабое эхо летело с высоты, то нараставая, то затухая. В небе ровно гудели двенадцать инопланетных кораблей, зависших над притихшим городом, как серебристые шпили.

Материя тягостного молчания с треском разодравшись от громыхания массивных ножищ по мостовой. Звенящее безмолвие протаранил пришелец, за которым маршировали его воины.

Арму-Венерианец торжественной поступью направился к зданию мэрии, взошел ходульной походкой по наклонному тротуару, остановился и разразился проклятиями в адрес города, охваченного мертвейским покоем.

— И это плоды вторжения?! — взревел Арму. — Неужели не осталось ни одного живого города?! Они что, все как один уподобились Нью-Йорку, Чикаго и Фениксу?!

Отскакивая от каменных стен высотных зданий, эхо с издевкой ему отвечало:

— Ты задумал завоевание, Арму, но Земля, заметив твоё приближение, улизнула. Как же Земле удалось не даться тебе в руки, Арму? Как же Земля улизнула?

Венерианец метнул недобрый взгляд на своих полководцев, как бы призывая их к ответу.

— А мы тебе скажем, Арму, мы — голоса двух миллиардов: Земля покончила с собой!

* * *

Горечь этих слов, острый нож реальности пронзили Арму. Его тщательно разработанный план вторжения и захвата женщин Земли для разведения новой венерианской породы рассыпался прахом.

Три тысячи звездолетов висели над Землей в ожидании приказов Арму.

Приказы, которые он будет вынужден отдать, имели ядовитый привкус.

Где сражающиеся земляне, люди битв и пуль, с их мягкой белой плотью? Почему они так легко сдались, отдав предпочтение савану смерти вместо молниеносной войны до конца?

Ведь Арму жил в предвкушении этакого отменно кровавого Армагеддона.

Заместитель командующего в воинстве Арму подперхнулся разреженным воздухом:

— Такая Земля нам ни к чему, — откашлялся он. — Зачем нам этот холодный климат, оголенная атмосфера, скудная почва? Нам нужна производительная протоплазма, а она взяла да самоуничтожилась!

Венерианцы стояли, таращась на онемевший мертвый город. Суицид, да и только! Но земляне не совершают самоубийств. Не из такого они теста. Невозможная задача, чтобы в живых не осталось ни единого мужчины, женщины, ребенка.

Неужели они учинили такой кошмар, лишь бы спастись от Арму?

Достаточно оглянуться по сторонам, чтобы в этом убедиться.

То тут, то там мелькали тени. Кот выгибал дугой спину и терся о забор. Собачонка радостно мчалась на поиски — вдруг вернулся хозяин. Но нет, поджала хвост и бросилась наутек, едва завидев захватчиков.

Арму ворчал:

— Не такого мнения я был о землянах. Не думал я, что они на такое способны.

Он зашагал по улице к огромному звездолету, припаркованному на площади.

— Искать, непрерывно! — приказал Арму. — Ведь кто-то же уцелел!

Боевые корабли Арму перечеркнули небо, прорвали над мертвей Землей, ее мертвыми городами и океанами.

Планета совершенно изменилась.

Еще четыре года назад, 11 июня 2083 года, сей мир выглядел совсем иначе.

* * *

— Вне сомнения, таких бессмысленных заявлений мы еще не слыхивали, — сказал Манхардт.

— Они не только не бессмысленные, но и спасительные, — возразил Харлер.

Он облокотился на стол и ясным и чистым взором вглядывался в лица всех собравшихся.

— У нас один только шанс. Всего один. Итак, воспользуемся им или мы допустим, чтобы Земля погибла?

— Ребячество, — сказал Манхардт.

Харлер ощетинился:

— А вторжение? А порабощение? А нашествие венерианцев, которое уничтожит наш мир? Манхардт! Я знаю, что такое решение найдешь только в книжках. Знаю. Но от фактов не отмахнешься. Против оружия не попрешь! Мое решение проблемы может показаться абсурдным, но оно — единственное...

Собрание тянулось неделями. Кто-то встал в задних рядах.

— Вопрос можно?

Харлер кивнул.

— Есть ли у вас неопровергимые доказательства, что вторжение состоится? — спросил незнакомец.

— Да. Я подслушал секретные заседания, когда под видом дипломата находился в Венерианской столице. Они не знали, что я все слышал. И не знают, что я видел кое-какие виды вооружения.

— Вы особо упомянули об одном оружии...

— Да. Это оружие способно парализовать или аннигилировать все, на что оно нацелено. Оно изготовлено из венерианского металла, поэтому мы не в состоянии его воспроизвести. Они могут выкосить всю Землю, и мы ничего не сможем поделать. В борьбе с ними у нас есть всего одно оружие — а именно: приспособление к новой среде. Нам не спрятаться, не убежать. Зато мы способны на непредсказуемые

решения. Мы можем выжить прямо под носом у агрессоров.

— Парадоксально. И все же, как вы собираетесь убедить общество принять ваш замысел?

— Люди будут вынуждены. Это всего лишь адаптация, уловка.

— Как легко вы говорите о массовом самоубийстве, Харлер!

— Именно, о массовом, но о продуманном и организованном самоубийстве. Для кого-то оно станет перевоплощением, для кого-то — Глубоким сном.

— Вы не сможете!

— Не смогу я, тогда венерианцы... устроят нам кое-что пострашнее!

Харлер изнемог.

— Решать вам, джентльмены. Это будет величайшая перемена, когда-либо происходившая на Земле, — конец роскоши и даже кое-каким предметам первой необходимости. Упрощение нашей донельзя усложненной жизни. Что это будет, джентльмены? Малость... или ничего?

Он сел, мрачно перебирая отчеты, врученные совету из двух сотен ученых и политиков всех стран.

Он вспомнил, как за год до этого первый венерианский корабль прибыл всего лишь с полудюжиной инопланетян на борту. Дипломатическая миссия. Как Харлер полетел с ними на Венеру изучать проблемы космических полетов. И как он случайно раскрыл планы венерианцев...

Но одно обстоятельство было на их стороне. В этот день, 11 июня 2083 года, ни единый венерианский шпион не околачивался на Земле.

Само время работало против Земли. На подготовку к нашествию превосходящих сил врага оставалось в лучшем случае четыре года. И Земля пользовалась своим преимуществом — могла работать втайне...

В воздухе послышался ропот. Президент встал.

— Предлагаю голосовать. Либо мы пытаемся вести бессмысленную войну самолетами против звездолетов, либо выбираем путь, предложенный доктором Харлером. Все, кто за войну, скажите «Да».

— Да... да.

За столом прозвучало прерывистое неуверенное бормотание. Харлер осталబенел, его глаза расширились. Президент пересчитал голоса. Затем:

— Кто за план Харлера?

Встал один человек.

— Я.

Второй, третий, четвертый. Затем с решительностью угрюмых автоматов, почти весь состав совета проголосовал:

— За... за!

Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят... большинство!

— Голосование состоялось, — объявил президент.

Он торжественно повернулся к доктору Харлеру.

На щеке Харлера что-то блеснуло. Он смахнул это, вставая с кресла, чтобы обратиться к своим единомышленникам:

— Джентльмены, вы не пожалеете об этом. Уверяю вас, не пожалеете, — сказал он.

* * *

— Итак, как только вытянут ваш номер и назовут ваше имя, вы узнаете о своем местонахождении на Земле через год и десять лет спустя...

Телеведущий бубнил без остановки:

— Сегодня в столице доктор Уильям Харлер объявил о том, что не более пятисот миллионов человек «сохраният сознание и жизнь». А большинство должны просто уснуть и будут разбужены в будущем, а может, никогда. Что до остальных... гм, ими придется пожертвовать. Это значит, что половина населения Земли должна погибнуть, чтобы выжила другая.

Определенная доля населения будет отобрана по лотерее, что придаст плану черты честной игры. Но остальные, в интересах сохранения интеллектуальной и психологической жизненной силы, пройдут отсев на научной основе по принципу «выживает сильнейший».

Мы переживаем период чрезвычайно бедственного положения. Содействуйте нам — слушайте наши передачи каждый вечер, подавляя в себе истерические реакции. Одно известно наверняка: венерианцы скоро нас атакуют. Дай нам бог быть готовыми, когда они нагрянут. Конец вещания!

Это было у всех на устах — как яд и мед, как добро и зло. Случались ссоры и убийства, отрицание и отчаянное неповиновение, сотрудничество и саботаж. А между тем жухлые дни на лозе бытия опадали, как листья.

Стоило Харлеру заговорить, как два миллиарда поднимали головы, внимая ему.

— Сегодня умрут десять миллионов. Придется пожертвовать душевнобольными в психиатрических клиниках и преступниками, которым мы надеялись помочь. Сберегать их мозг, мышление и личность непозволительно. Мы не можем рисковать, перенося их в Завтрашний день.

За всю нашу бурную историю еще никогда столько много людей не сложили голов, засыпая последним сном, и никогда столько людей не молилось за умирающих. Помните! Это только начало. И помните — это единственный выход!

Что за времена настали для Земли! Безнадежные дни и месяцы неумолимо сложились в четыре года. Пришли в движение врачи и машины, люди и звери, смирение и долготерпение. Началось грандиозное переустройство. Создавались секретные запасы некоторых видов провианта. Их невозможно было обнаружить, ибо они лежали у всех на виду. Самые светлые умы трудились день и ночь, делали хирургические операции, управляли могучими машинами, которые превращали человечество в нечто, доселе невиданное и неслыханное.

Телепередача «Почему мы вступили в эту безмолвную войну» вещала:

— Потому что венерианцам взбрело в голову скрестить свою породу с земными женщинами, ведь способность венерианцев к размножению сошла на нет. Потому что в результате скрещивания двух рас на свет появится жуткое потомство, а все бесплодные будут уничтожены. Спасутся только наши женщины, обреченные на жизнь в кошмарном позоре. Этого мы

не допустим. Вот почему мы трудимся, не покладая рук.

Приближались последние дни. Эскадры венерианцев уже строились в боевые порядки в мглистой венерианской атмосфере. Один венерианский корабль совершил разведывательный полет над Землей, но не обнаружил ничего подозрительного. Ничего, кроме бурной деятельности, чем, впрочем, Земля отличалась всегда.

Харлер снова выступил.

— Завтра мы узнаем, увенчались ли успехом или провалились наши массовые ухищрения. Завтра в результате одного миллиона экспериментов произойдут первые перемены. И каждый следующий день все больше и больше — по пять-десять миллионов в сутки.

Мы всё продумали. Человек будет воспроизводить себя разумно. Проблема, главным образом, в психологической адаптации к новой среде, к новому искусству, к новым вкусовым ощущениям и к новому чувству голода, к новым жилищам и перспективам.

Некоторые утверждают, будто это поколение не будет способно к размножению, что оно не способно унаследовать интеллект. Ложь! Интеллект выживет. Разум человека сохранится. Раса мужчин и женщин погибнет, но драгоценное это и жизненная сила сохранятся в семени, которое мы усовершенствовали экспериментальным путем. Интеллект *будет* передаваться по наследству!

* * *

Наступили последние жесточайшие дни, когда извлекались мозги из личности, упаковывались в коробки и отправлялись в хранилища. То были Спящие — погруженные в сон мозги, всего лишь мозги и ничего кроме, бесчувственные и беспомощные, ожидающие того дня, когда живые их разбудят.

— Пятьсот миллионов погрузятся в мозговой сон. Мы обещаем, что разбудим их, если сами выживем.

Раздавались пение, плач, пронзительный смех. Затем сон в тесном потайном пространстве.

Говорят, обо всем об этом не оставляли никаких записей. Ни единого слова о Перемене не попало в печать. Ровным счетом ничегошеньки — ни об эвтаназии, ни о спящих мозгах, ни о таинственных выживших.

Вот интервью с Харлером на телевидении.

Харлер: «Без свежего притока крови и новой плоти венерианская культура вымрет через сорок лет. После чего мы, земляне, сможем выйти из укрытий!»

Вопрос: «Вернемся ли мы вообще когда-нибудь?»

Харлер: «Нет... очень не скоро. А может, никогда. Города в своем нынешнем виде исчезнут. Мы приспособим их к своим потребностям позднее, когда Венера сгинет вместе со своей дегенеративной популяцией».

Вопрос: «Значит, возврата к прошлому не будет?»

Харлер: «Будет возврат к свободе, да, и возобновится жизнедеятельность. Но эти сорок лет должны стать управляемыми годами естественной, неуклон-

ной деятельности, чтобы не вызвать подозрений. Венерианцы не должны ни о чем догадаться...»

Вот почему в печать ничего не просочилось... ни словечка.

Даже упоминание в письме или дневнике карапась смертью на месте, ведь венерианцы могли это найти и прочитать. В печать — ничего! Издателям приказали прекратить публикацию газет и книг.

В Чикаго, Лондоне, Токио вспыхнули восстания. За четырехлетний отрезок времени мятежи унесли десять миллионов жизней. В Китае, в Индии свирепствовала гражданская война. Континентальные бригады по зачистке ворвались туда и подавили беспорядки, оставив после себя пятнадцать миллионов убитыми.

Землю прочесывали от Северного полюса до Южного. Никто не должен оставаться в живых. Всем мужчинам и женщинам надлежит умереть и быть похороненными.

Приказы поступали по радио.

Получил свои приказы и Джо Лейтон.

— Вот, Алиса, 1 июня в четыре часа. Простое предписание — и нам конец.

— Хотя бы мы уйдем в последнюю очередь.

— Да, наш черед пришел под занавес. А этот яд... говорят, не так уж плох. Черт возьми! В следующем месяце обещали повысить в должности. Гм-м.

— Джо, а план сработает? Все умрут?

— Все, кроме пятисот миллионов, которые будут всем заправлять. Они позаботятся, чтобы мы в последний момент не отказались принять яд.

Он покачал головой.

— К каждому кварталу прикреплен судебный врач, который нас всех проверяет, и мы у него на учете. Если допущена ошибка, её *исправляют*.

— А остальные выживут?

— А кто их заподозрит?

— Никто, наверное. К тому же интеллект выживет вместе с ними и перейдет новому потомству...

— Конечно. Раньше такое было бы невозможно. Чтобы добиться такого результата, понадобился бы миллион лет. Но все в руках ученых. Они всё умеют делать с синтетической протоплазмой.

— Я... я рада, что наши дети уснули, Джо, и не умрут. Я рада, что они проснутся и получат шанс.

— Да, да. Им повезло. Ну, пьем до дна!

Харлер испытал на себе Перемену одним из последних.

— Смотрители улиц, — давал он указания по телевизору. — Времени не осталось. У вас на всё прошлое двенадцать часов, чтобы завершить свои обходы. Венерианская эскадра пересекла лунную орбиту. Все остальные времена от времени будут получать распоряжения, отданые моим голосом. Рассредоточьтесь, рассейтесь. Не появляйтесь на глаза вместе. Слоняйтесь в одиночку. Ешьте-спите в одиночестве. Уходите в горы, долины и пустыни, но не отдаляйтесь от приточной воды. Это всё. Всем до свидания. Вы отменно поработали. Да будут услышаны наши молитвы! Конец связи!

* * *

Слышны шаги. Судебные врачи завершают последний обход — от дома к дому, из комнаты в комнату, улицу за улицей, континент за континентом. Наконец, под вечер они заставили умолкнуть последнего жителя, и последние мужчины, женщины, дети были погребены или простерты мертвыми или усыплены в узеньких деревянных ящиках.

Харлер одиноко маячил на высоком холме, а венерианские корабли тем временем стремглав спускались с небес. Незамеченным, он проник в наводненный завоевателями город.

Он увидел их замешательство, изумление, нарастающую тревогу и охвативший венерианцев ужас, когда обнаружилось, что Земля мертва...

Арму, главарь венерианской орды, уже отдавал приказы.

— Велите кораблям сперва захватить Нью-Йорк, Чикаго и Лондон! Высаживайтесь везде, где было много на населения!

— Арму, а как быть с донесениями из Парижа, Бомбея и Токио?

Арму скрчил гримасу:

— Единичные случаи. Ничего, мы еще обзаведемся рабами. Долой опасения!

Но обжигающие рапорты всё поступали и поступали. Денвер, Сингапур, Нью-Йорк, Каир. Мертвые, мертвые, мертвые. Распростертые, похороненные, убитые тела. Пуля, яд, эвтаназия.

Крах.

Арму бушевал на ступенях мэрии Нью-Йорка и мэрии Лос-Анджелеса, прочесывая их своим пурпурно-искрящим жгучим взглядом.

Пустынные улицы, если не считать парочку-другую бродячих котов и семенящих собак да порхающих в небе пташек. И безмолвие. Великая тишина.

Через две недели обысков и клокочущего гнева Арму скомандовал своей эскадре «Кругом!», и армада отправилась на Венеру. Климат, знаете ли, нездоровий. А молчание и смерть подрывают моральный дух.

Несолено хлебавши венерианцы взмыли в небеса, и больше от них не было ни слуху ни духу.

* * *

Харлер наблюдал за их отступлением. Манхардт наблюдал за их отступлением. Президент Соединенных Штатов наблюдал за их отступлением. Пятьсот миллионов пар глаз любовались, как захватчики улетучиваются в бессильной злобе.

«Какая непостижимая жизнь, — думал Харлер. — А ведь дети воспримут Перемену, новое искусство и новые обычай как нечто вполне само собой разумеющееся. Наша грядущая плоть станет сильнее, стройнее, лучше приспособленной. Венерианцы сгинули навсегда!»

Харлер снова посмотрел на небо, любуясь новым цветом. То, что было немыслимо столетие назад, сегодня — реальность. Новые дома, новая пища для всех нас. Новые тела. Новые синтетические тела, созданные в подражание другим, но способные воспроизводить в себе интеллект.

Он все еще стоял на холме, с которого открывался вид на Лос-Анджелес.

Харлер подал голос и похолодел от его звучания, которое прокатилось эхом по всей долине, а в ответ с готовностью отзывались другие голоса.

И вот у реки к нему вприпрыжку понеслась свора пыхтящих собак — с тонким мехом, стройных, серых, на пружинящих лапах, светлооких существ, на которых не пало подозрение, псов, бродивших по улицам прямо под носом у захватчиков, тершихся о туловища захватчиков, обоняя их едкие запахи.

Казалось, они рыщут в поисках своих умерших хозяев. На них не обращали внимания, им давали пинка. Новая порода животного с человеческим мозгом, вылепленная из синтетической плоти, бежала и смеялась.

Опрошение. Переделка. Военная хитрость, уловка.

Харлер бросился им навстречу. «До чего же это странное ощущение, когда бегаешь на четырех ногах, — думал он, — когда солнце нагревает мою шерсть, и когда раздается шелест моих лап, стоящих на траве, и перемены в моем чувстве голода, в мыслях и потребностях!»

Пока он семенил навстречу Манхардту, президенту, Джейн Смит и остальным, его волновала одна мысль: «Что ж, я сдержал свое слово. Венерианцы одурачены. Земляне победили!»

Сияя от восторга, он бежал по долине.

Дальнейшее — молчание

Мы впустили их. Они посадили свои продолговатые серебристые корабли в наших долинах, на плоскогорьях и равнинах. Мы впустили их, не причинив им вреда. Мы все наблюдали, выжидали и передавали по цепочке весть о вторжении. Она, можно сказать, нас позабавила.

Было ли нам известно об их прибытии? Да. Мы слышали, как они летят к нам из космоса. Мы насчитали тысячу кораблей, рассекающих пустоту. Они спасались бегством от чего-то. Они были вынуждены пойти на этот шаг, им пришлось бежать. На их планете, которую они называли Землей, жить стало невозможно. Они построили корабли и пустились наутек, пока не стало поздно.

Мы все видели, как они приземляются, и слышали вибрацию их резких непостижимых слов. Их воождем был высокий сухопарый человек со стальными плечами и спокойным бледным лицом. Он говорил своим людям о полете, о принесенных жертвах и о новом мире, в котором им суждено жить.

Вот как звучали вибрации его речи:

— Божьей милостью, мы добрались сюда. Мы преодолели невимоверные препятствия, трудились в поте лица своего и обрели наш новый мир.

Нам нескончально повезло, что этот мир необитаем. Какая удача, что нам не придется драться с инопланетянами за право здесь обосноваться. Мы мирно опустились в этот сине-зеленый рай, в котором есть только шелест воздуха и журчание воды, свет и земля, ветер и горы.

Нам не особенно хотелось убивать этого человека. Его звали Монро. Но мы знали, что ему придется по-платиться за то, что он одного с ними роду-племени.

Нас раздражал другой человек — обрюзгшая молекула неисправимости.

— Вот именно, — сказал он отрывисто. — Это чистый лист. Не нужно воевать с индейцами... Немецкие бомбы на голову не сыплются... Доброе начало. Послушайте, Монро, месяцев через шесть мы превратим этот невзрачный мирок в точную копию Нью-Йорка, Чикаго и продвинемся далее на Запад со всеми остановками. Вот увидите!

Остальные земляне откликнулись на его слова оглушительными ликующими возгласами, которые, исторгаясь из их глоток и легких, казались нам вопиющей бессмыслицей. Монро в ответ на это ничего не сказал.

Мы выжидали. У нас была своя задача. Нам не хотелось, чтобы земляне снова улизнули, как с Земли перед лицом уничтожения. Мы хотели, чтобы они пустили корни, отстроились, умиротворились и наслаждались жизнью. Мы хотели, чтобы они дали своим кораблям проржаветь и рассыпаться. А мы могли подождать.

Все время в этой вечной Вселенной принадлежит нам.

— Карлсон, держите ухо востро. Кто их знает, вдруг по этой планете бродят кочевники. Может, здесь водятся всякие жуткие болезни и еще более жуткое зверье. Нам теперь нельзя воевать. Война нам противопоказана.

— Есть держать ухо востро, сэр! Будем смотреть в оба!

И они смотрели в оба. Да только ничего не замечали. Ходили парами, мужчины и женщины. Стояли на вершинах, полураздетыми прогуливались в диких зарослях по оврагам и пересохшим песчаным руслам рек. Они вдыхали пряный воздух Ксотона, словно дерзновенное вино. Они видели, как в небе восходит и заходит солнце. Они смотрели, как звезды описывают величественные космические круги от одного горизонта к другому. Они созерцали смену времен года, и, наконец, они убедились, что им ничего не угрожает.

Они думали, что владеют Ксотоном. Они воображали, будто Ксотон навеки будет принадлежать им. Они насочиняли о нем множество словес, печатных и изустных, сложили о нем баллады, поднимали за него хмельные кубки, грезили о нем в сновидениях.

Мы не стали мешать первому и второму поколению умирать своей смертью от присущих им болезней, культурных конфликтов и социального упадка. Мы позволили им широко раскинуть свои сети воздушных и стальных путей, они пустили по рекам

суда. Они подняли в небо самолеты. Они запустили в недра земли «кротов». Они хоронили в земле своих усопших. А мы тем временем следили, дожидаясь подходящего момента.

Мы ждали.

Мы знали, чего они стоят. Безмозглые мошки, движимые электрическими сигналами животной жизни, не знающей космического движения, которые передвигались бесцельно, беспричинно и беспорядочно, творили хаос своими губастыми ртами, возвещая о своей несусветной дикости. Мы знали, что они — последние ошметки человечества, которые мечутся из одной Вселенной в другую, лихорадочно цепляясь за жизнь.

Мы были очень терпеливы.

И вот теперь, когда они уютно устроились, поселившись в металлических домах и разъезжая в металлических карах, пришло время действовать...

Самые любознательные из них, возможно, о чем-то догадывались по одному лишь взгляду на колыхание ветвей дерева, на соленые языки волн, лижущие бесшумные берега моря, или по ласковому дуновению ветра. Но ведь эти признаки и явления такие естественные. И вообще, это единственное, что есть естественного. Все остальное противоестественно и, следовательно, не имеет права на долгое существование.

В ночь перед тем, как это произошло, мы все посовещались и договорились о том, что захватчиков нужно застать врасплох. Мы, подобно амебе, втянули их в свое сердце. Теперь они превратились в

ядро. Нам оставалось только сдавить на их горле наши ложноножки. Одно-единственное космическое движение.

* * *

Стояло прекрасное весеннее утро. Небо было отполировано до блеска, и корабли землян порхали по небу и сверкали, как блестки во сне.

Люди прогуливались, беседовали и наслаждались теплом жизни. Раздавались смех и пение.

И тут горы заходили ходуном, и небо стиснулось в синий кулак.

И вдруг реки неистово выплеснулись из своих берегов. Земля содрогнулась и рассыпалась в крошево. Солнце вспыхнуло обжигающее и яростно.

Люди и их города оказались в самом ядре всего происходящего.

Мы их изничтожили. Раздавили, прихлопнули. Всех. До единого.

Никто не спасся.

Природа восторжествовала. Все было так тщательно продумано и исполнено.

Мы их убили.

И снова на Ксотоне воцарилась тишина. Под желтым солнцем, на ветрах со всех морей и далеких гор стало тихо, как зимой, когда холмы укутывает снег, а воды ручья сковывает лед. Ах, что за безмолвие! О, Боже праведный, какое молчание!

Вы, читающие эти строки в каких-нибудь далеких галактических сферах, оглянитесь вокруг. Задумайтесь о солнце и небе, о почве у вас под мясистыми стопами.

Призадумайтесь основательно и надолго.

Может, реки потекли слишком стремительно по весне? Может, летом солнце чересчур печет? Может, ветры по осени стали чрезмерно резки? Может, зимой сугробы глубоки не в меру?

Как знать... Может, вы живете на таком же Ксотоне?

1942

Ешь, пей, гляди в оба!

Поверьте мне, док, поверьте! Ей-богу! Я же не прахвост какой-нибудь! И уберите, наконец, подальше вашу смирительную рубашку! Послушайте, у меня проблемы. Мне худо. Я вам все расскажу!

Значит, так! На Венере я служу дипломатом, отдуваюсь за всю Солнечную систему. Венерианцы прислали мне приглашение: «Банкет состоится с 22 августа по 3 сентября включительно». Как я мог им отказать, если я среди всех мелких сошек самая крупная? Я попытался свалить это дело на кого-нибудь другого, но желающих не нашлось. Знаете, как обстоит дело? Венерианский банкет длится от недели до десяти дней. Иногда дольше. Восемь приемов пищи в день, по двенадцать перемен блюд на каждый прием пищи. Венерианский метаболизм — все равно что геенна огненная — сжигает всё подчистую. Короче, того, что они собирались вывалить мне на тарелку, хватило бы, чтобы накормить целое стадо слонов на Земле. Землянину такое не по зубам — скопытится после второго блюда.

Что мне оставалось? Отказаться? Ни за какие коврижки! Дипломатия, знаете ли, мой дорогой Киннисон! Пойдешь на попятную, нанесешь им несмываемое оскорбление, и тогда разразится война между

Землей и Венерой, после которой коровы вместо молока станут доиться самогоном. Как тут отказаться! До меня в прошлые годы у них побывали Морган, Гердон и Меррилл. Эти сабантуй — настоящее бедствие. Полне еды и начальства, снуют туда-сюда. Все до единого дипломаты за двадцать лет окочурились, чем доставили венерианцам неописуемое удовольствие.

И вот мне суждено было отправиться на собственные похороны.

Но за шесть недель до банкета я случайно встретил профессора Клопта. Помните такого? Все науки знает. Любимое занятие — копаться в напластованиях грязи. Наверное, поэтому его прозвали «грязевым» ученым. Пардон.

Профессор Клопт предложил мне одно изобретение. Он знаток теории сжатия Фитцджеральда и специально для меня изготовил пояс с переключателем, который я ношу на животе, там, где желудок. Называется «пояс сжатия».

Я иду на банкет. Меня приветствуют десять тысяч венерианцев с раздутыми телесами и головами с булавочную головку. Я сажусь во главе стола длиной в десять кварталов. Первое блюдо — кит на тосте. Второе и третье — ребро мастодонта, зажаренное на огне, маринованный бок динозавра и дюжина яиц величиной с футбольный мяч. Еду свозили фурами, сгружали и отправлялись за новой порцией. Такого табльдота я в жизни не видывал.

Я проглотил все. До последней крошки. Четырнадцать дней кряду набивал брюхо фруабуандерами, фиксами, антимакассарами и выпивкой. Венериан-

цы ликовали. Я имел у них грандиозный успех. В результате Венера подписала мирный договор и в знак восхищения мною отменила банкеты на двадцать лет вперед.

Как это мне удалось? Клопт смастерили мне бандаж для живота с регулятором. Щелчок, и мой желудок очутился во втором, в третьем, потом в четвертом измерении. В свободном плавании. Только не весь желудок, а лишь его внутренний вакуум.

Так вот, в четвертом измерении все движется гораздо быстрее, чем у нас. Как в космосе. И мой желудок помчался по нему, как наше солнце — сквозь пустоту. С той же скоростью, а может, и быстрее. Ладно. Я здесь. Мой желудок — там. Мы с ним и здесь, и там одновременно. Только на желудок действуют те же силы, что и на любой объект, летящий в космосе. И согласно теории Фитцджеральда, благодаря своей скорости он неизмеримо сжимается. Но сжимается не внутренняя оболочка желудка, а его внутреннее пространство. Оно сильно сокращается в размерах. И вся дрянь, которую я в себя напихал, страшно спрессовалась. Поэтому от такого двухнедельного затякивания снеди наполнение моего желудка не причинило мне дискомфорта. Спасибо Фитцджеральду. Пища сжалась. Я уцелел. Все просто.

Вот так я надул венерианцев, док. Но я забеспокоился. Может, мне нужно принять соды? Столько всего нужно учесть. Неужели я таким и останусь на всю жизнь? Если да, то придется без передышки уплетать еду за обе щеки, чтобы сжатие не ослабевало.

Я боюсь возвращать свой желудок в настоящее время, потому что тогда — БА-БАХ! И вся пища,

тонны и тонны еды опять расширяются. БУМ! И — кранты! Меня разнесет в клочья. Не так ли?

Как же мне быть?

Послушайте, док, что это вы так странно на меня уставились? Держитесь от меня подальше, не смеите ко мне прикасаться! Док! Я говорю правду! Не стаскивайте с меня одежду, док! Не снимайте с меня пояс сжатия, не трогайте переключатель! Руки прочь от пояса! Вы нас всех взорвете к чертовой бабушке! Что, не верите, док?

Нет! НЕТ!!!

1942

Звание — Спутник

Рявкающий окрик:

— Берегись, *podano!*

Пьетро Дионетти мгновенно отскочил в сторону, и целая стена изогнутого металла пролетела мимо его узкого лица и иссиня-черной копны волос.

— Не взыщи! — прокричал Морган из кабины крана.

Крановщик поработал рычагами, и лист металла взмыл на верхотуру, где его дожидались с десяток монтажников, чтобы приладить к зияющему проему в обшивке звездолета. Они установили его на место, отцепив от крюка, который отправился за новым листом.

Ракета мало-помалу обрастила оболочкой. Пьетро с товарищами трудились над ней часами. Они надевали скорлупу на сердцевину из динамо-машин, турбин, атомных двигателей, хитросплетения всяческих патрубков и миллионов тончайших, но мощнейших органов, которые усваивали и вырабатывали энергию: корабль-гигант готовился прорубить в космосе дыру.

Пьетро услышал полуденный гудок и в компании Нуччи, Антонио и других ребятат поехал на монорельсе в кафетерий.

— Санта-Мария! — воскликнул он. — Ракета молниеносна, как ртуть, крепка, как чеснок. Совсем недавно это был один голый остов. А вчера-сегодня-завтра — погляди, мы нарядили ее в платье, вкалывая вовсю, как лошади!

Набив большой рот едой, Пьетро не умолкал, перемалывая пищу:

— Одно только меня беспокоит. Вот мы строим корабль. Так? Мы его холим и лелеем. Так? А что потом? Мы же с тобой знаем, Нуччи. Мы видели.

Он сделал паузу, чтобы зачерпнуть полную ложку и безошибочно доставить ее в рот, словно краном. При этом его черные брови сосредоточенно приподнялись.

— Мы заканчиваем сборку... и тут является какой-нибудь желторотый проходимец, после колледжа, залезает в нее и — БУМ! — улетает. Только мы ее и видели! Так?

Пожилой Нуччи закивал в ответ. Его морщинистое лицо склонялось над тарелкой с мясом.

— Нуччи, дружище, ты когда-нибудь бывал на Марсе?

— Нет.

— А летал ли ты на Ио, на Венеру, на Юпитер, на Меркурий? Нет, не летал. Это я знаю. Я тоже не летал. Разве это справедливо?

Нуччи засомневался, задумчиво посасывая свою ложку. Потер свой крупный розоватый пористый нос, пожал широкими плечами и задумчиво покачал головой.

Пьетро поспешил продолжить:

— Нет, это несправедливо.

Нуччи закивал уже увереннее — раз Пьетро так говорит. Ведь Пьетро окончил среднюю школу. Ему виднее.

— Посмотри на меня, — сказал Пьетро, — посмотри на меня, Нуччи.

Нуччи посмотрел в ответ и увидел перед собой его утонченное лицо с оливковым отливом кожи, полные добродушные губы и крепкие сверкающие зубы, и ниспадающие лоснящиеся волосы.

— Ну, посмотрел, — произнес Нуччи.

— Чем я, по-твоему, отличаюсь от субъекта по имени Джозеф Маком?

— Большого ученого по ракетам, что ли?

— Именно. Вот посмотри, Нуччи, в чем разница между мной и Макомом?

— Не знаю, — тихо сказал Нуччи.

— У меня два глаза. Ноги, уши, нос. И детей побольше, чем у него. *Si?*

— *Si*, Пьетро.

— Так в чем же разница, спрашивается?

— Пьетро, — сказал Нуччи. — Мне не хочется этого говорить, но ты ведешь себя неразумно. Действительно...

Пьетро замахал мозолистой рукой.

— Нет, нет, *mia pabalo!* Это я знаю. Но ведь мы оба трудимся. Так?

— Вы оба трудитесь, Пьетро.

— И оба выкладываемся до предела, *si?*

— *Si*, Пьетро.

— Так что, это неважно, сколько у него серого вещества — он работает не усердней меня, так ведь?

— Так, Пьетро. Вы оба вкалываете до упаду. Вы оба валитесь замертво от усталости. Но, Пьетро, он же окончил колледж.

— Нуччи, *mia provere*, совсем не нужно оканчивать колледж, чтобы желать совершить нечто великое!

— Лично я не мечтаю ни о чем более великом, чем двенадцатичасовой сон.

— Нет, нет, Нуччи, это не то! Неужели ты и правда ни о чем не мечтаешь?

— Я мечтаю о Маргарите...

— О звездах, Нуччи! о звездах...

Но тут раздался пронзительный свист таймера, и вскоре Нуччи, Пьетро и Антонио с другими парнями отправились на работу в дневную смену.

— Пьетро, — сказал Нуччи. — Не пристало тебе мечтать о звездах. Думай только про своих *bambini*. Забудь про Макома. Он большой человек.

— Я тоже стану большим человеком, — сказал Пьетро. — Однажды я стартую в ракете.

— Однажды, — сказал Нуччи. — Однажды, Пьетро. Не сегодня.

Пьетро залез во внутренности тракторного двигателя и чинил его, проклиная на чем свет стоит всё, что он знал и понимал, но все равно не мог полюбить:

— Однажды, — зло прощедил он сквозь зубы. — Однажды! Нет, не однажды, а сей же час!

Снаружи раздался чей-то голос:

— Эй, Дионетти, чем ты занимаешься с этим двигателем, починкой или любовью? Поторопливайся. Корабль отправляется на Марс через четыре недели!

* * *

Пьетро стало не по себе.

— Мне двадцать семь лет, и у меня восемь детей. И всю оставшуюся жизнь я должен заползать под брюхо раскаленной машины и мучиться с ней! О, Святой Михаил, поддержи мою усталую голову!

Извиваясь, он выполз из-под крана, огляделся на окружающий его знойный мир и сказал:

— Как, ну как же тут станешь великим человеком, черт возьми? — Он яростно сплюнул. — Что мне сделать, чтобы выбраться в большие люди?

Начальник сверлил глазами Пьетро.

— У тебя будут большие неприятности, если этот кран не заработает через десять секунд!

В ответ Пьетро просверлил глазами начальника.

— Какого черта я тут делаю! — вдруг вскричал он. — Я иду к мистеру Макому свершать великие дела!

И он отшвырнул разводной ключ и потопал прочь.

— Эй, Дионетти, а как же кран!

— Возьмите этот кран и...

Начальник рассмотрел это предложение и отклонил его...

— Какие у вас проблемы, мистер... мистер... гм, — Маком пытался вспомнить его имя.

Пьетро подсказал:

— Дионетти. Пьетро Дионетти. У меня восемь детей и жена. Я хочу повышения по службе.

Карие глаза Макома расширились, а губы скрипились в полуулыбке.

— Что же такого вы совершили, мистер Дионетти, чтобы заслужить повышение?

— Я работаю руками. Я работаю сердцем. Может, моя голова бастует, но тело трудится, мистер Маком.

— Разумеется, разумеется, вы работаете, Дионетти, — важно кивнул Маком, моргая. — Как, впрочем, и все остальные, вам подобные. Работа и опять работа. Вот ваш удел. Нам всем приходится трудиться.

Пьетро вынул свой козырь:

— Но я не такой, как все, мистер Маком. Я — другой. Я вижу звезды.

На лице у Макома возникло удивление. А этот человек не так прост, как кажется.

— Что вы хотите этим сказать, Дионетти? — вежливо поинтересовался он. — Вы *видите* звезды?

Дионетти взглянул на потолок так, как будто на нем вращались и плавали все планеты мирового пространства.

— По ночам я смотрю на небо, как и все. Но не все видят то, что видит Дионетти. Это не просто звезды и луна, мистер Маком. Это куда больше, чем смотреть и видеть то, на что смотришь. Тут надо пропущивать, мистер Маком, *проникнуться*. Вот чем я обладаю — чувством.

Маком откинулся на спинку кресла.

— Но это еще не основание для повышения по службе, не так ли, Дионетти? — участливо спросил он.

Пьетро изумился.

— Не основание, мистер Маком? Конечно, это и есть основание. Разве я не отличаюсь от остальных? Разве крепкое тело не отличается от других тел, если оно еще способно на большее, чем просто тело, если оно пытается думать и чувствовать больше, чем остальные? Разве не пора такому телу переместиться?

- Куда переместиться?
- Куда? — переспросил Дионетти.

Заминка. Затем вымазанная моторным маслом рука взлетает ракетой:

— Переместиться? Вверх. *Ввысь!*
Маком понимающее засмеялся. Встал и протянул руку.

- Мистер Дионетти...
- Да, сэр?
- Вы пойдете на повышение.
- Правда, мистер Маком?
- Определенно, мистер Дионетти. Вашу руку.

Пьетро был польщен тем, что мистер Маком уважает его настолько, что пожимает его замасленную руку, и вышел с сияющей улыбкой и большими надеждами.

* * *

Дионетти еще раз откусил от своего сэндвича с салами и запил глотком красного вина. Причмокнул губами и погладил себя по животу.

— *Ah, Jesu-Guiseppe e' Maria,* — выдохнул он. — Как хорошо. Моя жена делает лучшие сэндвичи с салами после Муссолини.

— Как ты можешь есть, Пьетро? Как ты можешь есть, когда через тридцать минут, всего через тридцать минут тебе нужно уходить. Когда через тридцать минут тебя поглотит ракета и унесет на Марс?

— Нуччи, *mia proveino*, ты переживаешь больше, чем я.

— Что ты будешь делать на корабле? — полюбопытствовал Антонио.

— Что ты будешь делать на Марсе? — подхватил Филиппе.

— Сколько времени ты будешь отсутствовать? — не отставал от остальных Нуччи.

Пьетро покончил с сэндвичем и встал, чтобы вытереть руки о штаны. И тут только до него дошло, что на нем не засаленные джинсы, а перламутровые рейтзузы и хорошо сидящий костюм с треугольным вырезом. Поэтому он вытер руки о штаны Нуччи, а Нуччи весь прямо засиял от такого знака внимания.

— Я не знаю, сколько времени меня не будет, — сказал Пьетро. — Шесть месяцев. Год. Два. Но когда я вернусь...

Нуччи сказал:

— Пьетро, *fron tillio*, тебе не страшно?

Пьетро зашагал по стартовой площадке, и шестеро остальных итальянцев последовали за ним, покачивая головами.

— Страшно? — спросил он. — Нет. Меня мутит, *si*. И мысли путаются, *si*. Но я не боюсь.

— Что за работа у тебя будет на борту? — не без подвоха спросил Антонио.

— Работа? Что я буду делать? Антонио, разве мало того, что я лечу. Важно не то, что я делаю сейчас, а то, что я буду делать потом. Подожди, увидишь.

— Ты станешь большим человеком, Пьетро? — спросил Нуччи.

— Да, Нуччи, большим человеком.

— Как мы узнаем, что ты стал большим человеком, как ты говоришь?

— Как?

Пьетро остановился у ангара. Вдалеке он увидел стройную женщину с восемью детьми, выстроеными по росту. Они приближались, и у них в глазах стояли слезы — его жена и *bambini*.

— Посмотрите на небо. И увидите, какой я большой. Однажды часть неба будет принадлежать мне. Дайте срок, вот увидите. Часть неба будет принадлежать Дионетти, и корабли будут облетать это место стороной. Вот как вы узнаете, что я — большой человек.

Все засмеялись.

Слезы, как ртуть, текли по щекам Марии. Рыдая, она прижалась к Пьетро. Он поцеловал ее, потом нежно, но настойчиво отвел ее умоляющие руки и погладил по головке каждую *bambina* и каждого *bambino*.

— Ты не вернешься, Пьетро, — запричитала она.

— Ты снова увидишь меня, — сказал он, серьезно кивая.

— Конечно, конечно, — стали вторить остальные. — Пьетро будет житьечно. Он у нас твердый, как астероидный кремень.

— Завыла сирена, — сказал Пьетро. — Мне пора. Работа ждет. Позабиться о *bambini*, Мария.

— *Si*.

— Ну, я пошел.

Он быстро повернулся и зашагал к кораблю. И скрылся в нем.

— Ах, не знаю, не знаю, — пробормотал Нуччи, наблюдая за приготовлениями. — Рядом с этим ко-

раблем и космосом... гм... Пьетро, ты такой ужасно маленький человек... ужасно маленький...

Его голос заглушил рев взмывающего вверх корабля. И вот он исчез.

* * *

Работа была не из самых приятных. Пьетро стал чумазее, чем раньше, да и руки стали мозолистее. Его красивую серую униформу приходилось менять каждые десять часов. Но он был счастлив проноситься по космосу. В звании «помощника машиниста» он жил среди вращающихся барабанов и ныряющих поршней, обливаясь потом, в жаре и масле. И он молился на это чудо.

Гудящий корабль летел к Луне. Пьетро каждой своей клеточкой ощущал содрогание и мощь звездолета. Во время десятичасового перерыва, перед тем как устроиться на своей койке, ему хватало времени насмотреться сквозь двойной иллюминатор на Землю, энергично помахать ей рукой и прокричать:

— Эй, Нуччи! Эй, Антонио! Эй, Мария! Поглядите-ка на меня!

Но были мгновения, когда он стоял у иллюминатора, чувствуя себя бесконечно крошечным. Пылинкой. Мельчайшей былинкой с амбициями. Как же тяжело быть «большим» человеком посреди громады космоса.

— Итак, я, Пьетро Дионетти, нахожусь в космосе, — вздохнул он. — А дальше что? Как арендовать астероид, построить дом для жены и *bambini*? Как стать «большим»?

— Брау-у-у! — рявкнуло радио.
— Всем постам! По местам стоять! — прозвучала команда.

Все по тревоге бросились на свои посты.

— Приготовиться к аварийному режиму!

Слова звучали членораздельно и отчетливо.

— Всем постам! Всем постам!

По лестницам и настилам безудержной лавиной загромыхали подошвы ботинок. Голоса сливались воедино.

— Эй, ты! — мимо Пьетро, пыхтя, пронесся капитан-электрик без униформы. — Прибавь шагу! Попшевеливайся!

Ошарашенный, Пьетро побежал за ним, еще ничего не соображая. Они влетели на центральный пост и выстроились у двери вместе с двадцатью остальными, расставив ступни и приподняв подбородки — руки по швам.

Остальные члены экипажа управляли звездолетом. Вошел капитан корабля и начал отдавать отрывистые команды, как телетайп:

— Маклеод!

— Я!

— Проверить спасательные шлюпки. Стоять на готове с открытыми люками. На всякий случай!

— Есть, сэр! — Он проворно откозырнул, раздался перестук его жестких каблуков.

— Райдер!

— Я!

— Проверить провизию! На шесть суток в космосе. Мало ли...

В разговор вмешалась громкая связь:

- Сэр!
- Я слушаю!
- Температура поднимается, сэр! В «двенадцатом» аврал! Утечка радия!
- Переборки задраены?
- Да, сэр. Переборки 12-А, В и С!
- Докладывать каждые двадцать секунд!

* * *

Капитан повернулся к подчиненным.

— Делать вам особенно нечего. Стоять у спасательных шлюпок. Ждать команды. Как только вас вызовут, немедленно уходите! В двенадцатом секторе лопнул барабан, и радий вырвался наружу. Плохо дело.

— Атомные машины работают с перегрузкой из-за двойного заряда радия. У нас начались цепные ядерные взрывы. Они не прекратятся, если не выбросить за борт этот радий. Если мы не избавимся от него вовремя...

— Никто не поймет, что случилось. Это произойдет мгновенно. Мы не можем заглушить двигатели. Мы летим на полной мощности, расходуя как можно больше, чтобы выиграть время и попытаться вышвырнуть высвободившийся радий и прервать цепную реакцию!

— Пресвятая Дева! — пробормотал Пьетро. — Вот был бы здесь Нуччи!

— Короче! — капитан спешил. — Кто-то должен войти в сектор-12 в скафандре, подвергнуться чрезмерному излучению активного радия и всего прочего.

Кто-то должен взять цилиндр с радием и выкинуть в аварийный люк. Итак...

Двадцать два человека, как один, подняли руки. Идти вызвались все. В том числе Пьетро, хотя он не до конца понимал все тонкости. Он знал только, что там опасно. Да, это он понимал.

— Постойте, — сказал капитан. — Нельзя терять ни минуты. Тот, кто войдет в этот отсек, оттуда не выйдет. Он станет переносчиком радиации. У нас нет свинцовой защиты от такого воздуха. Он умрет от облучения через несколько часов. Так что, знайте, это билет в один конец.

Никто не опустил руку. Серые глаза капитана пробежали по шеренге, от одного к другому. Отличные ребята. Все как на подбор.

Пьетро шагнул вперед.

— Капитан, сэр. Где сектор-12?

Взгляд капитана вопросил «кто это?». Сержант, стоявший рядом, прошептал:

— Рядовой Дионетти, сэр. Помощник машиниста.

Пьетро сказал:

— Я не знаком с остальными, но они учились дольше меня. У них высокие должности. Они всю жизнь трудились на высоких должностях. Они вам нужны. Все до единого. Но помощника машиниста всегда легко найти, сэр.

Капитан пристально посмотрел на Дионетти.

— Вы знаете, что вам предстоит сделать?

— Я понял вашу мысль, и у меня есть несколько своих.

— Почему я должен послать вас, а не других?

— Потому что я хочу повышения в звании.

— Зачем вам повышение? — настаивал капитан.
— Я бы заслужил повышения, если бы выполнил задание?
— Разумеется, заслужили бы.
— Тогда я выполню его, капитан. Это моя работа. Мой шанс принести пользу. Получить повышение, — глаза Дионетти загорелись...

* * *

Внутри своего раздутого скафандра, готовый к работе, Пьетро обливался потом и ругался. Он слышал голос капитана и чувствовал пальцы капитана на своих плечах.

— Как слышите меня, Дионетти?
— Слышу вас хорошо, сэр.
— Я повышаю вас в звании прямо сейчас, на-перед... Капитан Дионетти!

Они пожали друг другу руки.
— Но... но сэр. Капитан? Я? Капитан?
— В бочке с маслом вы, может, и рядовой. Но к черту бочку! Вы — капитан наших судеб!

Губы офицера плотно сжались, когда он развернул Пьетро и плотно застегнул его костюм на спине.

— Приказ вы получили... Ни в коем случае неозвращаться. Было бы лучше взять с собой пистолет, чтобы не продлевать страдания. Мне хотелось бы пожелать вам удачи, но... Да пребудет с вами Бог, Капитан Дионетти!

И вот Пьетро остался в одиночестве. По лицу струились ручейки пота. Руки дрожали, пока он отпирал сектор-12, распахивал массивную

дверь, протискивался в нее, громко захлопывал за собой. На мгновение его остановил почти невыносимый жар. Он встал как вкопанный.

Треснувший сверху цилиндр с радием извергал смертоносное излучение, хлеставшее цепными ядерными реакциями, которые становились все хуже и опасней. Цепные взрывы можно было прекратить только после того, как радий будет выброшен наружу. И сделать это можно было одним-единственным способом — вышвырнуть через аварийный люк.

Пьетро отбросил пистолет, врученный капитаном. Ему почему-то не хотелось иметь с ним дела. Быстро текущие, обжигающие минуты работы. И вот он поднял двадцатипятифунтовый цилиндр с радием, вот он переносит его к аварийному люку. Из-за огня в венах и раздутого скафандра он шагал с трудом. Выпуклым стеклянным щитком скафандра, который прикрывал его лицо, он надавил на рычаг. И увидел, как перед ним с шипением отворяется люк и захлопывается уже за его спиной.

В его голове творилось что-то невообразимое. Внутри воздушного шлюза он нажал на второй рычаг, и люк в открытый космос распахнулся перед ним.

Внизу простиралась Земля.

— Я буду падать и падать на Землю, — пробормотал он. — Добрый Иисус-Jesu, увидит ли Мария, как я буду падать? А Нуччи будет качать головой и плакать? А мои *bambini*? Что с ними будет?

— Я буду падать и падать. За такой ли работой я сюда пришел? Это ли мое первое и последнее задание?

Перед распахнутым аварийным люком проносился космос, черный и бездонный.

Пьетро крепко прижал к груди радий, сделал четыре шага наружу и один большой — вниз...

* * *

Нуччи качал головой.

— Я всегда говорил Пьетро... Однажды, Пьетро, не сейчас. Но я ошибался. Теперь *каждый* день принадлежит Пьетро.

— Это папа? Это он, мамочка?

— *Si, bambino, si!* Да, это твой папа!

— Ты должна им гордиться, Мария, — сказал Нуччи.

— Я и горжусь. Он говорил, что однажды станет большим человеком. Теперь я знаю, так оно и есть.

Нуччи печально покачал головой.

— До чего же высоко он забрался!

Над головами Нуччи, пятерых его друзей-итальянцев и Марии с детьми возвышался огромный телескоп. Предупредительный лейтенант от астрономии стоял рядом и давал разъяснения:

— Видите ли, миссис Дионетти, когда ваш муж вместе с радием покинул корабль, он не только спас жизни людей и корабль стоимостью миллионы долларов, но и, сам того не ведая, совершил еще одно выдающееся деяние.

Он вышел на свою собственную орбиту вокруг Земли. Его тело полетело в таком направлении, что гравитация навсегда удержит его на околоземной орбите.

Он станет вторым спутником Земли. Крошечным попутчиком Луны, который будет вечно вращаться.

— Слышали, *bambini*?

Ученый продолжал:

— Государство оценило героизм мистера Дионетти и признало эту орбиту местом его последнего успокоения, а Луну и звезды — надгробиями. Достойные почести. Отныне все корабли будут облетать эту орбиту стороной, чтобы не потревожить его могилу.

Мария, дети, все остальные и Нуччи еще раз посмотрели в телескоп на крошечную безмолвную пылинку в космосе, бессмертную — после смерти.

И Нуччи покачал головой, прослезился и громко высморкался.

— Странно, как странно... — сказал он наконец, — вот смотрю я на Пьетро, и мне кажется, я вижу, как он улыбается, смеется и кричит:

— Эй, *bambini*! Эй, Мария! Эй, Нуччи! Гляньте-ка на *меня*!

1942

Это ты, Берт?

У меня девчонка есть,
Крошка Лиза-Джейн!
Она ночью со мною останется,
А тебе ничего не достанется!

Очередная стружка пролетела в прозрачном утреннем воздухе, а ей вдогонку устремился плевок из табачной жвачки Старика Гордона. Его охотничий нож поблескивал на солнце, а водянистые голубые глаза искося поглядывали на заготовку новой ножки, которую он выстругивал для своего любимого стула.

Хруст...

Услышав этот звук, Старик поднял курносое лицо со щеками цвета спелой вишни. Он перестал строгать и опустил свои руки в давних шрамах на колени.

— А? Кто это там? — приветливо спросил он скрипучим голосом, глядя в сторону леса.

Хруст...

Кто-то очень тихо вышел из кустарника. Его выдавал только знакомый хруст. Старик широко улыбнулся, обнажая беззубый рот.

— Кто это? — ласково переспросил он. — Это ты, Берт?

Хруст...

Незнакомец приближался с опаской, и Старик вернулся к своему занятию — деревообработке. Лете-

ли щепки, посверкивал нож, Стариk напевал «Крошка Лизу-Джейн».

Наконец, Стариk поднял глаза и увидел, что незнакомец не двигается с места. Стариk помахал ему ножом.

— Заходи, присаживайся. Ты чего? Язык проглотил? Устраивай свои ноги поудобнее и потолкуем о том, о сем. Я тебя не вижу, потому как у меня с прошлого года разбиты очки, а я все никак не велю своим мальчикам отвезти меня в город за новыми. Эта^{какие}кие негодники...

Незнакомец не ответил, но в больших красных глазах его вспыхнуло любопытство, и встрепенулись отвислые мертвенно-бледные уши. Он сделал еще один шаг и выпростал некий червеобразный при-даток, возможно, ногу, которая, вся белесая, показалась на солнце, как бы щекоча и зондируя почву под собой, а за ней с паучьим проворством выскочили еще две.

— Раз ты в рот воды набрал, — крякнул дед, — придется мне одному разговоры разговаривать. — Стариk стесал с деревяшки изрядный кусок. — Я-то сначала подумал, ты мой сосед. Может, что-то стряслось, сынок? Подустал? Приболел? Или просто заупрямился?

Молчание.

— Мне без разницы, что там с тобой приключилось, но ты все равно присаживайся, потому что мне тут в Озарке до чертиков одиноко. Родня, знаешь ли, по большей части в отъезде. Вот и оставили меня присматривать за домом.

Тут он разразился булькающим грудным смехом.

— Самое-то смешное, я за три вытянутые руки дверь в нужник не увижу. И... — тут он рассмеялся еще громогласнее. — Да если бы даже у меня было нормальное зрение, на какого черта тут смотреть-то!

— Ур-ру-люр-люр-люр-люр...

При этих ласкающих слух трелях дед поднял голову.

— Это еще что?

— Ур-ру-люр... мур... люр-ра...

— Гмм-мм, — Старик в упор уставился на пришельца, пережевывая табак за небритой щекой и сопротивляясь, шутит чужак или серъезен.

— На каком это ты языке говоришь?

— Люрр.

Старик покачал большой головой и, усмехаясь, подергал себя за бакенбарды.

— Держу пари, — фыркнул он, — ты говоришь как иностранец. Знаешь, где я раньше слышал такой говорок?

— Люр-ру-ур.

— На Гава-а-айях. Тридцать лет назад. Меня занесло в Гонна-лу-лу. Ну, я и застрял там на два месяца. Так вот у них там такой же диковинный язык.

Незнакомец с любопытством посмотрел на Старика. Странная, в виде перевернутой пирамиды, голова незнакомца задвигалась. Он разинул маленький безгубый рот, и оттуда зазмеился белый язычок. Большие уши подались вперед, чтобы лучше слышать дедову речь.

Старик сказал:

— Присаживайся, незнакомец. Мне все равно приятно, что ты здесь, хоть и не разговорчивый.

Незнакомец сел, а точнее, плавно привел себя в состояние покоя. Старик уловил движение.

— Ты смотри-ка, изящный, прям как танцовщица. Грация, понимаешь! Гмм... Разрази меня гром! У меня ноги-руки так легко ни за что бы не согнулись.

И старик вновь с головой ушел в свое серьезное занятие.

— Знавал я одного такого... грациозного. Танцевал на сцене Академического театра в Торнборо. Ребята над ним подтрунивали — уж больно пластично он двигался. Наверное, это стало его второй натурой.

Незнакомец задумчиво разглядывал обветшалую хижину и бутылочные тыквы, подвешенные над входом, высокую железную кровать, видневшуюся в окно, обросшие лишайником бревенчатые стены и весьма неопрятного кота, дремавшего на солнышке. Все это, да еще строгальщик, в придачу с его занятием и песенками, выглядело весьма старомодно и захолустно.

Старик неподражаемо сплюнул, и табак, описав дугу, втемяшился в дрозда. Тот заверещал и, как ошпаренный, метнулся прочь, трепыхая мгновенно намокшими крыльшками.

Дед потянул носом летний воздух.

— Странно, — изрек он, принюхавшись снова. — Чуешь? Чем это повеяло, мистер?

Молчание.

От ветра и знойного солнца запах чужеродной плоти усиливался.

Старик поморщил вздернутый нос.

— Ну и смердит. Я-то думал, дубилью с живодерней закрыли. Оказывается, нет. Должно быть, сегодня снова открыли.

Старик подслеповато уставился в сторону чужака, пытаясь навести свое зрение на резкость. Первое, что пришло ему в голову, было: «Может, тебе не мешало бы в баньку сходить». Но, поразмыслив немного, старик сказал себе: «Да я сам с апреля не мылся». Нет, тут что-то другое. В любом случае, сказать гостю, что ему срочно нужны мыло и влажное полотенце, — ужасно невежливо.

Макушка у пришельца была огромная; лоб белый, идеально шаровидный, почти прозрачный. Когда на него падали солнечные лучи, казалось, внутри, под бледной кожей плавно колышется розоватый пульсирующий мозг. Костного покрова не было, а только тонкая скорлупа, вроде яичной, хрупкая и зачаточная.

Затем:

— ...двуное первозданного вида... двуное первозданного вида...

— Что? — встрепенулся старик, оттолкнувшись спиной от балконных перил. Он задвигал массивными ногами в мешковатых штанинах.

— Ты что-то сказал, незнакомец?

— ...двуное первозданного вида... дегенеративное... неотесанное... на редкость недоразвитое... двуное первозданного вида... первозданного...

Старик метнул в незнакомца косой взгляд.

— Повтори-ка!

Заминка.

Потом:

— Люр-ру-люр-люр-люр... — ответил пришелец.

— Не это, — перебил старик. — А то, другое.

— ...двуноное первозданного вида...

— Ну и словеса! — закряхтел старик. — Ну и словечки! Вот бы и мне так шпарить на королевском наречии.

Деда заметно удивило, что незнакомец умеет говорить.

— ...неотесанный назойливый субъект... очевидно, один из миллионов ему подобных... ужасная планета...

Услышанное медленно доходило до старика, и, в конце концов, он решил, что не понял ровным счетом ни черта, но то, что он понял, пришлось ему не по нутру.

— Эй, послушай, — запротестовал он, — это еще что за тарабарщина такая?

И тут старика осенило, что никакой звучащей речи он таки не слышал! В тяжелом воздухе не раздалось ни единого звука. Он медленно откинулся на спинку стула.

— Постой-ка.

Сплюнул порцию табака.

— Минуточку.

Дернул раз себя за бороду.

— Может, я сбрендил, но ведь ты только что ничего не произнес?

В полуденном свете лоб незнакомца порозовел от пульсации, но ответа не последовало.

Старик затряс головой в надежде хоть что-то уразуметь.

— Ты ничего не сказал, но я ведь что-то слышал. Только слова проникли в мою голову не снаружи, а изнутри — как будто в мозгу фонтанчик забил. Черт, черт, черт! Чужак, что это со мной? У меня что — крыша поехала?

Незнакомец по-змеиному плавно задвигал червеобразными руками и белыми волнистыми ногами и стройным бледно-коричневым округлым телом, а его глаза в пирамидальной голове с выпуклым лбом упорно разглядывали старика.

— ...цивилизация с признаками дегенерации... если она может служить примером... на нашей планете нет ничего подобного...

Старик опять ничего не понял, и то, что он не понял, ему не понравилось. Он ткнул ножом в воздух.

— А ну-ка выкладывай, кто ты такой есть! Ты что ж это, мысли чужие читаешь, как в варьете? Если да, то вали отсюда сей же час! Я с такими в одну церковь не войду. Чтоб духу твоего тут не было! Вот...

В голове старика чужеродные слова зазвучали снова, и на сей раз они стали позaborистее: «...узколобый религиозный фанатик... что-то такое про предрассудки... семантически нездоров... социально неряшлив...»

Старик ощетинился.

— А ну, заткнись! — сказал он громко. — Ладно, черт с тобой, ты заявился, уселся и защебетал, чтобы я ничего не понял, но у меня есть сомнения насчет твоего языка, к тому же в Писании про него не сказано. Ты есть...

— ...умственно инертен...

И опять в воздухе эта невыносимая вонь. Она просочилась в ноздри старика, и его заколдило, как от боли. Он закричал:

— Как же от тебя несет! Как же ты мне надоел!
Давай, проваливай отсюда!

Старик встал, подпирая перила, служившие ему единственной опорой.

— ...несчастное забитое двуногое существо... воображает, будто оно властно повелевать... что невозможно... ибо насилие прекратило существование миллион лет тому назад... оно есть орудие невежественного индивида...

Старик почуял, как между лопаток струится ледяная влага, как из ручья, и подумал, с чего бы это.

Издалека, откуда-то из Антилопьей долины, до него долетело ласкающее слух почихивание «Форда» 1925 года выпуска, тарахтящего по грунтовой дороге. Клем и Изабель... возвращаются из города. Они выручат...

— ...пролететь по космосу в снаряде... лишь для того, чтобы обнаружить выродившуюся двуногую особь... этот экземпляр... типичный для всех остальных, пока единственный из наблюдавшихся... на остальных из этой цивилизации, скорее всего, не стоит и смотреть... немедленно возвращаюсь на Четвертую планету...

Незваный гость поднялся, плавно извивая свои щупальца на солнце. Старик мгновенно принял эти движения за нападение, к тому же гнилостный смрад был так невыносим для его обоняния, что он схватил деревянную ножку стула, отчаянно потрясая ею.

— Прочь, а то щас как шаражну! — заорал он.

Старик не собирался ударять чужака. Он поскользнулся на веранде и упал вперед, рассекая воздух своей дубинкой. Она задела пришельца лишь самую малость. На обычном человеке от нее и шишки бы не осталось.

То, что за этим последовало, описывать слишком жутко. Череп лопнул, извергая розовую пену и плоть. Хрупкое тело сдулось, разъехалось, раскорячилось, скаталось на полу в бесформенные бело-розовые студенистые комки. Щупальца корчились от боли, извиваясь, как ложноножки у амебы, а вонь усилилась.

Благодаря своему слабому и расплывчатому зрению старик всего этого не увидел, а только подвергся воздействию запаха. Конечно, он видел, как падает незнакомец, но о летальном исходе ему было невдомек. И он бросился прочь, спасаясь от невыносимого зловония.

* * *

Клем и Изабель прибыли на своем «Форде», который дребезжал и постреливал глушителем. Старик не мог их видеть, зато был безмерно счастлив их слышать. Он смутно различал, как «Форд» резко остановился, и узколицый сухопарый Клем вылез из него, обращаясь к деду:

— Привет, дедушка! Слыхал, что случилось прошлой ночью? По всему городу разнеслось. На первой полосе «Горна» и по радио, и...

— Куда он подевался? — крикнул дед, озираясь по сторонам, сжимая нож. — Куда провалился этот бродяга?

— Кто куда подевался? — не понял Клем.

— Ну этот несусветный чтец чужих мыслей, с которым я только что разговаривал!

Старик изучал место падения непрошеного гостя.

Клем стремительно приближался к хижине.

— Чужак? Я не видел никаких чужаков, дед. Ты уверен?

— Черт! Еще как уверен. Я что, по-твоему, выдумываю?

Клем подошел к дому, и уже было занес ногу в сапоге, чтобы взойти на веранду, как остолбенел с гадливым выражением на лице.

— Боже праведный! Дед, кого тут прищучили? — возопил он. — Дьявол! Что за вонища! Тьфу! Ты что, змею убил или кого там еще? Похоже на змею. А там еще одна. Да ты аж двух гадов прикончил! Тьфу!

— Змеи ни при чем, — проскрипел старик. — Дай рассказать про этого чужака.

Клем поспешно взошел на веранду, подальше от исчезающего сгустка на земле, который быстро испарялся под солнцем, а грунт впитывал влагу. Через несколько минут почти ничего не осталось, если не считать мерзкого запаха.

— Послушай, дед, — сказал Клем. — Я тебе расскажу про вспышку по всему небу вчерашней ночью. Газеты растрябили обо всем этом до невозможности!

— Ладно, ладно, только сперва я тебе расскажу про этого пришельца...

— Это был метеор, дедушка. Метеор. Так в газетах пишут. Он упал в роще Планкетта. Ровнехонько в середину. Тютелька в тютельку... Жаль, что ты пропустил всю потеху.

— Насчет незнакомца, — дед прокашлялся.

— Прямо посередке, — не унимался Клем. А потом сказал: — Бр-рр, давай войдем в дом, дед, а то тут такая вонь. Тыфу!

Все уладилось. Они поболтали маленько, когда Клем зашел посидеть в доме. Дед опять взялся за работу: поднял брошенную ножку для стула, взял свой нож, пробурчал, что ему нужны новые очки, и принялся строгать.

Его надтреснутый высокий голос зазвучал в знойный полуденный час. А стружки и табак снова залетали по дуге:

У меня девчонка есть,
Крошка Лиза-Джейн...

1942

Вычислитель

Нибли стоял посреди блуждающих теней и всевозможных отзвуков Марс-порта, наблюдая, как должностные лица и механики снуют вверх и вниз по трапу большого транспортного корабля «Терра». Что-то, видать, случилось. Что-то пошло не так. Множество мрачных лиц и мало разговоров. Кто-то чертыхался, и все с ожиданием всматривались в ночное марсианское небо.

Но никто не подошел к Нибли, чтобы узнать его мнение или попросить подмоги. Он, уже весьма пожилой человек, с отвислой челюстью и глазами, похожими на раки — пузырьками на стебельках, которые так и пялятся на тебя со дна прозрачного ручья, — стоял, всеми игнорируемый, и разговаривал сам с собою.

— Я им не угоден или не нужен, — сказал он. — В наши дни машины лучше. На кой им черт стариашка, вроде меня, к тому же пристрастившийся к марсианской выпивке? Ни на кой! А машина не стареет, не выживает из ума и не напивается до чертиков!

В вышине, над мертвыми морями, Нибли учゅял какое-то движение. Вдруг он встрепенулся и навострил все свои фибры. На его морщинистом лице за-

бегал зоркий глазок. Что-то в его маленькой черепной коробке сработало, и он вздрогнул. Он понял: то, что высматривают и чего так дожидаются эти люди, никогда не появится.

Нибли обратился к астронавигатору с «Терры», коснувшись его плеча.

— Послушайте, — сказал он.

— Я занят, — ответил тот.

— Знаю, — сказал Нибли, — но если вы ждете прибытия небольшого ремонтного корабля со вспомогательным вычислителем, то только зря теряете время.

— Чертова с два! — сказал астронавигатор, метнув сердитый взгляд на старика. — Ремонтный корабль должен прибыть и поскорее. Он нам нужен — и он прибудет.

— Нет. Не прибудет, — печально сказал Нибли, качая головой и смягчив веки. — Он только что разбился о дно мертвого моря. Я... почуял... его падение. Я чувствовал, как он падает. Он уже никогда не прибудет.

— Убирайся, старик, — велел астронавигатор. — И чтоб я не слышал больше твоей болтовни. Он прибудет. Точно, прибудет.

Астронавигатор отвернулся и посмотрел на небо, стиснув в зубах сигарету.

— Я знаю это наверняка, — сказал Нибли, но молодой астронавигатор и слышать не хотел. Он не желал выслушивать правду. Правда — вещь малоприятная. Нибли продолжал говорить, но уже про себя: «Я-то знаю наверняка, так же, как всегда знал траектории метеоров и орбиты астероидов».

Люди стояли в ожидании и курили. Они еще не догадывались о крушении. Нибли испытывал к ним глубокое сострадание: корабль, так много для них значивший, увы, разбит. И, как знать, может, вместе с ним разбились их жизни.

На краю посадочной площадки заработал громкоговоритель:

— Внимание, экипаж «Терры». Ремонтный корабль только что радиорвал о том, что его обстреляли в районе мертвых морей. Минуту назад он потерпел крушение.

Сообщение было таким неожиданным, ноозвучало так спокойно и обыденно, что курящие не сразу осознали сказанное.

Затем каждый из них среагировал на новости по-своему. Некоторые бросились в радиорубку за подтверждением. Но большинство так и осталось стоять, возведя глаза к небу, как будто само их созерцание помогло бы собрать ремонтный корабль по кусочкам и вернуть его им целым и невредимым. Наконец, повинувшись инстинкту, все уставились на небо, где находился Юпитер в компании своих лун, яркий и далекий.

Часть их жизни прошла на Юпитере, и у многих там остались дети и жены, и некоторые обязанности, исполняя которые они могли продлевать жизнь этим самым детям и женам. Теперь же, после всего нескольких слов, прозвучавших по громкой связи, расстояние до Юпитера стало непреодолимым.

Капитан «Терры» медленно прошел по взлетному полю. Он останавливался несколько раз, чтобы прикурить сигарету, но ночной ветер гасил ее. Укрыв-

вшись в тени ракеты, он смотрел на Юпитер, негромко, но непрерывно чертыхаясь. Наконец он бросил сигарету и расплющил ее каблуком.

Нибли подошел к капитану и встал рядом:

— Капитан Кролл...

Кролл обернулся.

— А, привет, дедушка...

— Не повезло.

— Да-а. Не повезло, так не повезло.

— Капитан, вы все же собираетесь стартовать?

— Конечно, — тихо сказал Кролл, глядя на небо. — Конечно.

— А как себя ведет защитный бортовой компьютер?

— Не блестяще. Откровенно говоря, хуже некуда.

Может вырубиться в самой гуще астероидов.

— Да, плохо, — поддакнул Нибли.

— Прямо скажем, паршиво до омерзения. Пропустить бы стаканчик. Жить не хочется. На кой черт нам взбрело в голову становиться первоходцами. Там же моя семья!

И он резко вскинул руку к Юпитеру. Он, было, успокоился и попытался прикурить еще одну сигарету. Не получилось. Выбросил ее вслед за первой.

— Без вычислителя с радаром через астероиды не прорвешься, капитан, — заверил Нибли, моргая влажными глазами.

Он шаркал ножками по красному песку.

— На ремонтной ракете был вспомогательный компьютер, присланный с Земли, — сказал Кролл. — И надо же было ему разбиться!

— Думаете, его сбили марсиане?

— Больше некому. Им, видишь ли, не по нутру, что мы летаем на Юпитер. Они на него тоже зарята. Им бы хотелось, чтобы наша колония вымерла. Лучший способ уничтожить колонию — уморить ее голодом. Заставить людей голодать, а значит, и мою семью, и многие другие семьи. Когда семьи умрут от голода, можно заявиться туда и все захватить. Будь прокляты их подлые душонки!

* * *

Кролл умолк. Нибли топтался вокруг да около Кролла, чтобы быть у него на виду.

— Капитан!

Кролл даже не посмотрел в его сторону.

— Может, я смогу помочь? — спросил Нибли.

— Ты?

— Ведь вы слышали обо мне, капитан! Вы знаете обо мне!

— Что именно?

— Вы не можете ждать еще месяц-другой, пока Земля пришлет новый компьютер. Капитан, вы просто не можете не стартовать к Юпитеру, к своей семье и колонии этой ночью! — Нибли спешил, сутился, и его голос звенел от волнения. — И если ваш единственный компьютер накроется в самой гуще астероидов, то не мне говорить, что это значит. Бац! И нет корабля! И вас нет. И колонии на Юпитере кранты! Вы же знаете обо мне и о моих способностях. Знаете, слышали.

Кролл сохранял спокойствие и сдержанность; его мысли блуждали где-то далеко.

— Я слыхал о тебе старик, много чего слыхал. Говорят, у тебя по-чудному устроен мозг, способный на такое, что не по силе машинам. Не знаю, не знаю. Мне эта затея не по нраву.

— Но вам придется свыкнуться с этой мыслью, капитан. Я — единственный, кто сейчас может вам помочь!

— Я тебе не доверяю. Знаю, что однажды ты налакался и угробил целый корабль. Я всё помню.

— Но сейчас-то я не пью. Вот. Хотите дыхну? Чуете?

Кролл постоял, посмотрел на корабль, на небо, потом на Нибли. Наконец он вздохнул:

— Старик, я стартую прямо сейчас. Я мог бы тебя взять, мог бы оставить. В конце-то концов, вдруг ты пригодишься. Что я теряю?

— Ничего, капитан. И вы не пожалеете! — восхликал Нибли.

— Тогда прибавь шагу!

Они направились к ракетe. Кролл — бегом, Нибли — ковыляя, вслед за ним.

Дрожа от волнения, Нибли ввалился на корабль. Все окутывала горячая мгла. Когда в последний раз он поднимался на корабль? Десять лет тому назад! Боже мой! Здорово. Как же здорово снова взойти на борт! Он повел носом. Пахло великолепно. Ощущение отменное. До чего же хорошо! В первый раз после передряги, в которую он попал неподалеку от Венеры... Он отбросил воспоминания прочь. Всё это в прошлом.

Он проследовал за Кроллом по всему кораблю в маленький носовой отсек.

По ступенькам вверх и вниз бегали люди, у которых остались семьи на Юпитере. И они хотели с неисправным радаром пробиться сквозь астероиды к своим близким и довезти груз машин и провизии, без которого тем не выжить.

Из теплой мглы старина Нибли услышал, как в тесном отсеке его представляют кому-то третьему.

— Дуглас, это Нибли, наш вспомогательный вычислительный прибор.

— Неподходящее время для шуток, капитан.

— Шутки в сторону, — вскричал Нибли, — это я и есть.

Дуглас смерил Нибли холодным пронизывающим взглядом.

— Ну нет, — сказал он. — На что он мне? Я же сам механик-вычислитель.

— А я — капитан, — сказал Кролл.

Дуглас взглянул на Кролла.

— Мы прорвемся к Юпитеру с нашим неисправным радаром и вычислителем. Иного не дано. А если разобьемся по пути... Ну что ж, значит, разобьемся. Но будь я проклят, если я полечу с этой старой развалиной!

У Нибли увлажнились глаза. Он сделал глубокий вдох. Сердце заныло, и его прошиб озноб.

Кролл собирался что-то ответить, но тут задребезжал гонг, и какой-то голос прокричал команду:

— По местам стоять! Комендоры — к орудиям. Гамаки! Старт!

— Старт!

— Отсюда — никуда! — велел старику Кролл.

Он выскочил из отсека и бросился вверх по ступенькам, оставив Нибли одного в широкой тени мрачного Дугласа, а тот с нескрываемым презрением окинул его взглядом с головы до пят.

— Так, значит, ты знаешь про дуги, параболы и орбиты так же хорошо, как мои машины?

Нибли кивнул, раздосадованный тем, что Кролл ушел.

— Машины, — взвизгнул Нибли, — не способны делать всё на свете! У них нет интуиции. Они не разбираются в диверсиях, ненависти и спорах или в людях. Машины слишком долго думают!

При этих словах Дуглас сжал веки:

— А ты, значит, *быстрее*?

— Я — быстрее, — заверил его Нибли.

Дуглас щелчком отправил окурок в щель стенной урны.

— Вычисли орбиту!

Нибли зыркнул.

— Промахнешься!

Дымящийся окурок валялся на полу.

Дуглас волком посмотрел на окурок.

Нибли хрипло рассмеялся. Он проследовал к своему противоперегрузочному гамаку и застегнулся на змейку.

— Не дурно! Не дурно! Гм-м?

Корабль зарокотал.

Злющий Дуглас подобрал сигарету, отнес ее к своему гамаку, забрался внутрь, застегнулся на змейку, а затем нарочно снова щелкнул по сигарете. Она полетела мимо.

— Опять промах, — предсказал Нибли.

Дуглас еще пялился на упавшую на пол сигарету, когда корабль сбросил с себя силу притяжения и взмыл в космос навстречу астероидам.

* * *

Марс уменьшился до размеров звездочки. Невидимые железные астероиды безмолвно проносились по своим траекториям, оказываясь все ближе и ближе, назло ракете...

Нибли разлегся у большого толстого иллюминатора, чувствуя, как компьютеры подпольно конкурируют с ним, вычисляя метеоры и соответственно корректируя курс «Терры».

Дуглас молчаливо и напряженно стоял за спиной Нибли. Поскольку это он был механиком-вычислителем, то Нибли подчинялся ему. Он должен был ограждать Нибли от неприятностей. Так сказал Кролл. Дугласу это совсем не нравилось.

Нибли пребывал в отличном настроении. Всё было как в старые времена — здорово! Он смеялся. Махал руками чему-то за иллюминатором.

— Эй, там! — звал он. — Метеор, — походя объяснял он Дугласу. — Видишь его?

— Тут жизни на кону, а ты расселся и развлекаешься!

— Нет, не развлекаюсь, а делаю разминку. Я способен видеть, как они летят во все стороны, сынок. Истинная правда.

— Кролл — просто недоумок, — буркнул Дуглас. — Конечно, у тебя были удачные озарения в

прошлом, до того, как сконструировали надежный компьютер. Несколько удачных озарений — и ты жил за их счет. Твое время прошло.

— Я и *теперь* — парень хоть куда!

— А когда ты вылакал кварту какого-то пойла и чуть не отправил на тот свет целую туристическую группу? Я об этом слышал. Достаточно сказать одно слово, как у тебя ушки на макушке, и это слово — «виски».

От этого воспоминания во рту у Нибли началось не на шутку обильное слюноотделение. Он виновато сглотнул слюнку. Дуглас фыркнул, повернулся и вышел из отсека. Нибли внезапно схватил разводной ключ и метнул его. Ключ стукнулся, брякнувшись о стену, и грохнулся на пол. Нибли засипел:

— У ключа своя орбита, как у всего на свете. Я произвел кое- какие расчеты. Чуть-чуть бы ошибся, и припечатал бы этого негодяя!

Воцарилась тишина. Он вернулся, прихрамывая, на свое место и устало уселся наблюдать за звездами. Он ощущал вокруг себя всех членов экипажа. Теплые нечеткие электрические сигналы их страха, надежды, отчаяния, усталости. Орбиты каждого из них теперь выстраивались в параллельную траекторию. Все пребывали с ним на одном курсе. А астероиды проносились мимо с нарастающей быстротой. Через несколько часов их ждет встреча с главным скопищем осколков.

И вот, наблюдая за космосом, он ощутил, как некая темная орбита вступает во взаимодействие с его собственной. Орбита оказалась неприятной и внуша-

ящей страх. Она приближалась. Она была зловещая. И уже находилась поблизости.

Через мгновение по ступеням поднялся высокий мужчина в черной униформе и стал, разглядывая Нибли.

— Меня зовут Бруно, — представился он.

Он нервничал и все время озирался по сторонам, обшаривая взглядом стены, пол и самого Нибли.

— Я корабельный диетолог. Почему вы здесь? Спускайтесь в кафетерий. Поиграем в марсианские шахматы.

Нибли ответил:

— Вы проиграетесь до ниточки. Ничего у вас не получится. К тому же мне приказано никуда отсюда не отлучаться.

— Почему?

— Не ваша забота. У меня свое задание. Я всё подмечаю. Умею прокладывать особый курс особыми способами. Даже капитан Кролл до конца не знает, зачем он взял меня в этот рейс. У меня же на то имеются личные причины. Я вижу, отслеживаю их подлеты и отлеты и с точностью аптекаря могу вычислить все орбиты — метеоров, планет и людей. Вот что я вам скажу...

Бруно слегка подался вперед. На его лице читалось чрезмерное любопытство. Нибли почувствовал что-то неладное в этом человеке. Он выбивался из общего русла. От него... странно... попахивало. И он оставлял малоприятное впечатление.

Нибли прикусил язык.

— Хороший выдался денек.

— Говорите, — сказал Бруно. — Вы что-то хотели сказать?

По лестнице уже поднимался Дуглас. Бруно свернул разговор, козырнул Дугласу и ушел. Дуглас был отнюдь не рад встретить его.

— Что тут понадобилось этому Бруно? — спросил он старика. — Капитан приказал, чтобы ты *ни с кем* не общался.

Морщинки у Нибли сложились в улыбку.

— С этим Бруно держи ухо востро. Я вычислил все его орбиты. Вижу его движение. Вот, он в сей миг находится в афелии и возвращается.

Дуглас нахмурился.

— Ты думаешь, Бруно работает на банду марсианских промышленников? Если бы я заподозрил, что он замыслил помешать нашему возвращению в колонию на Юпитере...

— Он еще вернется, — сказал Нибли. — Перед тем как мы войдем в сплошной Пояс астероидов. Вот увидишь.

Корабль резко свернул в сторону. Компьютеры только что отвели его от метеора. Дуглас улыбнулся.

Это раздосадовало Нибли. Машина ела его хлеб. Нибли задумался и закрыл глаза.

— Вот летит еще парочка метеоров! На этот раз я переиграл машину!

Они замерли в ожидании. Уворачиваясь, корабль дважды отскочил в сторону.

— Ах, черт побери! — вырвалось у Дугласа.

* * *

Прошло два часа.

— Мне там, наверху, стало скучновато, — произнес Нибли извиняющимся тоном.

Капитан Кролл поднял на него глаза из-за обеденного стола, за которым сидели еще двенадцать человек — Уильямс, Симпсон, Хайнс, Бруно, Макклур, Лейбер и другие. Все поглощали пищу, но без аппетита. Всех слегка подташнивало. Корабль все время рыскал и метался взад-вперед. Вскоре предстояла встреча со сплошным Поясом астероидов. Вот когда затошнит не на шутку.

— Так и быть, — сказал Кролл. — В этот раз можешь пообедать с нами. Но запомни, только в этот раз.

Нибли ел, как вконец оголодавший хорек. Бруно все глазел и пялился на него и, наконец, поинтересовался:

— Ну, так как, сыграем в шахматы?

— Нет, я все время выигрываю. Не хочу бахвалиться, но еще в школе я был лучшим полевым игроком и ни разу не попал в аут. Самым лучшим!

Бруно отрезал ломтик мяса.

— Чем ты занимаешься, старикан?

— Выведываю, что куда катится, — уклончиво ответил Нибли.

Кролл метнул взгляд в Нибли. Старик заторопился.

— Впрочем, я и так знаю, куда катится Вселенная, будь она неладна.

Все подняли глаза от своих тарелок.

— Но если скажу, ты мне не поверишь, — рассмеялся старикан.

Кто-то присвистнул. Остальные захихикали. Кролл вздохнул с облегчением. Бруно поморщился. Нибли продолжал:

— Это чистое ощущение. Как нельзя описать звезды слепцу, так и нельзя никому описать Бога. Если бы мне вздумалось, я бы вывел формулу, а если бы это сделали вы, то окочурились бы от отравления математическими символами.

Опять смех. По кругу пустили немного вина для храбрости, которая им понадобится в предстоящие часы. Нибли посмотрел на запретное зелье и встал из-за стола.

— Ладно, мне пора.

— Отведай винца, — предложил Бруно.

— Нет, спасибо, — сказал Нибли.

— Отведай, отведай, — настаивал Бруно.

— Это не по мне, — отказался Нибли, облизываясь.

— Какая ерунда, — не унимался Бруно, сверля его взглядом.

— Мне нужно наверх. Приятно было потрапезничать с вами, ребята. Увидимся еще, после Метеорного роя...

При одном упоминании приближающегося Пояса все приуныли. Кто-то вцепился пальцами в край стола. В одиночестве Нибли вскарабкался по лестницам в свой маленький отсек, как паук по паутине.

Спустя час Нибли захмелел, как пират.

Он держал это в тайне. Он втихомолку припрятал бутылку вина в своем гамаке. Ему улыбнулась удача. Именно, удача. Да, да, повезло же ему! Он нашел это отменное винишко в шкафчике при иллюминаторе. Правда, правда! И поскольку его столько лет томила жажда, жажда, жажда, то что в итоге? Буль-буль-буль!

Нибли напился.

Он покачивался перед иллюминатором под воздействием винных паров, определяя траектории тысячи невидимых пустяковин. Затем стал полусонно спорить сам с собой, как он это обычно делал, когда винные паутинки, свитые красными дремотными паучками, облепляли его мозг. Сердце стучало глухо. Его колючие глазки внезапно гневно заискрились.

— И все-то вы врете, мистер Нибли, — сказал он сам себе. — Вы тычете в метеоры, но кто может доказать или опровергнуть ваши слова? А? Кто может? Вы расселись тут и ждете, ждете, ждете. Машины там внизу все портят. Вам никогда не выпадет шанс проявить свои способности! Нет! Капитан не воспользуется вашими услугами. Он в вас не нуждается! Никто из тех парней вам не верит. Думают, вы лжец. Поднимают на смех. Да, на смех. Да еще обзывают старым лгунишкой!

Тонкие ноздри Нибли затрепетали. Его худое морщинистое лицо стало пунцовыми и злобным. Он вскочил, схватил свой любимый разводной ключ и стал помахивать им взад-вперед.

* * *

На мгновение его сердце чуть не остановилось. Он лихорадочно схватился за грудь, сжимая и разжимая ее ладонью, чтобы заставить свое сердце биться. Вино. Треволнения. Он выронил гаечный ключ.

— Нет, еще не пора! — он глянул на свою грудь и принял яростно ее растирать. — Только не сейчас, ну, пожалуйста! — вскричал он. — Сперва я им всё докажу!

Сердце стучало медленно и опьянило.

Он нагнулся, подобрал ключ, тупо усмехаясь.

— Я им покажу, — закричал он, выписывая на полу кренделя. — Они еще не знают, на что я способен. Долой конкурентов! Я сам поведу корабль!

Он стал медленно спускаться по лестницам и крушить машины.

И наделал много шума.

Нибли услышал крик:

— Держи его!

Его рука рухнула вниз еще и еще раз. Раздался пронзительный свист, лязг рухнувшего металла, небольшой взрыв. Его рука с ключом еще несколько раз опустилась. Он услышал свое чертыханье и громыхание. Что-то вдребезги разлетелось. К нему бежали люди. Оказалось, это компьютер. Он стукнул по нему еще разок. Вот тебе! Затем его схватили, как пустой мешок, врезали кулаком по лицу и швырнули на пол.

— Выключить ускорение! — прокричал кто-то издалека.

Корабль сбросил скорость. Кто-то въехал ему ногой по физиономии. В глазах потемнело, почернело — и он провалился во мрак.

Очнувшись, он услышал голоса.

— Возвращаемся.

— Еще чего! Кролл говорит, мы полетим дальше, что бы ни случилось.

— Это самоубийство! Как же мы войдем в Пояс астероидов без радара?

Лежа на полу, Нибли посмотрел вверх. Кролл склонился над ним.

— Как же я не догадался, — твердил он.

В трезвеющем взгляде Нибли его лицо было все еще расплывчатым.

Корабль завис — ни движения, ни звука.

В иллюминатор Нибли увидел, что они обосновались на солнечной стороне большого планетоида, который служил им щитом от большинства астероидных осколков.

— Я прошу прощения, — сказал Нибли.

— Он еще просит прощения!

Кролл выругался.

— Именно тот, кого мы взяли на борт в качестве запасного компьютера, оказывается вредителем и разбивает нашу машину! Черт тебя подери!

Бруно оказался в комнате. Нибли заметил, как его глаза расширились во время этой тирады Кролла. Значит, Бруно все знает.

Нибли попытался встать.

— Мы все равно пробьемся через Астероидный рой. Я вас проведу. Поэтому-то я и расколошматил эту чертову машину. Конкуренция мне не по нутру.

Я могу проложить курс через астероиды таких размеров, что Луну возьмут на буксир.

— Кто дал тебе вино?

— Я его нашел. Просто нашел и все.

Экипаж сверлил его ненавидящими взглядами.

Он ощущал их ненависть, как тучу летящих в него астероидов, которые ударяются об него. Они ненавидели этого сморщенного, съеженного старикашку со всеми его потрохами. Они окружали его, дожидаясь, когда Кролл отдаст им его на растерзание.

Кролл ходил вокруг старика.

— Ты думал, я рискну взять тебя проводником через Пояс?

Он фыркнул.

— А если бы ты на полпути опять нализался?

Он встал спиной к Нибли, погрузившись в раздумья и поглядывая через плечо на старика.

— Я не могу тебе довериться.

Он посмотрел на звезды в иллюминаторе, на сияющий в космосе Юпитер.

— А с другой стороны...

Он посмотрел на экипаж.

— Вы хотите вернуться?

Никто не шелохнулся. Ответа не требовалось. Они не хотели возвращаться. Они хотели лететь дальше.

— Значит, вперед, — сказал Кролл.

Бруно заговорил:

— Не мешало бы дать слово и нам, членам экипажа. Я — за возвращение. У нас ничего не получится. Только зря погибнем.

Кролл спокойно посмотрел на него.

— Похоже, вы в одиночестве.

Он вернулся к иллюминатору. Покачался на ка-блоках из стороны в сторону.

— Это вино попало к Нибли не случайно: кто-то знал о его пристрастии к вину, вот и подсунул ему бутылку. Кому-то марсианские промышленники заплатили за то, чтобы этот корабль не дошел до места назначения. Хитроумная комбинация. Машины были разбиты таким образом, чтобы подозрения пали на невиновного, ну, или почти невиновного человека. Нибли был всего лишь орудием в чьих-то руках. Хотел бы я знать, в чьих...

Нибли поднялся с гаечным ключом, зажатым в мозолистой руке.

— А я вам скажу, кто подбросил мне эту бутылку. Я всё думал-думал и теперь...

Тьма. Короткое замыкание. Топот ног по сталь-ным листам пола. Крик. Мрак, прошитый очередью. Потом свист, словно что-то пролетело и во что-то ударилось. Кто-то застонал.

Свет снова зажегся. Нибли стоял у выключателей.

На полу с пистолетом лежал Бруно с мутнеющими глазами. Он поднял пистолет, выстрелил. Пуля по-пала в живот Нибли.

От боли Нибли схватился за простреленное место. Кролл пнул Бруно ногой по голове, и она запроки-нулась назад. Бруно валялся на полу без движения.

Между пальцами у Нибли пульсировала кровь, а он наблюдал за этим не без любопытства, но с гри-масой боли.

— Я знал его орбиту, — прошептал он, усажива-ясь на полу со скрещенными ногами. — Когда свет погас, я выбрал свою орбиту возле выключателя.

Я знал, куда двинется Бруно в темноте. Я, конечно, воспользовался гаечным ключом и запустил его по заданной траектории. Кто же знал, что у него такая непробиваемая черепушка...

* * *

Нибли перенесли на скамью. Помрачневший Дуглас склонился над ним, взрослея с каждой секундой. Нибли, прищурясь, посмотрел вверх. Все ребята встали вокруг него. Нибли ощущал их отчаяние, испут, волнение и лихорадочный гнев.

Наконец, Кролл сделал выдох.

— Развернуть корабль, — велел он. — Возвращаемся на Марс.

Экипаж стоял, безвольно опустив руки по швам. Они устали. Им расхотелось жить. Они просто попирали ногами пол. Затем они, один за другим, стали разбредаться, подобно холодным безжизненным существам.

— Постойте, — вскричал слабеющий Нибли. — Я еще жив. Мне еще нужно рассчитать две орбиты. Одну до Юпитера для вашего корабля и одну отдельную тайную орбиту для себя лично. Не смейте поворачивать обратно!

Кролл поморщился.

— Старик, ты мог бы догадаться, что на прохождение через Астероидный рой нужно семь часов, а тебе осталось жить часа *два* от силы.

Старик рассмеялся.

— А то я не знаю. Черт возьми! Кому полагается все это знать, мне или вам?

- Тебе, старикан.
- Тогда, черт побери, принесите мне скафандр!
- Послушай...
- Я сказал, скафандр!
- Зачем?
- Слыхали вы когда-нибудь про такую вещь, как триангуляция? Так вот, может, я не выживу, чтобы лететь вместе с вами, но, будь я проклят, если этот корабль не долетит до Юпитера!

Кролл посмотрел на него. На корабле воцарилась тишина, в которой было слышно дыхание и биение сердец. В нерешительности Кролл сделал вдох, потом тускло улыбнулся.

- Ты слышал, Дуглас, принеси ему скафандр.
- И носилки! И высадите эти девяносто фунтов костей на самый крупный астероид в округе! Понятно?
- Вы слышали, Хайнс? Носилки! Приготовиться к маневру!

Кролл присел возле старика.

- Что ты задумал, дед? Ты... трезвый?
- Как стеклышко!
- Что ты собираешься делать?
- Искупать свои грехи! А теперь убери от меня подальше свою уродливую личину и дай мне все продумать! И вели им пошевеливаться!

Кролл прикрикнул на своих людей, и все забегали. Принесли скафандр. Поместили в него девяносто кричащих, сипящих слабеющих фунтов. Доктор закончил свой зондаж и штопку. Старика пристегнули, затянули, наложили сварные швы. Пока шла работа, Нибли все говорил:

— Помнится, в детстве я пулял бейсбольными мячами на все четыре стороны, на кого бог пошлет, — он издал сдавленный смех. — А потом предсказывал, какое окно и в каком доме они разобьют! — Свистящее хихиканье. — Однажды я сказал отцу: «Папа, на гараж Симпсона в Джонсвиле только что упал метеор». «До Джонсвила шесть миль, — сказал отец, погрозив мне пальцем. — Если не перестанешь врать, отправишься у меня в дровяной сарай!»

— Побереги силы, — посоветовал Кролл.

— Ничего страшного, — сказал Нибли. — Знаете ли, самое странное то, что я врал напропалую, и все говорили, что я вру напропалую, но потом выяснялось, что я вовсе не врал. Это оказалось правдой. Я просто это *чувствовал*.

Корабль совершил посадку на пустынный безветренный планетоид. Нибли перенесли на носилках на неприветливую скалу.

— Опустите меня тут. Приподнимите мне голову, чтобы я мог видеть Юпитер и весь Пояс астероидов, будь он неладен. Настройте мои наушники, чтобы они были в лучшем виде. Вот так. Теперь дайте мне лист бумаги.

Нибли накорябал на бумаге какие-то змеевидные каракули и сложил листок.

— Когда Бруно очухается, отдайте ему это. Может, он и поверит мне, когда прочитает. Лично в руки. И чтобы никто не подглядывал.

Старик откинулся назад от сверлящей боли в желудке и от какого-то грустного счастья. Откуда-то доносились пение. Он так и не разобрал, откуда. А может, это звезды двигались по небосводу?

— Ладно, — внятно сказал он. — Что ж, дети мои, пожалуй, всё. Теперь грузитесь на борт. Оставьте меня одного. Нужно пораскинуть мозгами. Я еще ни разу не делал таких жутко громоздких вычислений! Тут сам черт ногу сломит! Будут и траектории, и перекрестные орбиты. И огромные огненные шары, и крохотные сверкающие осколки. И ей-богу, я их вычислю до единого, всю их свору из ста тысяч трехъярусных выродков с их отродьями. Вот увидите! Все на борт! Я скажу вам, что нужно делать.

Дугласа терзали сомнения.

Нибли перехватил его взгляд.

— Что бы ни случилось, — закричал он. — Дело стоит того, разве нет? Все же лучше, чем возвращаться на Марс, не так ли? Не *так* ли?

— Лучше, — согласился Дуглас, и они пожали друг другу руки.

— А теперь валите отсюда!

* * *

Нибли проводил взглядом стартовавший корабль. Его глаза видели ракету, Астероидный рой и сверкающую точку — колоссальный Юпитер. Он почти стал ощущать голод и нужду тех, кто ждал там, на светящейся звездной точке.

Он заглянул в космос. Его глаза расширились, и в них он вместился целиком, этот космос, раскрывшись подобно цветку. С естественностью текучей воды мозг Нибли, вопреки усталости, начал выступать вычисления. Нибли заговорил.

— Капитан! Держитесь прямого курса. Как слышите меня?

— Слышу вас хорошо, — ответил капитан.

— Взгляните на приборную доску.

— Смотрю.

— Если шкала № 7 показывает 132:87, так держать. Если стрелка отклонится на одно деление, то в противовес ей доведите показания на шкале № 20 до 56:90. И так летите 70 тысяч миль. Пока все ясно. Затем, после этого, делаете резкий вираж и летите 1000 миль курсом № 2. На этом направлении вам придется уклониться от огромной тучи метеоров. Нука посмотрим, посмотрим...

Он немного поразмыслил.

— Поддерживайте постоянную скорость 100 тысяч миль. На такой скорости... сверьте свои часы и хронометры... ровно через час вы окажетесь во второй части Большого пояса. Затем ложитесь на курс № 3 и летите примерно 5000 миль. Потом ровно через пять минут — снова вираж и...

— *Нибли, вы видите все эти астероиды? Вы уверены?*

— Уверен. Их видимо-невидимо. И все летят в разные стороны! Летите прямо два часа с этого момента. Затем после моих последних инструкций начинайте отклоняться к Юпитеру. Сбросьте скорость до 90 тысяч на 10 минут. Затем прибавьте скорость до 110 тысяч на 15 минут. После чего — 150 тысяч на всем протяжении пути!

Ракетные дюзы изрыгнули пламя. Корабль стремительно унесся вдаль, уменьшаясь в размерах.

— Показания на шкале № 67!

— Четыре.

— Доведите до шести! Установить автопилот на 61—14—35. Теперь — все в порядке. Считывать показания хронометра таким образом: семь, девять, двенадцать. Придется тут, но ровно через 24 часа вы прямиком прилетите на Юпитер, если доведете скорость до 700 тысяч и будете лететь, не снижая скорости, шесть часов с этого момента.

— Прямиком так прямиком, мистер Нибли.

Нибли спокойно полежал с минуту. Его голос звучал непринужденно, без визгливых ноток.

— И на обратном пути к Марсу не пытайтесь меня искать. Я полечу во тьму на этом железном утесе. Мне уготована одна только тьма. А вам — обратно в перигелий и Солнце. Знаете... знаете, куда я собрался?

— Куда?!

— В созвездие Центавра! — засмеялся Нибли. — Так что помоги мне Господь!

Он наблюдал за удаляющимся кораблем, затем прозондировал собранные воедино траектории всего экипажа. Он испытывал удовольствие от того, что является их проводником. Как в старые времена...

Снова пробился голос Дугласа:

— Дед, дедушка, ты еще на связи?

Короткая пауза. Нибли ощущал биение крови под своим облачением.

— Да, — отозвался он.

— Мы только что дали Бруно почитать твою записочку. Уж не знаю, что ты там накропал, но когда он ее прочитал, то чуть с ума не сошел.

Нибли сказал вполголоса:

— Сожгите, чтоб никто не прочитал.

Пауза.

— Сожгли. Что в ней было?

— Не надо допытываться, — резко ответил Нибли. — Может, я доказал Бруно, что его на самом-то деле и не существовало вовсе. Ладно, к черту.

Ракета набрала постоянную скорость. Дуглас радиорвал:

— Все в порядке. Отменные вычисления, дед. Я доложу Ракетному начальству в Марс-порте. Им будет приятно о тебе услышать. Отличные вычисления. Спасибо. Как у тебя дела? Я говорю... как твои дела? Дед, слышишь, дед?!

Нибли поднял дрожащую руку и помахал ею в пустоту. Корабль скрылся из виду. Даже шлейф пламени из двигателей исчез. Он ощущал движение твердого металлического тела среди звезд по проложенному им курсу. Он не мог говорить. Его переполняли эмоции. Наконец-то он услышал похвалу из уст механика радара-вычислителя!

Он помахал рукой в пустоту. Он не наблюдал никаких объектов, движущихся по пересекающимся траекториям других невидимых ничтожеств. Наступила полная тишина.

Он опустил руку. Теперь ему оставалось проложить свой последний курс. Тот, который он хотел завершить только в космосе, не желая, чтобы его вернули на Марс.

Для того чтобы всё точно просчитать, не понадобилось молниеносных вычислений.

Жизнь и смерть находились на концах его параболической траектории. Долгая жизнь, первое появ-

96 Рэй Брэдбери

ление из тьмы, полет по дуге к неизбежномуperi-
гелию, а теперь уход...

В мягкую обволакивающую тьму.

«О Боже, — тихо думал он, слабея. — До самого конца — моя репутация на высоте. Никогда не ошибался с вычислениями и не ошибусь...»

И оказался прав.

1943

Завтра, завтра, завтра¹

До того как он распахнул дверь, этот день ничем не отличался от всех остальных. Стив слонялся по Лос-Анджелесу в поисках работы, которой не существовало в природе, глазел на еду в витринах магазинов, которая была ему не по карману, и дивился своей закоренелой привычке жить, ибо он был не в силах расстаться с жизнью даже тогда, когда жить стало невмоготу.

Все складывалось не так уж плохо до тех пор, пока у него была пищущая машинка, ради которой он возвращался домой. Он мог хоть ненадолго натянуть реальному миру длинный нос, создавая свои новые дивные миры, где он разгуливал этаким щеголем без малейшего чувства голода. Мог показывать нос внешнему миру и созидать свои новые, блестательные и сияющие миры, в которых он фигурировал этаким франтом, не знающим голода. Он мог даже тешить себя мыслью, что однажды станет писателем, купающимся в славе и деньгах.

Он скорее расстался бы со своей правой ногой, чем с машинкой! Но ни в одном ломбарде не платили денег за правые ноги, а парню же надо чем-то питаться и вносить квартплату.

¹ У. Шекспир, «Макбет», акт V, сцена V.

— Да неужели? — съязвил он, обращаясь к собственной двери. — Назови две причины, почему?

Он не смог назвать и одной, отпер дверь, захлопнул ее за собой, включил свет и собирался было снимать шляпу.

Но так ее и не снял. Он совершенно забыл и о шляпе, и о голове на плечах, а просто осталбенел, вытаращив глаза.

На полу стояла пишущая машинка.

Комната принадлежала ему. Растресканный потолок, обшарпанные обои, синяя в полосочку пижама, обозначавшая вехой его путь от неубранной стенной кровати, воспоминания об утреннем кофе.

Но эта машинка ему не принадлежала.

Никакая машинка никоим образом не могла здесь оказаться. Это так же гнусно, как обнаружить у себя в ванне верблюда. Но и в этом случае обычного верблюда как такового можно взять себе. Это от зеленых с крыльышками возникали проблемы.

Машинка из того же разряда — крупная, из чего-то, похожего на полированное серебро, и с отливом, как рыба под водой. Она была столь обтекаемой формы, что создавалось необыкновенное впечатление, будто она движется. В каретку был вставлен лист чистой бумаги, а клавиатура пестрила множеством неизвестных алых клавиш.

Он стоял и пялился на нее. Подобно своей комнате, он не отличался ни особыми габаритами, ни формой, ни цветом, ни возрастом. Всего лишь серый сгусток человечества с усталыми глазами за толстыми линзами и лицом, не выражавшим ничего, кроме полного краха. Имя нарицательное «джон доу»,

извечный ноль, без которого никакое размножение невозможно.

Он зажмурился, встряхнул головой и снова глянул: машинка была на месте. Он произнес вслух:

— Я не пьян. Меня зовут Стив Темпл. Я проживаю по адресу: Девятая-стрит, 221. Задолжал арендную плату за три недели. И давно ничего не ел.

Его голос прозвучал как обычно. В пределах разумного.

Чего нельзя было сказать о машинке, которая по-прежнему не думала исчезать.

Он глубоко вздохнул и осторожно обошел ее вокруг. У нее было четыре стороны. Она производила впечатление твердого тела, если не считать перелива. Машина поколась на потертом коврике так, словно составляла одно целое с домом, а ее красивый отлив заполнял собою все вокруг.

— Ладно, — сказал он, обращаясь к машинке. — Ты находишься здесь и пугаешь меня до чертиков, если так уж тебе нравится. А дальше что?

Он медленно склонился над ней, не испытывая особой приязни. Говоря по правде, она ему совершенно не нравилась. Ему хотелось прикоснуться к ней, потому что она была такая красивая и, вместе с тем, холодная...

И тут она принялась печатать. Сама собой. Прямо здесь, на полу.

Он не мог пошевелиться. Он был просто не в состоянии — оцепенел в согнутом положении и глазел, как блестящие клавиши вспыхивают и стучат без чьего бы то ни было прикосновения.

«Вызываю прошлое! Вызываю прошлое! Вызываю прошлое!..»

Подобно воде, стучащей в промасленное окно и отскакивающей назад. Он слышал нежный перезвон и видел слова. Ни проводов... ни оператора... но она печатала. Беспроводная, радиоуправляемая машинка.

Он оторвал ее от пола и водрузил на стол, словно она его обжигала.

«Вызываю прошлое! Вызываю прошлое! Нажмите кнопку ОТПРАВКА и напечатайте ответ. Нажмите кнопку ОТПРАВКА и напечатайте ответ...»

Стив почувствовал какое-то движение. Оказалось, это его рука. Тянется сама по себе. *Нажмите кнопку.* Он нажал.

Машинка остановилась в ожидании.

Тишина. Слишком многое на него навалилось, к тому же так внезапно. Темпл почувствовал, как кровь приливает к его щекам, обжигает уши. Стало так тихо, что нужно было, наконец, разогнать эту тишину.

И он начал печатать.

«Всем послушным мальчикам будет хорошо. Всем послушным мальчикам будет хорошо. Настал черед всем добропорядочным гражданам протянуть руку помощи своей стране...»

Машинка с грохотом подскочила, словно по ней замолотили кулаками. Зазвонили колокольцы. Она вырвалась из рук Темпла.

— Привет! — воскликнула машинка. — Значит, вы там живы. У меня были опасения, что я попаду

в эпоху до пишущих машинок... Значит, Гитлер вас не убил. Повезло вам!

— Нет, нет, — громко ответил Темпл. — Гитлер десять лет как издох!

Потом он сообразил, что говорить вслух непрактично, и напечатал на бумаге: «Это 1955 год. Гитлер окочурился». Потом он уставился на свои пальцы, не понимая, что заставило его это написать.

Блестящие клавиши машинки задвигались.

«Кто вы? Отвечайте немедля! Где вы находитесь?»

Темпл ответил: «Хотелось бы задать тот же вопрос. Это розыгрыш?» Он щелкнул пальцами, сделал глубокий вдох. «Гарри... это ты, Гарри? Наверняка ты! От тебя не было вестей с сорок седьмого года... Черт бы тебя побрал с твоими розыгрышами!»

Холодно щелкнула кнопка ПРИЕМ. Кнопка ОТ-ПРАВКА впитала в себя текст.

— Извините, я не Гарри. Меня зовут Эллен Абботт. Пол женский. 26 лет. Год 2442. Рост пять футов, десять дюймов. Блондинка. Глаза голубые... специалист по измерениям. Так что извините. Я не Гарри.

Стив Темпл попытался сморгнуть отпечатанные слова — не вышло. Не вышло.

* * *

Машинка содрогнулась. Клавиши, каретка, алые и платиновые буквы растаяли, словно политые мгновенно действующей кислотой. Машина исчезла. Испарилась. А через мгновение она опять возникла, сверкающая и осаждаемая под его пальцами. Она вернулась, молниеносно выпалив мрачные вести:

«Я вынуждена передавать вам это сообщение второпях, но вместе с тем, во избежание просчетов, мне необходимо провести с вами пространную разъяснительную работу. Но времени нет. Праздные разговоры при диктатуре Кракена смертельно опасны. Я приведу вам тривиальные, элементарные факты. Но для начала расскажите о себе, сообщите точную дату и прочие подробности, имеющие к вам отношение. Я должна знать. Если вы не в состоянии помочь, я отзову машинку и перефокусируюсь на другую эпоху. Пожалуйста, ответьте...»

Стив вытер пот со лба.

«Имя: Стив Темпл. Профессия: писатель. Возраст: 29, но кажется, что все 100. Дата: вечер понедельника, 10 января, 1955 года. Наверное, я не в своем уме».

В своем или не в своем, но машинка начала печатать:

«Отлично! Я сфокусировалась прямо в самый центр Кризиса! Предстоит многое сделать до пятницы 14 января в вашем году. Мое время истекает. Держитесь. Идет охранник, сопровождающий Кракена. Они поведут меня из этой камеры в Суд. Приговор, думаю, вынесут сегодня вечером. Так что... завтра вечером в это же время. Я снова выйду с вами на связь. Я не решаюсь отозвать машинку. Мало шансов, что я смогу снова перефокусироваться на вас. Будьте наготове...»

И все.

Сияющая машинка пребывала на своем месте и молчала. Темпл прикоснулся к клавишам. Они намертво застопорились.

Он встал с широко раскрытыми глазами и сунул в рот свою последнюю сигарету, позабыв ее прикуриТЬ. Потом он огляделся вокруг в поисках шляпы. Обнаружил ее у себя на голове. И быстро вышел из комнаты.

Он гулял в парке. В прогулке по парку нет ничего нового, но она пошла ему на пользу. Созерцая звезды, прохожих и лодки на воде, он бродил, пока не зашатался, как пьяный, окончательно выбившись из сил, и страх отступил. Потом он вернулся домой.

Не включая света, он разделся и лег в постель. Старый трюк, чтобы вообразить себя ночующим в отеле «Билтмор».

Но как избавиться от въевшегося в стены комнаты капустного запаха? «Билтмор» пришел в упадок, подумал он.

Вдруг он включил свет. Подслеповато, без очков, оглядывая комнату, он увидел машинку.

Он выключил свет и натянул одеяло по самые уши.

«Извините, я не Гарри. Меня зовут Эллен Абботт. Год 2442. Извините. Я не Гарри».

Он поежился.

* * *

Кто-то ни с того ни с сего стукнул его по голове. Во всяком случае, так ему показалось, когда он проснулся на следующее утро. В комнате царила тревожная, наэлектризованная атмосфера, словно некто заплыл внутрь его жилья, навис над ним и мгновенно исчез за секунду до его пробуждения.

Дверь была заперта изнутри.

Пружины кровати застонали, когда он переместил свой центр тяжести, чтобы свесить длинные ноги. Он встал и надел очки.

Он узрел все ту же машинку. Снова сел. Очень медленно.

Назойливый сон, выдающий себя за явь. Однако он совершенно позабыл о нем, когда спал, и не понимал, как это он запамятовал нечто, столь грубым образом вторгшееся в его жизнь.

Одеваясь и прибирайясь в комнате, он делал вид, будто интересуется всем, кроме машинки. Весьма посредственное актерство. Он тянул, насколько возможно, время и нехотя уходил на поиски работы. Задерживаясь по ту сторону двери, он прислушивался. Ни звука. Только его собственное дыхание. Затем... он вспомнил. Сегодня вечером. Так сказала Эллен Абботт. Этим вечером, в то же время.

Он ушел искать несуществующую работу.

Должно быть, он ходил долго. У него отекли ноги. Должно быть, он переговорил с десятками людей, и ему было отказано в десятках рабочих мест. И где-то, между делом, он сел в трамвай, потому что вечером по дороге домой он обнаружил у себя в руке неиспользованный проездной билет. Еще он нашел долларовую бумажку, взятую взаймы неизвестно где, впрочем, ему было все равно. Главное, побыстрее добраться до своей комнаты.

Никогда еще он не бежал со всех ног домой, в свою комнату, как, впрочем, в любую другую комнату! Перед ним распахнулась парадная дверь в меблированные комнаты. Потупя голову, он поднялся

по шатким лестничным пролетам. На полпути он остановился. Его лицо задергалось, запылало. Его обуяла тревога.

Вот оно. Слабый перезвон. И перестук клавиш, словно биение его сердца.

Он не перепрыгивал через три ступеньки разом аж с незапамятных времен, но снова научился этому!

Захлопнув дверь, он увидел ее и осталбенел. Словно человек под толщей прозрачной воды, он медленно и заторможенно прошагал по комнате. Где-то вдали щелкнула машинка, но на самом деле она находилась перед ним.

«Привет... Стив Темпл!..»

Он стоял наготове. Пальцы в нерешительности стучали по клавишам. Он захлопнул отвисшую было челюсть. Потом разрешил себе продолжать, и это было легко.

«Привет, Эллен, — написал он. — ПРИВЕТ ЭЛЛЕН!»

В первые спокойные минуты после установления контакта Темпл нехотя описал ей свою жизнь. Череда скомканых, унылых серых лет, тянувшихся, словно вереница узников на одной цепи. Ночи, проведенные в ожидании стука в дверь, в надежде, что кто-то придет и станет ему другом. А там — никого, кроме хозяина, скулящего из-за арендной платы. Его единственные друзья жили под обложками книг. Некоторые из них возникли из его пишущей машинки до того, как он снес ее в ломбард. Вот, собственно, и все.

Потом заговорила Эллен Абботт.

— Если вы собираетесь мне помочь, а вы, Стив Темпл, единственный, на кого я могу сейчас положиться, чтобы изменить будущее, то вы заслуживаете исчерпывающих объяснений. Моего отца звали профессор Абботт. Вы, конечно, слышали о нем. О, нет, как глупо с моей стороны. Как вы могли о нем слышать! Вы же умерли пятьсот лет тому назад...

Стив нервно слегка сглотнул слюну.

— Спасибо. Я чувствую себя вполне живым. Продолжайте.

Эллен Абботт продолжала:

— Это парадокс. Для вас я еще не родилась, а следовательно, я невероятна. А вы уже пять веков, как умерли и похоронены. И, тем не менее, все будущее мира держится на нас, двух невозможностях, и в особенности на вас, если вы согласитесь действовать от нашего имени.

Стив Темпл, вам придется поверить в то, что я скажу. Я не жду от вас мгновенного безоговорочного исполнения, но у вас осталось всего три дня на раздумья и действия. И если в последний момент вы откажетесь, то получится, что я зря вела с вами разговоры, а вместо этого могла бы обратиться с призывом к кому-нибудь другому, живущему в вашем веке. Я должна убедить вас в своей полной искренности. Вам предстоит потрудиться...

Темпл прочел возникающие слова, и в нем все помутилось и перекосилось. В комнатушке стало зябко, и Стив, не шелохнувшись, смотрел на появляющиеся слова.

— Вам предстоит потрудиться не ради меня... нет, не ради меня, а ради всех нас, живущих в будущем.

* * *

Следующее, что бросилось в глаза, была чашка кофе в правой руке; напиток вызывал сокращение мышц в его горле и обжигал желудок. Грек был на своем месте — за стойкой, тучный и засаленный. Его легко было обнаружить по запаху. Сверкнуло что-то белое — Грековы зубы.

— Привет, Грек, — Темпл еле шевелил губами. — Как я здесь очутился?

— Ты зашел так же, как каждый вечер за последние три года. Не бери в голову. Ты похож на призрака. Что стряслось?

— То же, что всегда. Сегодня вечером туманно?

— Разве ты не знаешь?

— Я? — Стив потер руки, покрытые холодной влагой. — Ах, да! Конечно, конечно. Сегодня туман. Я совсем забыл.

Он сделал дрожащий вдох, который показался ему первым глотком воздуха за многие часы.

— Странная штука, Грек. Через пятьсот лет от туманов избавятся...

— Торговая палата примет закон?

— Воздействие на погоду, — сказал Стив.

Воздействие. Он подумал над словом и добавил:

— Да. Всяческие воздействия. Должно быть, диктатура.

— Ты полагаешь?

Насупив брови, Грек всем телом налег на стойку.

— Ты думаешь, если дела так пойдут и дальше, нам это светит?

— Через пятьсот лет, — сказал Стив.

— А, черт! Через пятьсот лет! Ну и плевать!

— Может, мне не наплевать, Грек. Пока не знаю. Стив перемешивал свой кофе.

— Послушай, Грек, если бы ты знал, во что превратится Гитлер через сорок лет, разве ты не прикончил бы его?

— Конечно! И любой бы так поступил. Вон он чего учинил!

— Подумай про всех парней, которые выросли вместе с Гитлером. Ведь кто-то же должен был догадаться, во что он превратится; а ОНИ — хоть палец о палец ударили? Нет.

Грек пожал грузными плечами.

Темпл на мгновение склонился к своему кофе.

— А как насчет меня, Грек? Если бы тебе стало известно, что в будущем я стану тираном, ты бы меня убил?

Грек засмеялся.

— Ты — очередной Гитлер?

Темпл криво усмехнулся.

— А, вот видишь! Тебе не верится, что я могу представлять опасность для человечества. Вот так и Гитлеру все сходило с рук. Потому что он был маленьким человечком задолго до того, как стал большим, а на маленьких человечков никто не обращает внимания.

— Гитлер — *другое дело*.

— Разве? — Стив напрягся. — Маяр-обойщик? Другое дело? Забавно! Никто не распознает убийцу, пока не станет слишком поздно.

— Ладно, допустим, я тебя укокошу, — предположил Грек. — Как я докажу, что ты — будущий диктатор? Ты мертв. Значит, не диктатор. Концы с концами не сходятся. И меня упекут в каталажку.

— В том-то все и дело.

Темпл разглядывал картину на стене. Плакат предвыборной кампании розоволицего человека, так и пышущего здоровьем, с жесткой седой шевелюрой и распахнутыми синими глазами. Под портретом было написано «Дж. Х. Маккракен — кандидат в конгрессмены, XIII округ».

* * *

В глазах у Темпла потемнело, его заколотил озноб. Он встал, дико озираясь. Провел руками перед глазами и закричал:

— Грек! Какой сегодня день? Я забыл! Я забываю важные вещи!

Голос Грека звучал словно в эхокамере:

— Пять часов вечера, 11 января. С тебя десять центов, пожалуйста.

— О, да. Да. — Стив стоял, покачиваясь, и не сводил взгляда с плаката с Дж. Х. Маккракеном, кандидатом в Конгресс. — Значит, у меня еще есть время. До убийства Эллен осталось три дня...

— Что такое? — спросил Грек.

— Ничего, ничего, — ответил Стив, положив на стойку две пятицентовые монетки.

Через мгновение он уже стоял перед дверью кафетерия, отворяя ее, а вдогонку, за миллион миль раздавался голос Грека:

— Уже уходишь?

Стив ответил:

— Да, пожалуй. — А потом спросил: — Грек?

— Что?

— У тебя так бывало, что тебе снится миллион кошмаров, ты просыпаешься в ужасе, сдавленный теменем, а потом засыпаешь, и тебе снится нечто возвышенное и прекрасное, стремительное и сияющее, как звезды? Это хорошо, Грек. Это перемена. Все ужасы забываются на время. Впервые за многие годы ты пробуждаешься живым. Вот что со мной произошло, Грек...

От его прикосновения дверь отворилась. Вошел туман, холодный и солоноватый, назло теплым ароматам снеди. Он погружался в раздумья, опасаясь, что забудет про Эллен, про машинку и будущее. Забывчивость ему ЗАПРЕЩЕНА. Навсегда. Вот же на стене висит портрет Дж. Х. Маккракена. Отбросьте «Мак», и останется написать его фамилию с буквы «К». Он производил впечатление порядочного человека, любящего мужа и отца.

Нравится ему или нет, но отныне Дж. Х. Маккракен один из тех, кого Стиву предстояло убить! Вот что ему следовало помнить.

Ему вспомнилось кое-что еще. Первые, неосознанные ироничные слова, напечатанные им на машинке позапрошлым вечером:

«Настал черед всем добропорядочным гражданам протянуть руку помощи...»

Будущее! Стив Темпл вышел и захлопнул дверь перед изумленным Греком. Вот так-то.

Скоро туман рассеялся, а вместе с ним и мрак, и наступил полдень.

По пересеченному зеленому ландшафту Гриффитских холмов автобус увозил Стива Темпла навстречу

теплым свежим местам, которые живописала Эллен Абботт.

Он шагал один. Когда-то годы и расстояния растворятся в дымке. Здесь будут ходить и говорить люди, живущие в дворцовом комплексе Диктатора. Как взлетевшие и застывшие серебряные копья, вознесутся ввысь здания. Из радиоприемников, запрятанных в кронах деревьев, на холмах и в гrotах польется нежная сладостная музыка. А по небу поплынут воздушные суда, словно искорки и блестки, из которых состоят грезы.

Самое главное, что спустя пятьсот лет (Темпл взобрался на высокий холм и стоял, глядя на царящие вокруг тишину и безмятежность, потом смежил веки) на этом самом месте женщина по фамилии Абботт будет томиться на верхнем ярусе хрустального чертога. Под ее пальцами зашелестят алые клавиши, и ее послание пробуравит на пути к нему пять столетий.

* * *

Будущее было таким осязаемым, что еще чуть-чуть — и Стив мог бы протянуть руку и коснуться его. Ветер трепал листы машинописной бумаги, зажатые в его руке — свиток его разговоров, вытянутый из машинки в полуночные часы.

По светлой материи будущего угрожающе расползлась черная жижа Krakena, четвертого по счету в династии, бледного человека с мягкими чертами лица, который мертвой хваткой стиснул в кулаках весь мир и не собирался выпускать.

Стив потер подбородок. Он начинал ненавидеть человека, которого ему не суждено было увидеть.

Он мог лишь встретиться с ним опосредованно. Черт возьми! Все происходящее граничило с фантастикой. Он вступил в войну против человека, от которого его разделяли века! Кто бы мог подумать, что такому незначительному человеку, как он, выпадет шанс сыграть героическую роль для всего мира?

На бумаге Эллен поведала очень многое. Стив перечитывал ее повествование:

«Мы с отцом в поте лица трудились над единственным в своем роде размерностным методом, способным выкорчевать Кракена. Наша работа заключалась в отслеживании хода истории назад, к Кризису, наиболее вероятной точке, в которой было бы проще всего уничтожить его предков. Кракен принял законы, запрещающие исследования Времени, опасаясь того, что они в себе таят. Ему стало известно, чем занимался мой отец. В день убийства моего отца меня схватили и арестовали. Но мы успели довести наше дело до конца. Я принесла с собой в камеру свою «пишущую машинку», якобы для того, чтобы написать свои «последние» мемуары».

Здесь Стив воскликнул: «Почему машинку?»

И она объяснила:

«Отец хотел вернуться в момент Кризиса и убедиться, что ликвидировали именно тех, кого следовало. Эксперименты с подопытными кроликами дали, прямо скажем, неутешительные результаты. Некоторые подопытные кролики вернулись, вывернутыми наизнанку. Почему, нам неизвестно. Так получилось — и точка. Но не все. Кто-то вернулся

частично — без головы, без туловища или вообще не вернулся. Мы не могли рисковать жизнью отца при выполнении этой работы. «Путешествовать» во времени невозможно. Кто-то из Прошлого должен будет взять это дело на себя, не задавая вопросов, и без оплаты...»

«И этот кто-то зовется Темпл?»

«Да. Если справится. Если пожелает и будет полностью убежден в том, что от этого зависит будущее. Вы убеждены, Стив?»

«Не знаю. Думаю, да. Но...»

«Мы пытались связываться по радио, Стив. Говорить напрямую гораздо проще, но четвертое измерение глушит радиоволны. Так что от этой затеи пришлось отказаться. Металл куда прочнее плоти и радиоволны. Вот так и возникла пищущая машинка — долговечная, крепкая, сварная, с деталями из особых сплавов. Единственный метод, которым мы могли воспользоваться, и наилучший. И, наконец, нам удалось пробиться к вам. А времени у всех нас остается все меньше...»

Остальное Стив знал наизусть: машинка являет-ся компактным, самозаряжающимся, размерностным перевоплощением Эллен Абботт. И еще о Кракене: он убивает невинных людей, он порабощает людей миллиардами. Страницы заканчивались так:

«В вашей власти оживить мертвых, Стив. Вы способны воскресить моего отца, уничтожить Кракена и вызволить меня из тюрьмы. Всё это вы можете. Теперь мне пора уходить. Завтра вечером снова...»

Стив оторвал взгляд от сложенного листа бумаги с машинописным текстом, посмотрел на небо, где

полагалось возвышаться осязаемому диктаторскому дворцу, на верхушке которого находилась Эллен.

Но вместо этого он узрел одни лишь облака.

«...оживить мертвых».

До дому он добрался автостопом.

* * *

Мертвых — оживить. Да. Стоит устраниТЬ Кракена — и автоматически конкретизируется очередной Вероятный мир. Те, кого Кракен убил бы, будут спасены. Отец Эллен тоже не будет уничтожен.

Мир состоит из всевозможных ЕСЛИ. ЕСЛИ бы он всю оставшуюся неделю сидел и глазел на машинку, не прикасаясь к ней, Эллен Абботт была бы казнена. ЕСЛИ он убьет Маккракена, она будет жить.

В жизни полно всяких ЕСЛИ. Он МОГ бы многое совершить, если бы сделал свой выбор. Он мог бы отправиться в Нью-Йорк, или Чикаго, или в Сиэтл. У него был выбор. В этих городах он мог бы пытаться или голодать. Он мог выбирать. Он мог совершить убийство. Или ограбить кого-нибудь. Покончить с собой. Выбор. Множество ЕСЛИ. Любое из них приведет к другой жизни. К иному существованию. Как только будет сделан выбор.

Итак, Эллен и Кракен не были невероятными. Она жила в самом что ни на есть Вероятном ЕСЛИ-мире. Она продолжала бы жить в нем, и ее казнили бы в пятницу вечером, если он это не пресечет. ЕСЛИ. ЕСЛИ. ЕСЛИ.

ЕСЛИ у него хватит духу. ЕСЛИ ему повезет. ЕСЛИ никто его не остановит. ЕСЛИ он до этого

доживет. Завтрашний мир — это пчелиные соты вероятностей, которые ждут, когда их наполнят реальностью, определенными, осознанными действиями.

* * *

В тот вечер они с Эллен говорили о музыке и живописи. Он узнал о том, что она страстная поклонница Бетховена, Дебюсси, Шопена, Глиэра и некоего Мурдена, родившегося в 1987 году. Ее любимым чтением были произведения Диккенса, Чосера, Кристофера Морли...

Маккракена они даже не вспоминали, как, впрочем, и Кракена.

Все это время рядом с Темплом не было ни голоса, ни тела, а лишь тепло и пламя. Прикосновение ее еще не родившегося мира преобразило его жилище, подобно лучам солнца, льющимся сквозь высокие церковные окна и смывающим чистым светом всю грязь с мира образца 1955 года. Когда солнечные блики попадают на твое лицо и проникают в твою душу, а пальцы работают на машинке в унисон с кем-то по имени Эллис Абботт, рассказывающей о социологии и психологии, литературе, семантике и многих других важных вещах, то ты уже не одинок.

«Все мелочи должны быть прояснены, Стив. Если вы поверите в мой мир, такой, какой он есть, и в тот, каким он станет после того, как вы его измените, то вы должны знать всё. Я вовсе не надеялась, что вы всё узнаете и немедленно примете решение. Это противоречило бы всем известным законам логики. С вами я пошла на риск...»

В полночь они всё еще обменивались фонтанами информации о моде, религии и верованиях.

И даже о... любви.

«Как жаль, — писала Эллен, — что на любовь времени никогда не хватало. Столько лет кряду я была занята, переезжая из города в город, работая, воодушевляя отца. В то время я посвящала себя только ему. Как жаль. Если бы только хватало времени...»

— Будет время, — тихо ответил Стив. — Если то, что вы говорите о Вероятном будущем — здравая теория, тогда времени будет много, больше, чем достаточно. Я позабочусь об этом.

«А если... всё сорвется?»

Ему не хотелось об этом думать... совершенно не хотелось.

* * *

В комнате вдруг воцарилась тишина. Посреди этого безмолвия Стив слышал, как его сердце бьется у него в горле. Он не помнил, как он это написал. Просто он перебрал несколько раз пальцами и готово:

«Я бы... увидеть вас, Эллен. *Хотя бы раз*».

Молчание. Тягучее молчание. Он уже начал опасаться, что она никогда больше не заговорит. Но она ответила.

«Вы замечательный человек, Стив Темпл. Время не властно над эмоциями. Вот что. Эту машинку обволакивает слабое энергетическое поле. Сожмите пальцы, придвиньтесь поближе к машинке и сосредоточьтесь. Может быть, на мгновение... наши образы войдут в контакт. Прижмитесь к машинке, Стив...»

Стив моментально повиновался. В его серых и пустых глазах появилось нечто такое, чего раньше не было, — тепло. В ожидании чего-то его губы разомкнулись, обнажив зубы.

Что-то случилось с его легкими. У него сперло дыхание.

Она появилась.

Сперва лишь зыбкие расплывчатые очертания, которые становились все отчетливее. Она сидела напротив — в пяти веках от него. Ее волосы были подобны солнцу, а голубые глаза в озарении шевелюры печально смотрели на него. Ее розовые губы беззвучно разомкнулись и произнесли:

— Привет, Стив...

Вот и всё.

Затем ее образ растаял, а в комнате остался жар, словно его со всех сторон окружала расплавленная сталь. Они обменялись еще несколькими печатными сообщениями. Потом у него все поплыло перед глазами, и на эту ночь все было закончено. Она отключилась. Он сидел и смотрел в ту точку, где она возникла, и комната стала постепенно охлаждаться.

В ту ночь он видел сны до того, как уснул.

* * *

За всю свою жизнь он ни разу не позарился на чужое.

Он украл новенький блестящий парализующий пистолет в Оружейном магазине на Девятой-стрит. Ему понадобилось полдня, чтобы на такое решиться,

пять минут на то, чтобы это провернуть, и остаток дня, чтобы успокоиться и забыть содеянное.

К этому времени наступил вечер вторника — и в пяти столетиях от него женщина сидела за своими «мемуарами»...

Они вели уже меньше легкомысленных разговоров об искусстве, но все больше о тяготах и лишениях, которые ожидали его в скором времени. То мимолетное видение, то яркое воплощение ее образа прошлой ночью убедило его. Она так цельна, хрупка и неподдельна в своей красе... ради нее он готов пожертвовать собой.

Несколько точными нажатиями клавиш она передала ему чертежи прямо в руки. Завтра после полудня Дж. Х. Маккракен в своем офисе в Северном Лос-Анджелесе будет занят последними приготовлениями перед отлетом в Вашингтон. Он не должен выйти живым из офиса. Его сын — тоже. Нужно убить их обоих.

— Вы всё поняли, Стив?

— Да. Пистолет у меня.

— Может, что-то неясно?

— Эллен... время от времени у меня бывают пропалы в памяти. Всё плывет перед глазами. В первый вечер я уснул, а когда проснулся, всё забыл. И в кабинете. Понадобилось, чтобы мне напомнили дату. Я не хочу забывать вас, Эллен. Отчего так бывает?

— О, Стив, вы всё еще не понимаете. Время для вас — непостижимое существо, как туман, подгояляемый темными и светлыми ветрами. Будущее искривляется обстоятельствами. Есть две Эллен Аббott. И только одна из них знает Стива Темпла. Когда слу-

чается нечто, угрожающее шансам ее существования, естественно, вы забываете ее. Уже сам по себе ваш контакт со Временем, даже такой незначительный, достаточен, чтобы всё поплыло перед глазами. Вот почему у вас бывают минутные приступы амнезии.

Он повторил:

— Я не хочу забывать вас. Я решился пойти на это в надежде, что, косвенно убив Кракена, спасу вашу жизнь, но...

Она все расставила по местам. Она вправила ему мозги, подобно удару в живот, словно его лошадь лягнула.

— Стив, с ликвидацией Кракена новый свободный мир зародится сам собой. Как и раньше, в нем будут жить те же люди, но они будут петь. Имя Кракен будет для них пустым звуком. И миллионы погубленных им людей оживут. В ТОМ мире не будет места для профессора Абботта и его дочери Эллен.

Я не буду тебя помнить, Стив. Потому что я никогда тебя не встречала. Раз Кракен сгинул, у меня нет причин с тобой встречаться. Я забуду, что мы когда-то вели полуночные беседы, или о том, что я мечтала сконструировать печатную машинку времени. Именно так и случится, Стив, завтра вечером, когда ты убьешь Дж. Х. Маккракена.

Он был ошеломлен.

— Но... я-то думал...

— Я не обманывала тебя преднамеренно, Стив. Мне думалось, ты отдаешь себе отчет в том, что завтра вечером всему конец, как бы там ни было.

— Я надеялся, что однажды ты каким-либо образом пробьешься живой и невредимой в 1955 год или поможешь МНЕ попасть в твое время.

Его пальцы дрожали.

— Ах, Стив, Стив.

Ему стало плохо. Он почувствовал боль и жжение в горле, спертое дыхание.

— Уже поздно, и стража вышла на обход. Лучше нам сейчас сказать друг другу последнее «прощай»...

— Нет, Эллен, прошу вас, подождите. Завтра.

— Если вы убьете Маккракена, то будет слишком поздно.

— У меня есть план. Он сработает... я знаю. Лишь бы поговорить с вами еще раз, Эллен. Еще раз.

— Хорошо. Я знаю, что это невозможно, но... завтра вечером. Удачи вам. Удачи и доброй ночи.

Машинка застопорилась.

Ох уж эта тишина! Как она больно ударила по нему! Он сидел, отрешенно покачиваясь на стуле, и посмеивался над собой.

Что ж, он всегда может вернуться к прогулкам в тумане, которого всегда в избытке. Он ходит рядом с тобой, позади тебя, впереди тебя и ни разу с тобой не заговорит. Иногда он прикасается к твоему лицу, словно понимает, что это всё. Стив гулял всю ночь напролет, приходил домой, раздевался в темноте и ложился спать, уповая на то, что уснет и больше не проснется. Никогда.

«Я забуду, что мы когда-то вели полуночные разговоры. Я вас не буду помнить, Стив».

* * *

В пятницу, 14 января, после полудня Стив Темпл засунул парализующий пистолет в свою засаленную куртку и затянул змейку.

Неважно, какие действия он совершил, ибо сегодня Эллен Абботт погибнет. Ее ждала камера для казни, если он не поторопится. А если он преуспеет, тогда та Эллен Абботт, которую он знал, тоже исчезнет, как клубы дыма на ветру.

Ему придется убивать Маккракена очень осторожно, чтобы успеть еще раз поговорить с Эллен. Он должен связаться с ней снова, пока Время полностью не перестроилось в Вечность, чтобы передать ей свое последнее сообщение. Он все обдумал. Он точно знал, какие скажет слова.

Он прибавил шагу.

Казалось, его тело принадлежит не ему, а кому-то другому, и он привыкает к нему, как к новому костюму, тесному, обтягивающему и слишком теплому для этой погоды. Вот что он чувствовал. Глаза, губы — всё лицо сложилось в один образ, который он не смел исказить. Стоит дать себе слабинку, как всё рассыпается.

Он расправил плечи, чего не делал годами, и сжал в кулаки свои руки, которые давно уже безвольно висели из-за полного отчаяния. Это стало для него равносильно возврату самоуважения, когда ты стискиваешь рукоятку пистолета, осознавая, что идешь изменить лицо треклятого будущего.

У него опять обнаружились легкие, и он пользовался ими для дыхания, и его сердце теперь не покидалось в грудной клетке, а вопияло, требуя свободы.

Над головой ясное небо. Его каблуки легко и стремительно стучали по бетонным тротуарам. И вдруг оказалось, что уже четыре часа дня. Вокруг выросли странные здания, номера которых пристально изучали его глаза. Он не останавливался, ибо в противном случае он ни за что бы не смог заставить свои ноги снова сдвинуться с места.

Та самая улица.

Вдруг он заплакал. Слезы прятались за теплыми и скорбными чертами его напряженного лица. Мозг метался между темными стенками черепа, горло проваливалось вниз, а в нем колотилось сердце. Теплая влага текла из его глаз, пока он это не пресек. Вдалеке дул завывающий ветер, но день был очень тихий и безветренный. Не должно случиться ничего такого, что может ему помешать. Ничего. Он свернулся в проулок, дошагал до боковой двери, отворил ее и вошел внутрь.

Он поднимался по пожарной лестнице на солнечной стороне. Мягкое шуршание подошв и биение сердца — вот и все, что было реально осязаемого в безумном кошмаре. Ему никто не встретился. А хотелось бы столкнуться с кем-нибудь, кто сказал бы ему, что это все инсценировка, что пистолет можно выбросить и проснуться. Никто не встал у него на пути. Никто не сказал ему этих слов. Пришлось взбираться по четырем длинным, залитым солнцем пролетам.

Мозг носился кругами, силясь затормозить, но тормозов не было. Сделать это должен был он сам. Нельзя допустить, чтобы нечто вроде Гитлера опять повторилось. Гитлер поднимался. Никто не взял его за руку. Никто не нашпиговал его свинцом. Маккра-

кен. Тот, кого Стиву предстояло убить, производил впечатление ни в чем не повинного человека. Все только и твердили, какой он мировой парень. Да. А его сыновья? А сыновья СЫНОВЕЙ?

Эллен заставляла его губы шевелиться. Эллен заставляла его сердце биться. Эллен заставляла его переставлять ноги. И вот он перед дверью. На ней серебристые буквы:

«Дж. Х. Маккракен, Палата представителей Конгресса США».

* * *

Бледный и притихший, Стив открыл дверь и встал, глядя на молодого человека, сидящего за столом из выбеленного ореха. На зеленом металлическом треугольнике было написано: «Уильям Маккракен». Сын конгрессмена.

Мгновенный взгляд на квадратное изумленное лицо, обнаживший зубы рот, руки, вскинутые, чтобы отразить неизбежное.

Нажатие пальца. Пистолет в руке Стива издавал довольное урчание, как сонный кот. Он выстрелил. Понадобился один миг. Один вздох. Один удар сердца. Убить человека очень трудно и очень легко. Он передвинул рычажок на парализующем стволе пистолета.

Из соседней комнаты кто-то негромко позвал:

— Уилл, сынок, зайди-ка на минутку, хочу еще раз проверить билеты на самолет до Вашингтона.

Иногда трудно открыть дверь, даже незапертую.

Этот голос принадлежал новоизбранному представителю народа Дж. Х. Маккракену.

В еще большем напряжении и еще тише Стив отворил вторую дверь. На этот раз Маккракен оказался еще ближе. Он говорил:

— Ты правильно оформил билеты, сынок? Никаких промахов?

Стив посмотрел на широкую спину Маккракена и сказал, чтобы тот услышал:

— Никаких промахов.

Маккракен крутанулся в кресле — и оказался лицом к лицу со Стивом, держа в одной руке горящую сигару, а в другой авторучку.

Его голубые глаза не увидели пистолета.

— А, привет! — сказал он, улыбаясь.

Потом он заметил пистолет и проглотил свою улыбку.

Стив сказал:

— Вы не знаете меня. Вы не понимаете, почему вас убивают, потому что вы всегда делали шаг назад, чтобы не замараться. Вы никогда не жульничали, играя в «шарики». Как, впрочем, и я. Это не означает, что кто-то не сжульничает через пятьсот лет. Приговор Времени гласит — вы виновны. Как жаль, что вы не похожи на вора, так было бы проще...

Маккракен раскрыл рот, думая, что сможет что-то сказать...

* * *

Пистолет пропел свою мгновенную песнь. Разговоры кончились. Стив взмок. Не на полную мощность. А ровно настолько, чтобы ослабить сердечный

нерв. Подойдя поближе, Стив держал пистолет, поющий вполсилы. Склонился, просунул пальцы под серый жилет. Сердце еще билось, слабея и угасая.

Он пошатнулся, обращаясь к телу:

— Не умирай. Сделай одолжение... дотяни до моего разговора с Эллен...

Вдруг он так содрогнулся, что чуть не сорвалась плоть с его костей. Его затошило, зубы застучали, в глазах потемнело. Он уронил пистолет, потом подобрал, уходя, и забеспокоился. До его комнаты, до машинки и Эллен — путь неблизкий.

Но он должен успеть! Обмануть будущее. Каким-то образом оставить Эллен у себя. Каким-то образом.

Он справился со своим страхом и подавил его, не давая ему воли. Открыв дверь, он нос к носу столкнулся с остолбеневшими сотрудниками Маккракена. Три женщины и двое мужчин, заглянувших желать счастливого пути, стояли как вкопанные при виде тела Маккракена-младшего.

Темпл хлопнул дверью, подбежал к окну, распахнул, вскарабкался на пожарную лестницу, закрыл окно и устремился вниз. Кто-то вслед за ним влез на окно и закричал. Кто-то открыл окно и бросился за ним. Их подошвы задребезжали по железным ступенькам.

Нырнув в переулок, Стив побежал на угол, рванул дверцу первого же такси и ввалился внутрь, выкрикивая указания. Двое мужчин из окружения Маккракена выбежали с криками из-за угла. Такси плавно и быстро тронулось с места. Таксист ничего не услышал.

Темпл откинулся на спинку кресла со ртом, переполненным слюной, которую он не мог проглотить,

поэтому выплюнул ее. Он не ощущал себя книжным героем. Ему было зябко и страшно. Он чувствовал себя маленьким, свернувшимся в клубок. Он изменил будущее. Этого никто не знал, кроме него и Эллен Абботт.

А она об этом забудет.

— Эллен, прошу тебя, постой, дождись меня!

Вот, значит, каково спасать мир. Внутри все похолодело, по щекам горючие слезы в три ручья, руки дрожат, если не схватишься за колени. ЭЛЛЕН!

Такси резко затормозило перед его гостиницей. Он вылез, пошатываясь, неся какую-то околосицу. Он услышал окрик таксиста, но все равно побежал. Влетел внутрь и бросился вверх по лестнице.

Он отворил свою дверь и еще стоял перед ней, боясь ее распахнуть. Ему было страшно заглянуть в комнату. За ним по пятам, чертыхаясь, поднимался таксист. А что, если уже поздно...?

Сделав глубокий вдох, Стив открыл дверь.

Она была на месте! Машинка никуда не делась!

Стив хлопнул дверью. Заперся изнутри и одним безумным скачком перелетел через всю комнату к машинке, горланя и печатая одновременно.

— Эллен! Эллен Абботт! Эллен, я добился своего. Все кончено. Вы еще там?

* * *

— О, Стив, у вас все получилось. Вы сделали это для нас. И я не нахожу слов. Вас нечем вознаградить. Я даже не могу помочь вам, но как бы мне хотелось!

Перемены уже начались: всё темнеет и тает, как восковые фигуры, смывается Потоком Времени...

— Продержитесь еще чуть-чуть, прошу вас, Эллен!

— Раньше в нашем распоряжении было всё Время, Стив. Теперь я не в силах сдержать преобразование материи и мгновений. Это все равно что хвататься за звезды!

Внизу, на залитой солнцем улице, притормозила машина. Из нее раздались голоса. Хлопнула металлическая дверца. Люди Маккракена искали Стива, и, наверное, с оружием...

— Эллен! Скажите мне напоследок. Здесь, в моем времени, где-то должны были жить ваши предки. Где, Эллен?

— Не мучайте себя, Стив! Как вы не понимаете, это бессмысленно!

— Скажите, пожалуйста. С кем бы я мог говорить, кого бы я мог увидеть. Скажите, где?

— В Цинциннати. Ее зовут Елена Ансон. Но...

По коридорам гостиницы забухали тяжелые шаги, заглушающие голоса.

— Адрес: Си-стрит, 6987...

А потом время вышло. На том конце города Маккракен лежал на последнем издыхании. И каждый удар его угасающего сердца действовал на Эллен и Стива Темпла.

— Стив, Стив, я...

Потом он отправил ей свое последнее послание. То, что он давно хотел поведать ей из глубины своей души. Пока он объяснялся с ней, в дверь колотили кулаками, ее выламывали плечами, но он все же

сделал свое признание в отчаянии последних мгновений:

— Эллен, Эллен, я люблю тебя. Услыши меня, Эллен! Я тебя люблю. Не покидай меня сейчас. Нет!

Он печатал и печатал эти слова без остановки, и обливался слезами, как ребенок. Его горло было не в состоянии всего этого выговорить, и он продолжал и продолжал печатать...

...пока клавиши не заволокло мглою, пока они не растаяли, растворились и улетучились из-под его пальцев. А он продолжал печатать до тех пор, пока не исчезло осязаемое, блестящее чудо машинки, и его пальцы тыкали в пустоту и стукались о голую столешницу.

Даже когда дверь высадили, он не переставал рыдать...

1943

Подводная стража

Океан мирно почивал. В его зеленой пучине возникло слабое шевеление. На дне водной долины мелькали яркие оранжевые точечки мелких рыбешек-стрелок. Мимо, разверзая пасть, прошнырнула акула. Осьминог лениво приподнял было одно из шупальцев, зачем-то им покачал и опять залег на дно, притихший и мрачный.

Рыбины то сновали вокруг ржавеющего, искореженного остова потопленного транспорта, то юркали в зияющие пробоины и люки с сорванными крышками, то выныривали обратно. Надпись на носовой части гласила: «Корабль США "Атлантик"».

Вода зеленым студнем беззвучно обволакивала судно.

И тут появился Конда со своей командой.

Они плыли по темным океанским просторам, словно искорки мечтаний. Конда возглавлял своих подопечных. Копну его рыжих волос развевало течение, густая медно-красная борода струилась по его мощной груди. Он вытягивал свои большие руки, стискивал ими воду, отталкивал ее назад, и его длинное туловище устремлялось вперед.

Остальные во всем подражали Конде, и при этом царила полная тишина. Как на киноленте, из которой

вырезали звуковую дорожку, мелькали белые руки и ладони, сложенные ковшиком, мерцали ступни. Только глубоководная тишина и бесшумные движения Конды и его воспитанников.

Алита приблизилась к его отбрыкивающимся пяткам. Она плыла, широко распахнув глаза, зеленые, как морская волна, темные волосы растекались по обнаженному телу, а рот кривился в безмолвной гримасе.

Алита почувствовала, что рядом с ней кто-то есть: другая женщина, меньше ростом, очень худая в своей наготе, с седыми волосами и сморщенным усталым лицом. Она тоже плыла без устали.

Над их головами молниеносно пронеслась Элен с горящими от гнева глазами, длинными платиновыми волосами и странноватым смехом.

— Долго еще, Конда?

Мысли пожилой женщины сквозь толщу воды проникали в мозг каждого пловца.

— Час, а может, минут сорок! — донесся резкий ответ Конды, в котором ощущалась глубина и тьма подводных течений.

— Берегись! — закричал кто-то.

Нечто, кувыркаясь, свалилось в пучину вод. Стремительная тень, словно исполинская чайка, пролетела над гладью океана.

— Глубинная бомба! — закричал Конда. — Врассыпную!

Все двадцать, подобно стайке перепуганных рыбок, мгновенно рассеялись, замельтешили ноги, заработали руки, заныряли головы.

* * *

Глубинная бомба вдребезги разнесла толщу морской воды. Чудовищная волна сотрясла песчаное дно и, отскочив от него, выбросила на поверхность целый гейзер брызг.

Оглушенная, Алита вскрикнула, погружаясь на дно морское. Ее тело пронизывала непонятная боль. Только бы это кончилось. Только бы наступила настоящая смерть. Только бы это кончилось!

Ее затряс озноб. Вода вдруг стала ледяной, а она осталась в этой зеленой пустоте одна, в полном одиночестве. Она тоскливо разглядывала темный перстень на левой руке.

— Ричард, как я хочу снова тебя увидеть. Ах, Ричард, если бы мы только могли быть вместе!

— Доченька, — прозвучала в ее мозгу ласковая, с хрипотцой, мысль подплывающей к ней пожилой женщины, морщинистое лицо которой заволокло седыми волосами. — Нельзя. Не надо так думать. Идем. Есть дело. Нужно работать. Много работать. Потрудиться ради тебя и меня, ради кораблей на поверхности и ради... Ричарда.

Алита не шелохнулась.

— Не хочу плыть. Хочу просто сидеть здесь на песке и... ждать.

— Ты же знаешь, что это невозможно.

Пожилая женщина прикоснулась к ней.

— От этого тебе станет только хуже. Ты плывешь с определенной целью, иначе ты бы здесь не плавала. Ну же, давай. Мы почти на месте.

Потрясения от бомбы, сброшенной с низколетящего самолета, улеглись. Вода замутилась клубами

ила, и миллионы пляшущих пузырьков воздуха устремились навстречу внешнему миру, словно смеющиеся алмазы. Алита позволила пожилой женщине взять себя за руку и увлечь прочь от песчаного дна. Вместе они приблизились к Конде, который был ядром растущего сообщества.

— Подлодка! — подумал кто-то напряженным шепотом. — За тем коралловым бугром. Вот почему с самолета сбросили глубинную бомбу!

— Чья? — спросил кто-то.

— Немецкая, — мрачно сказал Конда.

Его рыжая борода колыхалась в воде, а глаза с красными кругами излучали стальную ненависть. Мимо промелькнула хохочущая Элен.

— Немецкая подлодка лежит себе на дне и тихо спит, дожидаясь... конвоя!

От этих слов Конды у всех закружилась голова, как от множества холодных и теплых течений, так и от страха пополам с тревогой.

— Сколько времени осталось до прохождения конвоя?

— От силы полчаса.

— Значит, времени в обрез?

— Да.

— А не опасно ли нам находиться рядом с ней?

Что, если самолет вернется с новым грузом бомб?

Конда пробурчал:

— Дальность полета не позволит. Самолет не вернется. У него кончились и бомбы, и бензин. Теперь наш черед. А что? Страшно?

Молчание.

* * *

Образовавшие кольцо спутники с ожиданием смотрели на Конду, и с ними Алита. Четырнадцать мужчин. Шесть женщин. У мужчин за четыре-пять месяцев отросли бороды и стали длинными и косматыми. Бледные водянистые лица с решимостью в сжатых челюстях и стиснутых кулаках. Все они собирались как осколки океанского кошмара. Белесые не-мертвецы, вдыхающие воду, думающие немые думы о штормовой ночи, когда «Атлантик» был торпедирован и потоплен с ними всеми на борту, кричащими, попавшими в западню.

— Нам было не суждено, — сказал угрюмый Конда, — попасть туда, куда мы направлялись, исполнить то, что нам было предписано. Но мы будем продолжать свое дело, пока идет война, потому что это единственное, чем стоит заниматься. Я не знаю, каким образом мы живы или что дает нам жизнь, кроме этого стремления сражаться, мстить, побеждать, а не валяться на коралловых рифах и кормить акул...

Алита слушала и содрогалась. Почему она до сих пор жива и плавает на глубине сорока саженей?

И тут она догадалась. В ней словно внезапно вспыхнул огонек. Она жива, потому что любит Ричарда Джемсона. Она жива просто потому, что его корабль может скоро снова пройти здесь, как три недели назад, возвращаясь из Англии. И она сможет увидеть, как он курит трубку, облокотившись на поручни, и все еще живой пытается улыбаться.

Она жила ради этого. Ради того, чтобы оберегать его жизнь в каждом походе. Как и у остальных, у

нее была цель — жгучая, неутолимая, гнетущая — не дать новым жертвам пополнить их ряды таким же кошмарным способом, как на «Атлантике». Пожалуй, этим все и объяснялось. У нее была веская причина, чтобы двигаться, и Господь наделил их всех движущей силой среди этих поросших водорослями равнин и ущелий.

— Значит, — раздалась в мозгу тяжеловесная мысль Конды, — займемся немецкой подлодкой. Ее нужно вывести из строя раз и навсегда. Нельзя оставлять ее здесь, когда подойдет конвой. Алита...

Алита вздрогнула, погруженная в свои мысли, и зашевелила бледными губами.

— Да?

— Ты знаешь, что тебе делать, Алита? А... ты, Элен?

Элен подплыла, мечтательно засмеялась в ответ, разжала белые пальцы и снова стиснула в кулак.

— Алита, Элен, приступайте. Остальным — занять места вокруг лодки. Джонс и Меррит, попытайтесь заклинить торпедные люки. Актон, займитесь приемными клапанами. Симпсон, вам поручаются палубные пушки. Хайнс, вы с остальными сделайте все, что можно и нельзя, с перископом и боевой рубкой.

— Есть, сэр!

— Если справимся, это будет уже наша шестая...

— Если, — перебил Конда.

— Алита постарается ради нас, правда, Алита?

— Что? А, да. Да! Конечно! — попыталась улыбнуться она.

— Отлично. — Конда оглядел всех вокруг. — Рас- средоточиться и двигаться к лодке под дымовой за- весой. Развернуться в боевой порядок!

* * *

Не проронив ни слова, соратники, разбившись на двойки и тройки, поплыли к коралловому рифу, обогнули его, затем припали ко дну, набрали полные пригоршни ила и замутили им воду. Алита тащилась вслед за ними, холодная, усталая, недовольная.

Подводная лодка распростерлась на грунте, как стальная акула, темная, настороженная, беззвучная. Сонные водоросли качали вокруг нее ветвями. На нее с любопытством глазели голубые рыбы и суетливо уплывали восвояси. Косые лучи солнца падали на нее сквозь толщу воды, касаясь ее серого тулова и придавая ей доисторический первозданный вид.

Мутная пелена поднималась по мере того, как люди Конды приближались, окружая лодку. Во мгле стремительно трепыхались мучнистые, бледные на- гие тела.

Стылый сгусток сердца сжался в груди у Алиты, перегоняя соленую воду по артериям и отчаяние по венам. Всего в паре футов от нее в илистой мгле лежала железная утроба, в недрах которой шевелились живые великовозрастные младенцы. А по эту сторону, в холодных глубинах — ничего живого, кроме рыб.

Конда, Алита и прочие — не в счет.

Подлодка — стальное брюхо вынашивала этих людей, не давая им захлебнуться в неистовых водах.

Всего несколько дюймов металла, а какая разница между их розовой плотью и ее бледным телом, жизнью и не жизнью, смехом и плачем. А воздух внутри лодки! Вот бы глотнуть его снова, как в те стародавние времена — всего несколько недель тому назад. Вот бы вдохнуть его и выдохнуть вместе с речью! Вот бы снова заговорить!

Алита поморщилась. Оттолкнулась ногами. Нырнув к подлодке, она застучала по ней кулаками и закричала:

— Впустите меня! Впустите меня! Я здесь! Я хочу жить! Я хочу жить! Впустите меня!

— Алита!

В голове Алиты раздался мысленный возглас пожилой женщины. Тень пробежала по ее морщинистому лицу, смягчив его.

— Нет-нет, дитя мое. Не думай об этом! Думай только о том, что предстоит сделать.

Симпатичное лицо Алиты обезобразила гримаса.

— Всего один вдох! Всего одну песню!

— Алита, время истекает. Конвой приближается! Лодку нужно уничтожить... не медля!

— Да, — устало сказала Алита. — Да, я должна думать о Ричарде... если он окажется на этом конвое...

Темные волосы накатили волной на ее лицо. Она откинула их назад белыми перстами и перестала думать о возвращении к жизни — это бессмысленная пытка.

Откуда-то раздался смех Элен, заставивший Алиту содрогнуться. Она увидела, как обнаженное тело Элен мелькнуло у нее над головой, словно серебри-

стая рыбина, величественная и изящная, как гонимый ветром чертополох. Ее смех плыл вместе с ней.

— Отворите лодку! Отворите и выпустите их. Я буду заниматься любовью с немецким мальчиком!

* * *

В подлодке тускло светились огоньки. Алита прижалась бледным лицом к иллюминатору и заглянула в каюту. Двое немцев лежали на узких походных кроватях, праздно уставившись в железный потолок. Вскоре один из них, вытянув губы, свистнул, скатился с кровати и пропал за маленьким стальным люком. Алита одобрительно кивнула. Этого она и дождалась. Второй оказался беспокойным юношей с бегающими глазами на утомленном лице. Его пшеничного цвета волосы были коротко острижены. Он без конца заламывал руки. И у него подергивалась щека.

Свет и жизнь — всего лишь в нескольких дюймах. Со всех сторон Алита ощущала холодное сдавливание океана, манящий холодный прибой. Ах, вот бы оказаться внутри, жить и говорить, как они...

Она подняла свой кулачок с массивным перстнем Ричарда из военно-морской академии в Аннаполисе и четырежды постучала по иллюминатору.

Тщетно.

Она сделала еще одну попытку, зная, что Элен проделывает то же самое с противоположного борта.

Перстень звякнул о толстенное стекло иллюминатора.

Немец, вздрогнув, приподнял голову на полдюйма и уставился на иллюминатор. Отвел взгляд. Принялся разминать пальцы и слюнявить губы.

— Я здесь! — Алита стучала снова и снова. — Попробуй! Послушай! Я здесь!

Немец так резко вскочил, что ударился головой о металл. Потирая одной рукой лоб, он слез с кровати и подошел к иллюминатору.

И сощурился, сложив ладони козырьком у глаз, чтобы лучше видеть.

Алита улыбнулась. Ей этого не хотелось, но она улыбнулась. Солнечный луч скользнул по ее вытягивающимся, как струйки дыма, темным волосам. Солнечный свет ласкал ее белое тело. Она манила руками и смеялась.

На какое-то неимоверное оглушительное мгновение ее руки стали как бы душить немца. У того глаза полезли на лоб. Губы перестали дергаться и окаменели. Внутри у парня как будто что-то надломилось. Это был последний удар, навсегда лишивший его рассудка.

Вот он еще здесь, а в следующее мгновение его и след простыл. Алита наблюдала, как он отпрянул от иллюминатора, выкрикивая неслышные слова. Ее сердце заколотилось. Он бросился к двери и выскочил наружу. Она подпрыгнула к следующему иллюминатору как раз вовремя и увидела, как онолосит среди взмокшей тройки механиков. Он стоял, покачиваясь и глотая слюну, показывая в сторону каюты, и пока остальные поворачивались, чтобы посмотреть в указанном направлении, юноша, разинув рот, побежал дальше, к поручням боевой рубки.

Алита знала, что он выкрикивает. Она немного знала по-немецки. Она ничего не слышала, но волны его безумных мысленных воплей пересеклись с ее собственными:

— Боже! Боже! Она там, снаружи! Плавает! Живая!

* * *

Капитан заметил его приближение. Выхватил револьвер и выстрелил в него в упор. Промахнулся. И они схватились.

— Боже! Боже! Я этого не вынесу! Месяцами спать под морем! Выпустите меня из этого проклятого кошмара! Выпустите!

— Прекратите! Шмидт, прекратите! Довольно!

Капитан рухнул от удара. Юноша вырвал у него револьвер, выстрелив в него три раза, затем вскарабкался по лестницам в боевую рубку и принялся крутить механизмы.

Алита предупредила остальных.

— Будьте наготове! Один вылезает! Он вылезает! Открывает внутренний люк!

Тут же раздался взволнованный, встревоженный голос Хайнса:

— К черту внутренний люк! Нам нужен внешний!

— Боже праведный, выпусти меня! Я не могу здесь больше оставаться!

— Держи его!

Экипаж переполошился. Отворился внутренний люк. На трех германских физиономиях запечатлелся разъедающий желудки панический ужас. Они хата-

ли инструменты и швыряли ими по ногам Шмидта, ускользающего вверх по ступенькам!

В освещенных солнцем глубинах голос Конды ударил, словно гонг:

— Все готовы? Если он откроет внешний люк, мы должны его застопорить, чтобы остальные уже не смогли его захлопнуть!

Элен разразилась кинжалным смехом:

— Я готова!

Подлодка сотрясалась от булькающих звуков. Юный Шмидт плакал и что-то лепетал. Алита его не видела. Остальные же немцы пуляли из пистолетов вверх, внутрь боевой рубки, где он исчез, но — безрезультатно! С криками они полезли следом за ним.

Их раздавил хлынувший внутрь поток воды!

— Люк открыт! — торжествовала Элен. — Открыт! Внешний люк свободен!

— Не давай им его захлопнуть! — взревел Конда.

Белые тела рванулись мимо него, отбрасывая на солнце зеленые блики. Мысли помрачнели, словно от поднятой со дна муты.

В машинном отделении экипаж боролся с хлюпающим и плещущим кошмаром хлеставшей воды. Трясло, клокотало и болтало, словно в недрах гигантской стиральной машины. Двоим или троим удалось вскарабкаться к внутреннему шлюзу и ударить по запорному механизму.

— Я внутри! — голос Элен дрожал от возбуждения. — Я его схватила... этого немецкого юношу! Ах, это ни на что не похожая любовь!

Немец издал истощенный мысленный вопль, после чего наступила тишина. Через мгновение появились

его болтающиеся ноги — наполовину снаружи, наполовину внутри шлюза, когда люк начали задраивать! Но теперь люк не запирался. Отчаянно дергая вниз, экипаж пытался высвободить его из шлюза, но Элен зловеще хохотала, приговаривая:

— Э, нет! Я держу его. И буду удерживать здесь, где от него больше всего пользы! Он мой! Мой, и точка! Вам его не заполучить!

Вода низвергалась и громыхала! Немцы барабанились и бултыхались. Безжизненные ноги-руки Шмидта дико дергались в неумолимом потоке. Каким-то образом его тело высвободилось. Шлюз распахнулся, и он упал ничком в поднимающиеся воды.

С ним вместе упало еще нечто — белое, стремительное, нагое. Элен.

* * *

Алита наблюдала за происходящим с заторможенным чувством, которое слишком утомило ее, чтобы называться ужасом.

Она смотрела до тех пор, пока не осталось три немца, плававших вокруг, держащих головы над водой, истошно призывая Бога на помощь. А Элен незримо двигалась среди них, быстро перебирая руками. Ее белые руки взметнулись вверх, схватили одного офицера за плечи и потянули под воду.

— Это совсем другая любовь! Займись со мной любовью! Займись! Что, тебе не нравятся мои ледяные губы?

Алита, содрогаясь, поплыла прочь от этого неистовства, воплей и смертоубийства. Подлодка поги-

бала, сотрясаясь всей своей первобытной тушей в стальной агонии. Через мгновение она захлебнется, и дело будет сделано. Снова на дно опустится безмолвие, и солнечный свет упадет на мертвцевов, на притихшую лодку, и еще одна атака увенчается успехом.

Рыдая, Алита двигалась в зеленой тиши навстречу солнцу, и чем ближе она приближалась к поверхности, тем теплее становилась вода. Вечерело. В Форест-Хиллз сейчас на кортах играли в теннис, потягивали прохладные коктейли, обсуждали поход в «Индиго-клуб» на танцы. В Форест-Хиллз обсуждали, в чем отправиться на танцы вечером, на какое представление сходить. О, все это осталось позади, в разумной жизни, до того, как торпеды разнесли корпус «Атлантика» и отправили его на дно.

Ричард, где ты теперь? Может, появишься здесь через несколько минут, Ричард, вместе с конвоем? Будешь ли ты вспоминать о нас и о том дне, когда мы поцеловались на прощание в Нью-Йоркской гавани, когда я отплывала на медсестринскую службу в Лондон? Помнишь, как мы целовались и крепко обнимались, и как ты больше меня не увидел?

Я видела *тебя*, Ричард. Три недели назад. Но я не хотела бы видеть тебя таким — бледным и отсыревшим нас kvозь, неживым. Я хочу оградить тебя от всего этого, любимый. И я это сделаю. Поэтому я все еще двигаюсь, наверное. Ибо знаю, я могу помочь тебе остаться в живых. Мы только что расправились с подлодкой, Ричард. Она уже не сможет причинить тебе зла. И ты сможешь отправиться в Британию и заниматься тем, чем мы собирались заниматься *вместе*.

В воде возникло еле ощутимое движение, и пожилая женщина оказалась рядом с ней.

Белые плечи Алиты содрогнулись.

— Это... это было ужасно.

Пожилая женщина взглянула на плененное водой солнце.

— Такая погибель всегда ужасна. Всегда была и будет, покуда человек воюет. Нам пришлось это сделать. Мы не убивали, мы спасали жизни, сотни жизней.

Алита закрыла глаза и открыла снова.

— Я всё думаю о нас. Почему лишь ты да я и Конда с Элен и остальными пережили крушение? Почему никто из сотен других людей не присоединился к нам? Кто мы теперь?

Пожилая женщина медленно двигала ступнями, вызывая рябь на воде.

— Мы — Стражи. Так нас надо называть. Когда «Атлантик» затонул, он унес на дно тысячу человек, и лишь двадцать выбрались из него, полумертвыми, потому что нам есть кого охранять. У тебя в конвоях плавает возлюбленный, у меня в военном флоте служат четверо сыновей. У Конды тоже есть сыновья. А у Элен... любимый человек утонул вместе с «Атлантиком», но так и не выбрался полуживым, как мы, поэтому она мстит, ею движет великое возмездие. Ее не убьешь.

— У каждого из нас в океанских караванах плавают дорогие сердцу люди. Мы не одни. Может, тысячи таких, как мы, отсюда и до самой Англии не могут и не станут успокаиваться, а разделяют швы немецких транспортов, затемняют нацистские перископы,

внушают ужас экипажам, топят при всяком возможном случае канонерки.

И мы такие же. Наша преданность нашим мужьям, сыновьям, дочерям и отцам заставляет нас двигаться, не становиться кормом для рыб, а быть Стражами Конвоев, позволяет плавать быстрее любого человека при жизни, так же стремительно, как всякая рыба. Мы — это невидимая стража, про которую никто не узнает, которой не воздадут должное. Жажда действия оказалась такой жгучей, что не позволила смерти вывести нас из строя...

— Но как же я устала, — пробормотала Алита. — Как я утомилась.

— Вот закончится война... тогда и отдохнем. А пока...

— *Конвой приближается!*

* * *

То раздался басовитый командный голос Конды, привыкшего за многие годы отдавать приказы на борту «Атлантика». Он оказался ниже и в ста ярдах дальше от них, и теперь поднимался в просеянном сквозь воду солнечном свете. Его огненная шевелюра обрамляла носатое толстогубое лицо, а борода смахивала на живое существо со множеством извишающихся щупалец.

Конвой!

Стражи замерли, оставив все дела, и зависли, как насекомые в зеленом первозданном янтаре, прислушиваясь к глубинам.

Издалека доносился голос конвоя: сперва невнятно, нехотя, прерывисто, как трубный глас, обращенный в вечность, но развеянный ветром. Слабая вибрация винтов, взбивающих воду, огромный груз, давящий на атлантические течения, искривляющиеся на солнце.

Конвой!

Эсминцы, крейсеры, корветы и транспорты. Исполинский конвой!

Ричард! Ричард! И ты с ними?

Алита вдохнула воды в ноздри, в горло, в легкие. Она висела словно жемчужина на фоне зеленого бархатного платья, которое вздымалось и опускалось от дыхания моря.

Ричард!

Эхо от кораблей стало далеко не призрачным. С приближением армады вода загудела, затряслась и заплясала. Груженный боеприпасами, продовольствием и самолетами, несущий надежду, мольбы и людей, конвой направлялся в Англию.

Ричард Джемсон!

Корабли пройдут над их головами сонном синих теней и вскоре пропадут в ночи, а назавтра появятся новые и новые.

Алита, наверное, поплынет вместе с ними, пока не выбьется из сил. А затем нырнет и вернется в исходную точку, оседлав знакомое глубоководное течение, которым она пользовалась в таких случаях.

Но сейчас она страстно устремилась вперед.

Она приблизилась к поверхности насколько возможно и слышала, как Конда отдает громогласные команды:

— Рассредоточиться! По одному на каждый крупный корабль! О любых враждебных действиях докладывать немедленно! Будем идти за ними, пока не зайдет солнце. По местам!

Все подчинились, всплывая, чтобы занять позицию и быть начеку, но не слишком близко к поверхности, чтобы солнце не попало им на кожу.

Они ждали. Перестук и уханье кораблей нарастили. Море переполнилось шумами, которые падали на песок и отскакивали вверх, уже отраженными, вибрирующими: тук-тук-тук, чух-чух-чух, дрожащими звуками. Тук-тук-тук, чух-чух-чух!

Ричард Джемсон!

Алита решилась высунуться из воды. Солнце ударило ее по голове, как тупым концом молотка. Из глаз даже искры посыпались. Она порыскала взгядом и, погружаясь, вскрикнула:

— Ричард! Это его корабль. Первый эсминец. Вижу бортовой номер. Он снова здесь!

— Алита, прошу тебя, — предупредила пожилая женщина. — Возьми себя в руки! Мой мальчик тоже здесь. На транспорте. Я хорошо знаю шум его винтов. Узнаю этот звук. Один из моих мальчиков здесь. И мне это очень приятно.

Все поплыли навстречу конвою. Только Элен отстала, стремительно кружая вокруг немецкой подлодки. Она исторгала странный, высокий и безумный смех.

Алиту переполнял восторг. Здорово, что Ричард так близко, пусть даже она не может с ним заговорить или показаться ему на глаза, или, тем более, его поцеловать. Она высматривала его каждый раз,

когда он проплывал по этим местам. Может, и теперь она будет плыть всю ночь и часть следующего дня, пока хватит сил не отставать, а потом простится с ним шепотом и оставит одного.

* * *

Эсминец приближался к ней. Она увидела освещенный солнцем номер на носу. И море отпрянуло от корабля, который вспарывал воду, как сверкающий нож.

Последовало радостное мгновение, а затем Конда гаркнул басом, оглушительно и тревожно:

— ПОДЛОДКА!

— Подлодка с севера, наперерез конвою. Немецкая!

Ричард!

Тело Алиты сжалось от страха, когда послышалась подводная вибрация, которая означала одно — стремительное приближение субмарины. Под водой пульсировала темная продолговатая тень.

Остановить подлодку в движении невозможно, если только не повезет. Можно попытаться застопорить ее винты, но времени уже не хватало!

Конда закричал:

— Все к подлодке! Остановите ее как-нибудь! Залепите перископ. Сделайте что-нибудь!

Но немецкая подлодка шла напролом, как чудовище из ртути. Не успели они глазом моргнуть, как она незаметно поравнялась с конвоем и изготовилась к торпедной атаке.

Внизу Элен, будто зловещая фантазия, выписывала свои овальные петли, но как только на нее пала тень подлодки, она вскинула голову, а ее жгучие глаза выпучились, и она с ужасающей энергией устремилась на субмарину — лицо ее горело яростью!

Корабли конвоя продолжали свой путь, не догадываясь о том, что вспенивают отравленные воды, стуча большими клапанными сердцами и неистово выбивая винтами водную песнь.

— Конда, сделай же что-нибудь! Конда! — Алита задрожала, метнув свои мысли огнебородому великану.

Конда, как величественная акула, гневно устремился вверх, к винтам подводной лодки.

Субмарину подбросило. Изрыгнув пузыри, она исторгla из стальной утробы плод своих усилий — обтекаемую торпеду, вышибленную мощным толчком, а следом — вторую — и прямиком в эсминец.

Алита заработала ногами, хватаясь беспомощными руками за водные завесы. В сдавленном крике она изрыгнула из легких всю воду.

События развивались стремительно. Ей пришлось плыть с неимоверной скоростью, чтобы не отставать ни от подлодки, ни от конвоя. Пока Алита лихорадочно плыла, торпеды, оставляя пенные следы, неслись к эсминцу.

— Мимо! Обе торпеды промазали! — закричал кто-то, судя по голосу, кажется, пожилая женщина.

Ах, Ричард, Ричард, разве ты не знаешь, что рядом с тобой подлодка? Не позволяй ей доводить тебя до... этого, Ричард! Бросай же глубинные бомбы! Не медли!

Ничего.

Конда зацепился за боевую рубку лодки, неистово ругаясь и тщетно пытаясь что-нибудь предпринять.

Еще пара торпед вышла из раструбов подлодки и легла на свой курс. Как знать...

— Опять мимо!

Алита нагоняла эсминец. Расстояние между ними сокращалось. Если бы только она могла выскочить из воды и закричать! Если бы она была чем-то еще, кроме мертвой бледной плоти...

Еще одна торпеда. Наверное, последняя в подлодке.

Этой суждено было попасть!

Алита поняла это, не успев сделать и трех гребков. Она плыла точно рядом с эсминцем. Подлодка находилась за много ярдов впереди, когда она выпустила свой последний заряд. Алита видела, как торпеда приближается, сверкая, как новая разновидность рыбы, и понимала, что на этот раз дальность стрельбы выбрана верно.

В одно мгновение она поняла и решила, что ей делать. В одно мгновение она поняла весь смысл и предназначение своего полумертвого плавания. Это означало конец этому самому плаванию раз и навсегда, конец раздумьям о Ричарде и о том, что он больше не будет ей принадлежать. Это означало...

Она оттолкнулась ногами от водной поверхности и быстро поплыла. Мерзкая тупорылая торпеда шла прямо на нее.

Алита перестала гребти и, широко раскинув руки, распростерла свои объятия, чтобы прижать к груди давно потерянного возлюбленного.

Она мысленно прокричала:

— Элен! Элен! Отныне... отныне... ты будешь заботиться о Ричарде вместо меня! Присмотри за ним ради меня! Позабочься о Ричарде!..

— Подлодка по правому борту!

— Приготовить глубинные бомбы!

— Четыре торпедных следа! Все мимо!

— Вон еще одна! На этот раз прицел точный, Джемсон! Следите за ней!

Для тех кто стоял на мостице, это были последние минуты перед отправкой в ад. Ричард Джемсон, стиснув зубы, закричал:

— Руль на борт!

Но что толку.

Торпеда приближалась, не разбиная дороги. Она ударит в борт по миделю! Джемсон побледнел и что-то пробормотал себе под нос, схватившись за поручень.

Торпеда так и не попала в эсминец.

Она взорвалась в сотне футов от корпуса корабля. Чертыхаясь, Джемсон рухнул на палубу и замер в ожидании. Встал, шатаясь, на ноги с помощью своего младшего офицера.

— Еще бы чуть-чуть, сэр!

— Что случилось?

— Мы были у них точно на прицеле, сэр. Наверное, торпеда попалась неисправная. Она взорвалась, не дойдя до цели. Ударилась в подтопленное бревно, а может, во что-то другое.

Джемсон стоял, и по его лицу струилась соль.

— Мне показалось, я что-то видел. Перед самым взрывом. Напоминало... бревно. Да. Именно. Бревно.

— Повезло же нам, сэр!
— Да уж. Чертовски повезло!
— Глубинные бомбы к бою!

Сбросили глубинные бомбы. Мгновенья спустя океанскую воду разорвал подводный взрыв. Запузырилось масло и окрасило волны вперемешку с обломками.

— Прищучили подлодку, — сказал кто-то.
— Да. А она чуть не прищучила нас!

Эсминец бежал по волновым каналам, подгоняемый ветром под темнеющими небесами.

— Полный вперед!

Пока конвой шел в сумерках, океан мирно спал. В густо-зеленой тишине пучины ничто не шевелилось, разве что какие-то создания, которых можно было принять за косяк серебристых рыбок в глубине, под тем самым местом, которое миновал конвой. Бледные создания дергались, отсвечивая белизной, и таинственно, безмолвно упливали в зеленую немоту подводных долин...

Океан снова погрузился в сон.

1943

Проныра

Транспорт был загружен и готовился к отплытию в полночь. По трапу шаркали ноги. Отовсюду раздавалось пение. Многие молча прощаались с Нью-Йоркской гаванью. При свете погрузочных огней поблескивали знаки различия.

Джонни Квайру не было боязно. Его руки в хаки дрожали от состояния взвинченности и неопределенности, а не от страха. Он держался за перила и думал. Погруженный в раздумья, он словно замкнулся между светлыми створками раковины и отгородился от корабельного шума и гомона солдат. Он думал о днях минувших.

Всего несколько лет назад...

Дни проходили в зеленом парке, у ручья, под темными дубами и вязами, на скамейках с посеревшими сиденьями и пестрыми цветами. Отроки, и он в том числе, скатывались с крутых склонов мальчишечьей лавиной, кубарем, с гиканьем и гоготом.

Иногда они обстругивали куски дерева, прилачивали к ним бельевые прищепки вместо спусковых механизмов для натягивания резиновых колец, служивших боеприпасами, и пуляли ими сквозь летний воздух. А бывало, они вооружались пистолетами, которые стреляли пистонами, и, целясь, бахахали из

них друг в друга. Но пистоны большинству были не по карману, и приходилось наводить грошевые револьверчики и вопить:

— Бах! Ты убит!

— Бах-бах! Попал!

Но все было не так уж просто. Вспыхивали споры — быстрые жаркие, короткие — и через минуту гасли.

— Бах! В точку!

— Еще чего! Промахнулся на милю. Бум! А я попал!

— Ты тоже промазал! Ты не мог в меня попасть. Я же тебя подстрелил. Ты убит. Как ты мог в меня выстрелить??!

— Я уже сказал, ты промазал. А я увернулся.

— От пули не увернешься. Я целился прямо в тебя.

— Все равно я увернулся.

— Чертова с два. Ты всегда так говоришь, Джонни. Так нечестно. Ты убит. Падай!

— А я сержант... Я не могу умереть.

— А я старше сержанта. Я капитан.

— Если ты капитан, то я генерал!

— А я генерал-майор!

— Я так не играю. Ты мухлюешь.

Вечный спор за верховенство. Расквашенные носы, дразнилки, обещания возмездия, мол, «все папе расскажу». И все это — неотъемлемая часть жизни дикого необузданного жеребенка одиннадцати годков от роду с искривленными зубами и без удил весь июнь, июль и август.

* * *

И только к осени родители приезжали за тобой и прочими огненными жеребчиками, чтобы стреноживать и клеймить за ушами мылом с водою и ставить в стойло с краснокирзовыми стенами и ржавым колоколом на башенке...

Было это не так давно. Всего... семь лет назад.

Внутренне он все еще оставался ребенком. Его тело выросло, вытянулось, возмужало, загорело, окрепло, грива рыжих волос потемнела, резко обозначились черты лица, челюсть и глаза, огрубели пальцы и костяшки. Но его мозг отставал от общего телесного развития, оставаясь зеленым, незрелым, забитым пышными высоченными дубами летом, журчанием ручья и мальчишками, бегавшими по лесным излучинам с криками «сюда, ребята, срежем угол, перехватим их у Оврага Мертвца!».

Надрывались корабельные гудки. Эхо отскакивало от железных домов Манхэттена. Загрохотали поднятые трапы. Раздавались возгласы.

Джонни Квайр вдруг это осознал. Его необузданые мысли перепутались из-за того, что корабль уже взял курс на гавань. Он чувствовал, как дрожат его пальцы, сжимавшие ледяную сталь поручней. Парни распевали «Долгий путь до Типерари», устроив уютную кутерьму.

— Не бери в голову, Квайр, — сказал кто-то.

Эдди Смит подошел и взял Джонни Квайра под руку.

— О чём призадумался?

Джонни уставился на мерцающие черные воды.

— Почему я не в четвертом классе?

Эдди Смит тоже посмотрел на воду и усмехнулся:

— С чего вдруг?

Джонни Квайр объяснил:

— Я всего лишь ребенок. Мне только десять лет. Я люблю ролики, мороженое и шоколадки. Я хочу к маме.

Смит потер свой маленький бледный подбородок.

— Квайр, у тебя самое что ни на есть несусветное чувство юмора. Дай мне разобраться. Ты произнес все это с совершенно отсутствующим выражением лица. Кто-нибудь другой подумал бы, что ты говоришь серьезно...

Джонни из любопытства сплюнул разок за борт, чтобы посмотреть, далеко ли до воды. Оказалось, не так уж далеко. Затем он попытался разглядеть, куда же шлепнулся его плевок и как долго он не исчезает из виду. Опять оказалось, совсем недолго.

Смит сказал:

— Вот мы и отплыли. Не знаю, куда, но отплыли. Может, в Англию, может, в Африку, а может, кто его знает!

— А те парни честно играют, рядовой Смит?

— Что?

Джонни Квайр сделал жест.

— Если ты там стреляешь в тех парней, то они должны упасть, правда?

— Еще бы. Но с чего ты?..

— И если ты их подстрелил первым, они не могут выстрелить в ответ?

— Первое правило на войне. Ты стреляешь в него первым — он выходит из боя. А зачем ты?..

— Тогда порядок, — сказал Джонни Квайр.

Напряжение в его желудке спало, и живот приятно смягчился. Пальцы легко и непринужденно поклонились на поручнях и ничуть не дрожали.

— Раз это — первое правило, рядовой Смит, тогда мне нечего бояться. Я буду играть. Я буду играть в войну, как надо.

Смит уставился на Джонни.

— Если ты собираешься играть в войну так, как о ней разговариваешь, то смешная же это будет война, скажу я тебе.

Корабельный гудок ударили по облакам. При свете звезд корабль вышел из Нью-Йоркской гавани.

И Джонни Квайр всю ночь напролет спал, как плюшевый мишка.

* * *

Высадка в Африке прошла быстро, просто, без приключений, и в теплую погоду. Джонни подхватил свое снаряжение, размахивая на ходу большими руками, отыскал грузовик, приданный его роте, и начался долгий знайкой поход из Касабланки в глубь континента. На скамье он оказался выше всех. Они сидели друг против друга — напротив своих товарищ у заднего борта. Всю дорогу они раскачивались взад-вперед, смеялись, курили, балагурили, в общем, им всем было весело.

Джонни заметил, с каким уважением офицеры относились друг к другу. Никто из них не топал ногами и не вопил: «я хочу быть генералом, или не буду играть!» или «я — капитан, или больше не играю!» Они получали приказы, отдавали приказы, отменяли

приказы и запрашивали приказы по-военному четко, и это казалось Джонни невиданным и замечательным образчиком актерской игры. Ведь это так трудно — все время не выходить из игры, — но им это удавалось. Поэтому Джонни восхищался ими и ни разу не усомнился в их праве отдавать ему приказания. Когда он не знал, чем заняться, они ему говорили, что именно нужно делать. Приходили на подмогу. Эх! Отличные ребята! Не то что раньше, когда все спорили, кому быть генералом, кому сержантом или капралом.

Джонни ни с кем не делился своими мыслями. Когда оставалось время, он думал, размышлял. Изумлялся. В такую большую игру ему еще не приходилось играть — обмундирование, большие пушки и все такое...

Для Джонни Квайра длинное путешествие в глубь страны по пыльным ухабистым дорогам и славным коровьим тропам было важнее, чем колдобины, крики и пот. Африкой и не пахло, а пахло солнцем, ветром, дождем, грязью, зноем, потом, сигаретами, грузовиками, маслом, бензином. Вездесущие запахи сводили на нет зловещую угрозу старого учебника географии: он, сколько ни искал, нигде не мог найти местного цветного народца с раскрашенными черными личинами. Остальное время он был слишком занят, орудуя ложкой и вставая в очередь за добавкой.

Однажды, душным полднем, за сто миль от тунисской границы, когда Джонни только еще доедал свой обед, из солнечного круга вывалился немецкий бомбардировщик «штука» и понесся прямо на Джонни, изрыгая пули.

А Джонни стоял и глазел. Жестяные тарелки, утварь и каски задребезжали и засверкали на утрамбованном песке, а вся его рота с криками бросилась врассыпную, уткнулась носами в щели, за валуны, попряталась за грузовиками и джипами.

Джонни стоял, ослабясь улыбкой человека, смотрящего прямо на солнце. Кто-то закричал:

— Квайр, пригнись!

Пикировщик атаковал с бреющего полета. Джонни стоял как вкопанный, держа у рта ложку. По одну руку от него, в нескольких футах, взметнулась цепочка фонтанчиков пыли. Он следил, как эта вереница всплесков неумолимо подкрадывается к нему и отклоняется на несколько ярдов, пока «штука» не подняла свои вызолоченные крылья и не отвалила.

Джонни провожал ее взглядом, пока она окончательно не исчезла из виду.

Из-за джипа выглянул Эдди Смит.

— Квайр, остолоп ты этакий, ты почему не спрятался за грузовик?

Джонни вернулся к своей трапезе.

— Этот парень и ведром краски не попал бы в ворота коровника.

Смит посмотрел на него как на Святого в церковной нише.

— Или ты самый храбрый из всех, кого я знаю, или самый тупой.

— Пожалуй, я храбрый, — сказал Джонни несколько неуверенным голосом, словно еще пребывал в раздумьях.

Смит фыркнул:

— Вот черт. Он еще говорит.

* * *

Продвижение в глубь территории продолжалось. Роммель закрепился при Марете, а британская Восьмая армия приближалась, готовя тяжелую артиллерию к работе, которая, по слухам, должна была начаться дней через пять. Длинная колонна грузовиков достигла тунисской границы, пересекла ее и поднялась вверх по холмистой местности...

Африканский корпус Роммеля атаковал через перевал Кассерин, выйдя почти на границу Туниса, и теперь отступал к Гафсе.

— Замечательно. Так и должно быть, — единственное, что сказал Джонни.

Пехотная часть Квайра, наконец, выдвинулась, чтобы принять свой первый бой, впервые увидеть, как противник бежит, падает, поднимается или так и остается лежать, убегает, стреляет, кричит или просто исчезает из виду в клубах пыли.

Среди его товарищей нет-нет да раздавался нервический смешок. Джонни чувствовал его и не мог взять в толк. Но время от времени делал вид, что тоже нервничает. Забавно. Он не курил, когда его уговаривали сигареткой.

— Я от них задыхаюсь, — объяснял он.

Приказ получен. Американские части, спускающиеся на тунисскую равнину, выдвигались к Гафсе, а с ними и Джонни Квайр в звании рядового.

Отдавались отрывистые, как лай, команды. Командирам рот выдали карты. Усилили их танковыми группами, противотанковыми полугусеничными тягачами, артиллерией и пехотой.

Пронеслись ослепительно сверкающие самолеты. Джонни решил, что они очень впечатляющие.

Раздались взрывы. По раскаленной равнине прокатилась смертоносная волна снайперских выстрелов, пулеметного огня и разрывов снарядов. И Джонни Квайр бежал за валом наступающих танков, а Эдди Смит в десятке ярдов впереди него.

— Пригни голову, Джонни! Не высовывайся!
— Все в порядке, — пыхтел Джонни. — Держись!

Я справлюсь!

— Только пригни свою большущую голову!

Они бежали. Джонни вдыхал и выдыхал. Он чувствовал себя глотателем пламени, когда тот набирает в рот огня. Африканский воздух обжигал, как пламя спиртовки. Опалил горло и легкие.

Они бежали. Спотыкались о россыпи гальки и взбегали на неожиданно возникающие холмики. Они еще не вступили в прямой огневой контакт. Повсюду бежали солдаты — муравьи в хаки, рассыпавшиеся по выжженной траве. Бежали везде. Джонни увидел, как двое из них упали и остались лежать на земле.

— Э, да они не умеют, — подумал про себя Джонни.

Камушки рассыпались под ногами точно так же, как разноцветный галечник на дне пересохшего ручья близ Фокс-Ривер, штат Иллинойс. Небо напоминало небосвод Иллинойса, мерцающее, с оттенком жгучей синевы. Большиими прыжками он продвигался вперед своим крупным телом. В самом пекле перед ним замаячил высокий и широкий, подозрительно пышный зеленый холм. В любой миг «ребята» могут завернуть и кубарем скатиться с его склонов.

С холма запестрили вспышки выстрелов, словно пламенеющая сыпь какой-то обжигающей болезни. Из-за холма заговорила артиллерия. Снаряды, описывая дугу, образовали огневую завесу. Там, где они падали, вздымалась земля и дрожала, содрогалась, сотрясалась! Джонни засмеялся.

Все это лишь взбудоражило Джонни Квайра. Громыхали его ботинки, на барабанные перепонки давила звенящая кровь, ударившая в голову. Он свободно размахивал длинными руками, в которых держал автоматическую винтовку...

Из раскаленного неба упал снаряд, зарылся носом в грунт в тридцати ярдах от Джонни и взорвался мощным снопом огня, камней и осколков.

Джонни изо всех сил отпрыгнул в сторону.

— Не попал! Не попал!

Он прыгнул вперед, топая ногами.

— Джонни, пригнись. Джонни, ложись! — закричал Смит.

Еще один снаряд. Еще один разрыв. Шрапнель.

Но на этот раз в двадцати пяти футах. Джонни ощутил его огромную мощь, жесткую ударную волну, толчок и силу. Он закричал:

— Опять промазал! Я тебя обманул! Опять промах!

И побежал дальше.

Через тридцать секунд он понял, что остался один. Остальные залегли, уткнувшись в землю, чтобы окопаться, потому что прикрывавшие их танки вынужденно свернули в сторону, чтобы обойти холм. Танк не мог осилить крутые склоны. Оставшись без танкового прикрытия, пехоте пришлось вгрызаться в землю. Вокруг повсюду запели снаряды.

* * *

Джонни Квайр остался один, и это ему нравилось. Ей-богу, он сам захватит весь этот чертов холм. Если остальным нравится плестись в хвосте, тогда все удовольствие достанется ему. Впереди, в двухстах ярдах от него, стоял пулемет и строчил. Грохот и пламя изливались, как из мощного садового шланга. Он поливал и хлестал. Горячий дрожащий воздух на склоне холма заполнили рикошеты.

Квайр побежал. Он бежал и смеялся. Разевал свой большой рот, скаля зубы. Внезапно остановился. Прицелился, выстрелил. Хохотнул и снова сорвался с места.

Пулеметы заговорили. Цепочка пуль прошила землю идиотской стежкой вокруг Джонни.

Он пританцовывал и ходил зигзагами, бежал, пританцовывал и снова лавировал. И ежесекундно вопил:

— Промазал! Я увернулся!

После чего наносил удар, как новая разновидность танка, размахивая винтовкой.

Останавливался. Целился. Стрелял.

— Бах! Попал! — кричал он.

Немец в пулеметном гнезде упал.

Он снова побежал. Сверху плотной завесой падали пули. Джонни проскальзывал сквозь них, как актер проскальзывает сквозь серые кулисы, бесшумно, легко и спокойно.

— Промахнулся! Промахнулся! Промахнулся!
Я увернулся. Увернулся!

Он ушел так далеко вперед от остальных, что все они почти скрылись из виду. Спотыкаясь, он выстрелил еще три раза.

— Убил! И тебя, и тебя. Всех троих!

Трое немцев упали. Джонни исторг восторженный клич. По его щекам текли сверкающие струйки пота. Голубые глаза разгорелись, как раскаленное небо.

Пули падали — волна за волной. Хлестали, расщепляя камни над ним, вокруг него, рядом с ним. Под ним и за ним. Он пританцовывал, смеялся. Уворачивался.

Первое пулеметное гнездо немцев заглохло. Джонни взялся за второе. Откуда-то издалека он рассыпал охрипший крик Эдди:

— Джонни, вернись. Дурак! Назад!

Но стоял такой грохот, что у него не было в этом уверенности.

Он увидел выражение лиц четырех немецких пулеметчиков, что залегли выше по склону холма. Сквозь загар пустынь на них проступала бледность. Они дико таращились на него, разинув рты.

Они навели пулемет прямо на него и открыли огонь.

— Промазали!

Из-за холма прилетел снаряд и со свистом упал в тридцати ярдах от него. Джонни катапультировался.

— Близко! Но не настолько!

Двое немцев не выдержали и бросились наутек из пулеметного гнезда, выкрикивая безумные слова. Двое других с побелевшими лицами вцепились в пулемет и принялись поливать Джонни свинцом.

Джонни их застрелил.

А тем двоим дал уйти. Не стрелять же им в спину. Он устроился в пулеметном гнезде и стал дожидаться своих товарищней.

Он увидел, как у подножия холма американцы высекают отовсюду, как чертики из табакерок, и бегут к нему.

* * *

Минуты через три Эдди Смит, спотыкаясь, добрался до пулеметного гнезда. Выражением лица он ничем не отличался от немцев. Он накричал на Джонни. Сграбастал его и стал ощупывать, осматривая со всех сторон.

— Джонни! — вопил он. — Джонни, ты не ранен, ты цел!

Такая речь показалась Джонни смешной.

— Конечно, цел, — ответил Джонни. — Я же тебе говорил, что все будет в порядке.

У Смита отвалилась челюсть.

— Я же видел, как рядом с тобой рвались снаряды, да еще эти пулеметы...

Джонни оскалился:

— Рядовой Смит, глянь-ка на свою руку.

Рука Эда покраснела. У него в запястье застрял осколок, и обильно текла кровь.

— Рядовой Смит, тебе следовало пригнуться. Черт, я тебе говорю, а ты меня не слушаешься.

Эдди Смит выразительно на него посмотрел.

— От пули не увернешься, Джонни.

Джонни разразился смехом ребенка, который хорошо знает, что и как бывает на войне. Джонни расхохотался.

— Они не спорили со мной, рядовой Смит, — сказал он тихо. — Ни один не заспорил. Вот умора. А все остальные ребята спорили.

— Какие остальные ребята, Джонни?

— Ну, знаешь, остальные ребята. У ручья, в наших местах. Мы всегда спорили, кого подстрелили, кто убит. А сейчас, когда я кричал им «бах, ты убит», они играли по правилам. Ни один не стал спорить. Никто не закричал в ответ «бах, я попал в тебя первым, это ты убит». Ничего подобного. Они все время давали мне стать победителем. А раньше они много спорили.

— Неужели?

— Ну да.

— Что ты им говорил, Джонни? Действительно «бах, ты убит»?

— Конечно.

— И они не спорили?

— Нет. Ну разве они не молодцы? В следующий раз для справедливости я притворюсь мертвым.

— Ни в коем случае, — перебил его Смит.

Он сглотнул капли пота и вытер лицо.

— Не делай этого, Джонни. Ты... ты продолжай в том же духе.

Опять сглотнул.

— А насчет твоего уворачивания от пуль и о том, что они в тебя не попадали...

— Конечно, я уворачивался, а они — нет.

* * *

- У Смита дрожали руки.
Джонни Квайр уставился на него.
- В чем дело, рядовой?
 - Ничего. Просто перевозбудился. И еще я хотел спросить.
 - Что?
 - Просто хочу спросить, сколько тебе лет, Джонни?
 - Мне? Десять. Одиннадцатый пошел.
- Тут Джонни замолк и виновато покраснел.
- Нет. Что я говорю? Мне восемнадцать. Скоро девятнадцать.
- Джонни посмотрел на тела немецких солдат.
- Скажи им, пусть встают, рядовой Смит.
 - А? Что?
 - Чего они лежат? Скажи им, чтобы уходили, если хотят.
 - А... гм... видишь ли, Джонни... знаешь, они встанут после нашего ухода. Ну да... когда мы уйдем. Вставать сейчас не по правилам. Им хочется немного отдохнуть. Да... отдохнуть.
 - А-а.
 - Послушай, Джонни, я хочу тебе кое-что сказать. Прямо сейчас!
 - Что?
- Смит облизал губы, переминаясь с ноги на ногу, слглотнул слюну и вполголоса ругнулся.
- Ладно. Нет, ничего. Черт. Я только хотел сказать, что завидую тебе. Жаль, что я так быстро вырос и по-взрослел. Знаешь, Джонни, кто-то, а *ты* вернешься с этой войны. Не спрашивай, как. Просто я это чувствую. Так гласит Писание. Я, может, не вернусь.

Может, я не ребенок, а значит, не хожу под защитой Бога, который защищает детей, потому что они дети. Может, я вырос, веря не в то, что нужно — в реальность, в смерть и в пули. Может, я сдуру воображаю о тебе черт-те что. Так оно и есть. Из-за моего воображения — я думал, что ты... Короче, что бы там ни случилось, Джонни, помни: я теперь от тебя ни на шаг.

— Конечно, ни на шаг. Иначе — я не играю, — сказал Джонни.

— А если кому-нибудь взбредет в голову сказать тебе, что ты не можешь уворачиваться от пуль, знаешь, что я с ним сделаю?

— Что?

— Дам в зубы!

Эдди встал, странно улыбаясь. Его била нервная дрожь.

— А теперь, Джонни, надо идти и побыстрее. За этим холмом... разворачивается... новая игра.

Джонни оживился.

— Неужели?

— Да, — сказал Смит. — Идем.

Они отправились за холмы вместе — Джонни Квайр, вприпрыжку, зигзагами, а побледневший Эдди Смит, не отставая, за ним по пятам, завистливо глядя ему вслед.

На ракетной обшивке

От страха у него все вылетело из головы.

— Как прикрепиться к ракете? — прокричал на бегу Джордж Ваннинг, рассекая холодный воздух.

— Магнитами! Вот, смотри! — проорал Стариk, ставший похожим на стервятника, закованного в латы.

Над ними нависало брюхо ракеты. А они, как ее серебристые дети, спешили присосаться к ее металлу, пригреться на ее стальной груди и пронестись на ней по космосу.

— А если я ошибусь? — спросил Джордж с опаской.

— Тебя поглотит пламя сопла! — прокричал старый отпетый «автостопщик», прибавляя шагу.

БРЯК!

— Я зацепился! — завопил Джордж.

— Магниты! — приказал кто-то второпях.

Тринадцать человек прилипли к жесткой обшивке ракеты и повисли на магнитах, включенных на полную мощность, и в их числе Джордж Ваннинг. От сокрушительного выброса пламени ускорение ракеты учетверилось. Ракета содрогнулась — и Джордж с ней за компанию.

Астероиды разлетались в стороны, как стреляная картечь. Вокруг засияли звезды. Из черного небесного океана выплыл еще один «автостопщик» и попытался зацепиться за корпус. Джордж издал приветствующий возглас, но бедняга не рассчитал своих сил и сорвался прямо в поток ракетного огня!

Ракета стала им всем родной матерью — всем тридцати перепуганным, просто напуганным и даже случайным «детям». Внутри своего скафандра, вкушающая воздух, словно кислородную трапезу, Джордж Ваннинг слышал громкое биение собственного сердца. На его бледном лице глаза словно провалились в глазницы.

Среди истошных криков, в отчаянной неразберихе полета он выронил из кобуры пистолет. Свободной рукой он шарил в пустоте. Межпланетному патрульному офицеру оружие было необходимо как воздух. Страх его еще не отпускал, а впереди лежали миллионы миль ледяного пути к мерцающей зеленым светом Земле. Его двенадцать попутчиков в разных позах сосредоточились рядом с ним, обливаясь соленым потом и лихорадочно вознося молитвы звездным божествам за то, что им удалось благополучно пристыковаться к Обшивке, на которой они были всего лишь выскочившими прыщами.

Одного из них Джордж Ваннинг должен был отыскать. Но кого именно? Он еще не вычислил. Ему было не до этого: холод и страх пробирали его.

Джордж заключил свое сердце в чащу из зажатых легких, чтобы как-то сдержать его безумное биение. Из прожитых им тридцати лет десять прошли на борту корабля. Но это была его первая вылазка наружу,

во время которой метеор мог запросто превратить его в оранжевый студень.

В раздражающем свете мерцали беспорядочно скученные силуэты. «Автостопщики» тысячами летали по космосу денно и нощно, год за годом. Подумать только! Какое опасное времяпровождение и авантюра для безденежных мужчин и горстки суровых женщин!

Джордж прищурился и пошарил взглядом. Один из них вез на Землю ценную военную информацию, заключенную в его ни о чем подобном не догадывающийся мозг методом психоимпрегнации!

* * *

Он расслабил свои длинные тонкие мышцы. Его синие рукавицы и тяжелые ботинки были надежно сцеплены с корпусом ракеты. Теперь, когда попутчики собрались по обе стороны от него, впереди его ждали долгая ночь и работа.

Вдалеке, словно огни светофора, сияли Земля и Венера. На таком расстоянии не было заметно, что они находятся на грани войны, но она могла вспыхнуть в любой момент. Тем не менее, граждане Венеры имели беспрепятственный доступ и на Марс, и на астероиды. И хотя другие каналы связи были для них под запретом, они посыпали ценную информацию на Венеру, а своих секретных агентов — на Землю под видом «автостопщиков». На Земле и на Венере их уже поджидали ученые, чтобы подвергнуть их сознание психоанализу.

Джордж приспособился к своей личине «автостопщика». В эти последние мирные дни Земля в неукос-

нительной тайне проводила военные действия, дабы не навредить дипломатическим соглашениям. Всё зависело от него и подобных ему людей, летающих на ракетных обшивках, чтобы обнаружить и пресечь утечку ценной информации. В ближайшие недели от их действий зависела судьба мира.

Крики в наушниках прервали ход его мыслей: кто-то истошно вопил. Джордж поежился.

Один из новичков держался за обшивку всего лишь одной магнитной клешней. Он изо всех сил пытался закрепиться ступнями и свободной рукой. Но ускорение не давало ему удержаться на поверхности.

— Помогите! Помогите мне! — кричал он. — Я падаю! Я сгорю!

«Автостопщик» помассивней завопил на него:

— Прочь! — оттолкнул он несчастного. — Не хватайся за меня!

— Я не могу удержаться! Я погибаю!

— Ну и погибай! — верзила отпихнул его ногой.

От пинка стекло скафандра у новичка разлетелось шипящими синими искрами.

Новичок тотчас исчез. Его сдуло, как неприклеенную марку с конверта. Отринутый от корпуса и окутанный ракетным пламенем, он вмиг сгорел, превратясь в безмолвный пепел.

«Автостопщики» молчаливо заерзали в своих скафандрах. Они не без опаски, но гневно смотрели на верзилу. Они отползли подальше от края своего ракетного мирка.

Верзила погрозил им кулаком.

— Не смейте даже приближаться ко мне!

Джордж Ваннинг весь сжался внутри своей оболочки. Он забыл, что находится не на земле. Он чувствовал лишь гнев, вытеснивший из него страх.

— Тебе не следовало этого делать, верзила, — сказал он.

* * *

Верзила посмотрел на Джорджа, потом сквозь него. Его округлое лицо было обожжено солнцем и облупилось. Это было молодое лицо со старыми глазами, крупная личина крупного человека.

— Он хотел меня столкнуть, — негодующе заявил он. — Тут уж или он, или я.

— Нам такие здесь, на обшивке, не нужны, — сказал Джордж.

Про себя же он подумал: а не этого ли молодчика я разыскиваю? Неужели военные планы вшиты в его мозг, а он даже об этом не догадывается? И в его подсознании плавают всего одни лишь темные мыслишки?

У верзилы задрожали губы.

— Я что, по-твоему, должен был дать себя убить какому-то истеричному новичку? — спросил он.

Ответом ему была напряженная тишина.

Где-то кто-то рыдал. Джордж скосил глаза, чтобы увидеть, кто это, и понял, что его глазам трудно будет обнаружить тело, подходящее этому голосу, который вдыхает и шумно выдыхает воздух в его наушниках. Плач этот был высоким, юным и свежим, как зеленая трава и желтые цветы.

Ярдах в пятнадцати он разглядел-таки лицо за армированным стеклом — лицо совсем еще зеленого юнца, лет восемнадцати, бледное, как свечение звезд. Юнец неотрывно смотрел на ракетное пламя, и по его щекам катились слезы.

— Заткнись! — забушевал верзила. — Терпеть не могу плакс!

Тут, словно медлительный паук, пришел в движение один из «автостопщиков». К его плечам и шлему были приварены распятия, отражавшие мерцание звезд. Джордж узнал эмблему космических философов — сухопарых, терпеливых людей, которые годами исследовали космические тропы, погружаясь в свои глубокие думы. Этот подобрался к рыдающему юноше и стал его успокаивать, положив руку ему на плечо.

— Прекратите, оба! — повелел верзила. — Мне жаль, что я столкнул новичка. Я сожалею об этом, говорю же вам! И всё, и забудем про это!

— Кто ты такой, чтобы нам приказывать? — рявкнул кто-то.

Верзила метнул свирепый взгляд в направлении прозвучавшего голоса.

— Кто это сказал? — спросил он.

Молчание. Как тут узнаешь, кто это сказал. Никого не обнаружив, верзила назначил виновным Джорджа Ваннинга. Ваннинга снова бросило в жар, и он опять вспомнил о выроненном пистолете.

Верзила спокойно и решительно смотрел на него, словно ему предстояло исполнить малоприятный, но неизбежный долг. Он медленно пополз вперед, к Джорджу.

— Слушайте все! — воззвал Джордж. — Нас одиннадцать — против этого одного! Давайте объединимся и будем действовать сообща!

Никто даже не шелохнулся.

Джордж сглотнул слюну. Верзила подползал все ближе.

— Послушайте! — снова сказал Джордж. — На ближайшие пять дней это место станет нашим миром. Мы не можем контактировать с теми, кто внутри корабля, поэтому здесь все зависит только от нас...

Верзила обесточил одну магнитную клешню, чтобы передвинуть ее, опустил, включил ток, выгнул дугой свое тулово, как гусеница, отключив ток в области пояса, потом снова опустил клешню, включая. Затем, то включая, то выключая ток, он подтянул свои раздутые синие ноги.

За Джорджем и верзилой наблюдали: лица в напряженном ожидании смотрели сверху вниз и с боков.

Верзила осторожно выпростал кулак.

— Никто не помешает мне попасть на зеленую Землю! — гремел он. — Мне просто необходимо быть там! Я должен увидеть теплый круглый желток солнца, ощутить добрые прикосновения золотых горячих лучей!

Его крупное розовое лицо повернулось в поисках хотя бы частички солнца, по которому он так истосковался. Потом верзила снова обратился к Джорджу:

— А ты встал на моем пути. Ты мешаешь мне попасть на Землю!

Он подобрался к Джорджу уже очень близко.

— Как тебя зовут, верзила? — спросил Джордж единственным духом.

— Эллис, — отвечал тот, приближаясь.

— Так вот, Эллис. Еще один шаг — и я высажу стекло на твоей маске.

Это остановило Эллиса.

— Пораскинь мозгами, — по-братски посоветовал Джордж. — Ты и двух секунд не протянешь, мистер, в разбитой маске!

Эллис пораскинул мозгами, издал нечто вроде стона, вздохнул и устало прилег на корпус корабля.

У всех отлегло от сердца. Все со вздохом облегчения еще крепче вцепились в обшивку, чертыхаясь вполголоса. Джордж и Эллис неподвижно лежали.

Всех заставил содрогнуться таранный удар и вскрик вслед удара.

Джордж наклонил голову. То же самое сделал Эллис. Чуть выше, там, где на носу корабля должен был находиться человек, остались сверкающее влажное пятно и выбоина в металле.

Метеор!

Философ знал, что нужно делать.

— Нужно перебираться в безопасное место, за обруч, — сказал он своим невозмутимым голосом. — Теперь метеоры посыплются на нас, как из рога изобилия, ребята!

Никто не спорил.

Эллис оказался впереди всех тех, кто с шумом и гамом бросились наутек, в страхе перед ускорением и метеорами, которые могут сорвать их с корпуса на скорости в тысячу миль в час и швырнуть в пламя. Подобно очумевшим ракам, они извивались на по-

верхности обшивки, заторможенно уставясь в пространство космоса, чертыхаясь и с ужасом осознавая, что в каждого из них могут врезаться метеоры, превращая в одно месиво и мозги, и подметки.

Он провел на обшивке всего десять минут, а казалось, что прошли долгих десять лет.

* * *

Раздался голос:

— Я примерз! Не могу сдвинуться с места!

Джордж Ваннинг узнал его. Он принадлежал молодому новичку, тому юнцу, который заплакал при виде смерти. Джордж обернулся к нему. Философ пытался помочь парню, но безуспешно.

— Одной рукой за раз, сынок, — наставлял философ. — Сначала одной рукой, потом — другой. Затем ступнями и поясницей. Не теряй веры, сын мой. Так, не спеши.

Паренек был облачен в новенький пестрый скафандр. Такой стоит недешево. Мальчишка был явно из богатых и обеспеченных. Сомневаться не приходилось, что голова его была забита авантюрными идеями. Должно быть, он сбежал из летней резиденции своего папочки на Марсе.

Философ посмотрел на Джорджа.

— Вы можете помочь, — сказал он. — Вы — человек старой закалки.

Джордж рассмеялся.

— Неужели эти десять минут так меня состарили?

Но все же он подполз к нему, коснулся локтем паренька и спросил, как его зовут.

— Тетли, — сказал тот, заикаясь. — Я не могу передвигаться.

Его глаза лихорадочно сужались, губы дрожали.

— Я больше не смею двигаться. Я не хочу умирать!

Мимо, совсем рядом, сверкнул метеор. В затылке у Джорджа застучала кровь.

— Послушай, Тетли, — сказал он сурово. — Ты в детстве букашек давил? Так вот, если мы не пошевелимся, секунд через тридцать сюда наведается метеор, и мы окажемся в роли тех самых букашек. И уподобимся большому алому символу, впечатанному в борт. И когда корабль прибудет на Землю, все посмотрят и скажут: «Э-э, да у них сегодня на ракете новый герб!» Ты хочешь, чтобы они так сказали, Тетли?

Тетли зашевелился.

— Не надо суетиться, — прошептал Джордж. — Сначала одна ступня, потом другая. Ты справишься.

Как шахматные пешки, они втроем передвигались по корпусу ракеты.

— Святой отец, — обратился Джордж к философу в приливе внезапного любопытства. — Чем вы здесь занимаетесь — за миллиард миль от церкви?

Философ посмотрел прямо перед собой.

— Это же самый что ни на есть грандиозный собор, — ответил он. — И мне не пришлось его строить, благодарение Богу!

Они рассмеялись. Им было необходимо над чем-то посмеяться, если они не хотели свихнуться.

Философ посмотрел на звезды.

— Взгляните! — воскликнул он. — Все свечи зажжены, и черные монашки космоса тихо молятся, не шелохнувшись, между огоньками.

Точку в его речах поставил метеор, ударивший по кораблю, как по гонгу — прямо над их головами. Метеор полетел дальше. Сердце у Джорджа чуть не выскочило из груди. Он взглянул на Тетли и на священника: те еще медленно ползли, и подумал, а не таится ли в их головах секрет, за которым он охотится? Ему еще предстояло это выяснить.

— Отлично сказано, святой отец, — отозвался он.

Метеоры посыпались градом, но все люди были в безопасности под прикрытием защитного обруча.

Скрючившись, верзила-Эллис остался в одиночестве. В радиусе двадцати ярдов от него не было ни души.

Джордж, философ и юный Тетли устроились как можно дальше и выше огня, хлеставшего из многочисленных дюз.

Похожий на стервятника Дед с седой бородой, заправленной под стекло скафандра, пробурчал:

— Вместо того чтобы спасаться, вы тут устроили перебранку, как последние дураки. Из-за этого Эллиса еще одного из наших раздавило!

Метеоры мотыжили корабль и, вонзаясь огромными невидимыми пальцами в его кожу, словно прощупывали, шерстили и прочесывали его, пока не иссякли.

Большинство бродяг-ветеранов залегли возле Джорджа Ваннинга. Их морщинистые лица обветрил космос, обожгло солнце. Они побледнели от стесненности и отошли от возраста. От возлияний у них

проявились прожилки на носу. И на далеких звездах их обуревали желания. Костюмы покрылись налетом старения и вмятинами. Метеорная пыль, как наждаком, испещрила, выщербила и истончила стекла их скафандров. Джордж думал: «Может быть, я разыскиваю кого-то из этих молчаливых, непрятательных людей, которым пуститься в такое путешествие — раз плюнуть?»

Но метеоры прервали его размышления. Наблюдая за темными сгустками, пролетавшими на расстоянии вытянутой руки, он и думать забыл о Земле и Венере, о войне, военных тайнах или об их носителях. Он думал только о том, как бы выжить.

* * *

Он прислушивался и слышал только дыхание этих людей, живущих этой секундой, этим мигом и часом. А еще — биение их сердец, еле различимое в наушниках, но готовых заколотиться сильней при малейшей опасности.

Он оказался одним из них. С кораблем их жизнь переставала быть бесцельной. У всех, даже у Эллиса! Пускай состоятельные дамочки летают себе внутри, в недрах этой жестянки, выкладывая по четыре тысячи кредиток за такую привилегию. А дайте про-жженному отпетому бродяге немного еды на четыре кредитки, на две кредитки кислорода, виски и воды, всего на одну кредитку, да на полкредитки топлива и магнитов, так он сорвется с Юпитера на Меркурий и обратно, прыгая с астероида на астероид, словно играя в классики. Дешево и сердито! Какое им дело

до того, что к концу года один из трех «автостопщиков» попадет в статистику смертельных случаев!

Так вот эти прошедшие звездную закалку люди принялись теперь наседать на Эллиса, обзвывать его и раскрывать свои замыслы на его счет. Верзила Эллис молчаливо и напряженно слушал, судорожно вцепившись в свое место на обшивке ракеты.

Больше всех усердствовал Дед.

— Эллис, у нас тут свой кодекс чести, — сурово сказал бородач. — В космосе все и вся — против человека. Люди должны помогать друг другу во что бы то ни стало!

— Мы еще доберемся до тебя, Эллис! — пригрозил другой.

— Подождем, пока ты уснешь или захочешь спать.

— А потом отцепим тебя и отправим прямиком туда, где тебе и место!

— Рассеем твои атомы отсюда до самой Луны!

Джордж Ваннинг слушал и прикидывал, кто же из них по логике мог бы оказаться информационным агентом? Такой ли, как священник — спокойный, покладистый, непритязательный? Желторотый ли Тетли? Дед? Или остальные? Взгляд Джорджа все время останавливался на Эллисе. Эллис — изгой, который не хотел убивать, но убил.

Эллис, испытывающий столь сильное желание увидеть солнце, мог бы оказаться идеальным носителем любой депеши. У него самый сильный мотив. Перед ним стояла цель. Остальные — случайные простые парни, которые не дрались и не убивали друг друга за то, чтобы стать «автостопщиками», и уважали права другого человека. Если бы венерианцам

понадобилось доверить кому-то свою информацию, стали бы они связываться с этими бродягами! Чтобы переправить сведения наверняка, не отвлекаясь на этические соображения или неопытность, они, скорее всего, воспользовались бы таким вот мужланом, вроде Эллиса — с осознанными им мотивами и недюжинной силой.

Удары метеоров продолжались. Они колошматили по всему кораблю.

— Джентльмены, подумать только, — сказал философ. — Под сварной обшивкой этого корабля почти осязаемо царят мир, закон и порядок.

Он покачал головой.

— Быть может, всего в нескольких дюймах кто-то непринужденно прогуливается по корабельным коридорам и ведет тихие беззаботные беседы, покупая сигарету.

Мимо опять пронесся шквал метеоров, выбивая из корабля перезвон большого гонга.

— А может, кто-то тискает женщину, — нараспев съехидничал Дед.

— Как знать, — сказал философ, и его глаза засветились при этой мысли. — Два мира, джентльмены, и у каждого свой нрав. По ту сторону — комфорт, по эту — пытки. Всего-навсего, один дюйм металла, а какая разница!

Дед заметил летящий мимо кус металла.

— Кстати, не мешало бы пожевать табачку, — заявил он.

— Задумайтесь, от скольких изменчивых факторов зависят наши жизни, — продолжил философ. — От кислорода...

Все принялись поспешно проверять свои кислородные баллоны, кося глазами и облизывая губы.

— От пищи.

Рукавицы стали нащупывать пристегнутые к поясам пакетики с обезвоженной провизией.

— От магнитов.

Джордж Ваннинг с облегчением увидел, что стрелка на шкале электрометра подрагивает на высокой отметке.

А философ тем временем продолжал перечисление переменных, от которых леденела кровь.

— Пилоту корабля вдруг взбредет в голову стряхнуть с обшивки свою дальнюю родню.

Повисло тяжелое молчание. Все ждали, что же взбредет в голову пилоту.

Но пилот, очевидно, оказался своим парнем. Ничего с ними не случилось.

Некоторые уснули. Посреди кромешного ада в наушниках раздавался безмятежный храп. Если даже через пять секунд или часов нагрянет смерть, они не желали об этом знать. Им надоело ее дожидаться.

Один спящий пропал.

Не попрощавшись. Даже не почувствовав, как его уносит. Его магниты неожиданно иссякли, и, погруженный в дрему, он поплыл навстречу глубокому огненному сну.

Джорджа чуть не вывернуло наизнанку. Только что на опустевшем пятаке перед ним находился живой человек! И вот тебе на!

* * *

Дни ползли с медлительностью звезд на всеохватывающем небосводе. Все дела людей на обшивке сводились к тому, чтобы не высываться, осторожно менять положение тела, потягивать свою пищу через специальную трубку и, пусть нехотя, но делиться драгоценной водой, которой и так было мало. А еще — разговаривать. Беседовать и прощупывать остальных, раскрывая их личности и бытие, чаяния и намерения.

Джордж Ваннинг сопоставлял и соизмерял Эллиса с остальными — их звали Симпсон, Генер, Шмит, Хайнс и Джонсон. Эллиса они в упор не видели. Он никому не досаждал, и никто не досаждал ему. Даже если они плели вокруг него заговор, то, скорее всего, один из них непременно сорвался бы с ракеты и сгорел при попытке содрать Эллиса с обшивки. А этого никому не хотелось. Но они просчитывали всякие варианты.

Они рассказывали друг другу о пережитом, словно сидели вокруг теплого костра.

— Я думал, вот, поразвлечусь, — говорил Тетли, как свойственно новичку. — Я давно слышал о космических «автостопщиках», как они работают, чем занимаются. И решил — попробую! Чего бы я сейчас ни отдал, чтобы поплавать в марсианском канале. Ах, да что угодно!

Все добродушно рассмеялись. Рассказывать приходилось по очереди. Все слышали всех и всё, в том числе отрыжку и икоту. Вести частные разговоры о чем-либо было невозможно. Иногда они начинали говорить наперебой, и поднимался всеобщий гвалт. После чего все хохотали, и воцарялась тишина. Кажд-

дый ждал, чтобы первое слово сказал кто-то другой. Никто не решался начать.

— Эй, да заговорите же кто-нибудь! — призывал кто-то, и все начиналось по новой.

Дед говорил сквозь бакенбарды:

— Я уже давно летаю на ракетах, — сказал он. — Кое-кто из моих лучших друзей превратился в пепел.

Его слова встретили взрывом смеха.

— Я гоняю «автостопом» на Юпитер, — продолжал он, — добывать уран. Заглядываю на Меркурий за безделушками. Залетаю на Венеру копать кристаллы роммалу. Я бы не смог высидеть на одном месте, даже если бы мне это место подарили!

Тощий Джэнкс, рудокоп с худющей шеей и с мешками под синими глазами, волком выл на астероидах уже лет пятнадцать, по его прикидкам.

— А я вот до женщин охоч, — сказал он. — Длинных, коротких, четвероруких, пятиногих, любой масти — от махрово-розовых до синих марсианских!

Высказывались все, повествуя о тяжелых годах, стародавних временах, о первых посудинах, новичках, бродяжьих лагерях на темных астероидах.

Эллис наблюдал, мерцая глазами и шевеля губами, как ребенок. Он дождался, пока все договорили, потом облизнул губы.

— А я... — начал было он.

— А ты заткнись! — гаркнул Дед.

— Я...

— Я сказал, заткнись, черт тебя дер!

— Пусть говорит, — вмешался Джордж Ваннинг. — Я хочу выслушать его историю.

Дед еще немного повозмущался, но уступил, а Эллис почти благодарно кивнув Джорджу, начал свой рассказ.

— Долгие годы я мерз, — сказал он. — Я родился и вырос на Плутоне. Наше маленькое солнце подобно елочной игрушке на самой высокой ветке космоса: к ней ни прикоснуться, её ни пощупать, ни разглядеть как следует.

Его голос зазвучал тоскливо.

— Вы же знаете, как это бывает? Вы же меня понимаете? Разве не так? Я... я никогда не бывал на Земле. Я только слыхивал о ней. А вы знаете Землю всю свою жизнь. Вы знаете, что такое истинное солнце. Мое солнце было блеклым, холодным, отчужденным. С булавочную головку. Каждый божий день я замерзал, замерзал, замерзал!

Монотонная речь то поднималась, то опускалась. По коже Джорджа пробежали мурашки, и он смыгнул веки, дослушивая эту повесть.

— Тогда я нашел работу, — продолжал Эллис. — Скопил денег. И на перекладных спустился от звезд и добрался с Плутона до Нептуна. С Нептуна до Юпитера. С Юпитера на Марс. И вот я здесь. Позади остались миллионы миль, нескончаемые холодные годы странствий, и вот я убил человека. Но я же не хотел! И я не знаю, почему я так поступил, и... — его голос сорвался на хриплый шепот... — я раскаиваюсь, раскаиваюсь.

Никто ничего не сказал.

— Парни, солнце для вас, — прошептал Эллис, — нечто само собой разумеющееся. Вы его не замечаете. А я хочу хоть раз в своей жизни увидеть зеленую

траву. Поэтому я пустился в путь. Поэтому, наверное, я и пошел на убийство.

— Долго ли ты пробыл на Марсе? — спросил Джордж Ваннинг.

— Неделю.

— Встречал ли там венерианцев?

— Парочку. Однажды вечером, когда выпивал.

Потом вырубился. А что?

— Ничего, — сказал Джордж.

Ничего. Разве только, что Эллис и есть тот, кто нужен Джорджу. А так, ничего! Ничего, кроме того, что он вместе с Эллисом должен плавно опуститься на Землю, и ничто на свете не должно их разлучить. Ни эти парни, вынашивающие планы отмщения, ни пламя, ни метеоры. Если Эллис превратится в пепел, то улики погибнут, а их следует доставить в целости и сохранности и предъявить земному начальству.

Завязалась некая игра. Ее начал Дед, а Шмит, Джонсон и остальные стали ему подыгрывать.

— Значит, тебе нравится Солнце, Эллис?

— Солнце! Ах, Солнце! Оно такое милое-премилое!

Эллис не стал огрызаться им в ответ, а воздел глаза к ослепительному, растущему на их глазах солнечно-му кругу.

* * *

Шли дни. Изdevательская игра с Эллисом в ми-лое-премилое Солнце продолжалась. Он не отвечал, а лишь искал утешения в теплом огненном шаре, что маячил в пустоте.

Джордж Ваннинг спал урывками. Вконец истощенный, на шестые сутки он впал в глубокий сон.

Он проснулся, встрепенувшись от крика. Произошли перемены в движении и в весе. Он с опаской поглядел назад, и увиденное заставило его улыбнуться: хвост ракеты был обрублен. Огненный шлейф исчез!

— Двигатель отключен! — прокаркал Дед. — Отключен!

— Земля! — Тетли впервые улыбнулся. — Смотрите!

Грандиозная Земля захватывала их взор, насколько хватало зрения, а за ее пределами находилось Солнце! Ракета готовилась к посадке.

Тела, пропотевшие в синих скафандрах, разом заерзали, зашевелились, задвигались. Люди были подобны саранче, пробужденной к жизни через семнадцать лет, проведенных в темном, жирном космическом суглинке. Земля придавала всем мечтам, замыслам и желаниям форму и очертания!

И голос Эллиса перекрывал всеобщую суматоху.

— Земля? — встрепенулся он. — Где Земля?

Все умолкли.

— В чем дело, мистер? — ухмыльнулся Дед.

— Где Земля? — переспросил Эллис. — Где... где звезды? Солнце?

Джордж изумленно уставился на него. Да он шутить изволит! Не иначе.

— Солнце прямо над головой, — сказал, улыбаясь, Тетли. — Видишь? И Земля тут. Можно еще различить пару-тройку звезд.

Все одобрительно засмеялись, закивали головами.
У Джорджа Ваннинга похолодела в жилах кровь.

Эллис поднял руку в перчатке с металлическими пальцами, протягивая ее так, словно хотел дотянуться до чего-то не совсем осязаемого.

— Где? — прохрипел он.

И спустя мгновение спросил, раскрыв глаза:

— Куда все подевались?

— Все здесь, вокруг тебя, — взъерошенно ответил философ.

— Я ничего... не вижу, — сказал Эллис. — Я ослеп!

— Точно в срок, — сказал Дед, скаля зубы сквозь бороду. — Именно на это я и рассчитывал. Так и было задумано. Ты искал Солнце, мистер. Ну, и как оно тебе, нравится?

— Я ослеп, — охнул Эллис. — Ты...

— А вот будешь знать, как подолгу плятиться на Солнце в космосе, мистер, — сказал Дед. — Глазам это вредно. Для этого мы и подтрунивали над тобой. Чем больше мы тебя дразнили, тем больше ты смотрел! Вот и ослеп! Что ж, прощай, мистер, приятно было познакомиться!

— Не бросайте меня, — взмолился Эллис. — Я ничего не вижу.

В следующие несколько решающих мгновений он выпал из центра внимания. Шуршание рукавиц, тяжкое дыхание сквозь зубы, подготовка к отрыву от матери-обшивки заглушили его мольбы.

Распростертый на корабле Джордж Ваннинг возненавидел этих людей. Они, оказывается, умышленно выводили из себя Эллиса, чтобы он смотрел на Солнце! Они это сделали, а теперь смываются. Они

грозились его убить, и теперь они убивают его, по-просту бросая его, ослепшего, на корабле, а сами отваливают.

— Пошевеливайтесь! — орал Дед.

Отключались тумблеры. Высвобождались ступни. Лица за плексигласовыми щитками с опаской поглядывали вверх. В любой момент тормозные двигатели, тоскующие без дела в носовой части ракеты, могли изрыгнуть пламя. И тогда оно ударило бы им в спину мощной струей. Так что они сматывались сию же минуту, не тратя времени и слов на Эллиса.

— Привет, парни!

— До встречи в церкви!

— Увидимся!

— Молодец, Эллис. Поиграй с солнышком!

* * *

Первый, второй, третий. Джордж Ваннинг вел счет всем, кто отрывался от корабля в голубых электрических разрядах. Даже серебристые птички-колибри не зависали и не исчезали так стремительно, как они. Их голоса падали в колодец темной пустоты за гранью слышимости.

Четвертый, пятый, шестой. Шестеро высвободились из электрических пут, из материнского, но беспстрастного стального лона, чтобы отныне не хвататься за обшивку и не молиться за свою безопасность!

Философ даже не дал им обычного благословения перед тем, как их поглотил космос. Он был слишком занят ползанием по обшивке. Эллис задыхался, и умолял, и бесновался в своем шлеме из-за внезапно

опустившейся черной ночи, а оставшиеся, все, кроме бородатого Деда и Джорджа, и еще философа, улетучились.

Дед перехватил торопящегося философа.

— Куда это ты собрался? — спросил он.

Философ спокойно ответил ему. Очевидно, он еще помнил, что находится в Церкви, великом Соборе, который возвел Некто.

— Не мешайся под ногами, — сказал он. — Мы не можем бросить здесь слепого. Некогда оспаривать космические кодексы и этику. Я сам позабочусь об Эллисе.

— Никому ты помогать не будешь, мистер, — пригрозил Дед. — Он останется здесь. А ты пойдешь со мной.

И без лишних разговоров Дед заключил философа в свои объятия и оторвал от обшивки.

Не успел Джордж Ваннинг крикнуть, как их уже и след простыл.

Никого не осталось. Все исчезли со своими мечтами, планами и будущим. И юный Тетли с ними. Возможно, они никогда не увидятся. Тетли приземлится на парашюте в Канзасе. Дед с философом в Миссури. А остальные где угодно — от Техаса до Иллинойса.

Вытянув руку, Эллис шарил перед собой.

— Они ушли. Все ушли. — Он попытался присмотреться. — Но кто-то же остался.

Джордж откашлялся.

— Кто здесь?

Джордж подполз к нему.

— Не оставляй меня тут, — попросил Эллис. — Не надо. Я не хотел убивать того человека. Я никому в жизни не причинил зла.

— Знаю, — сказал Джордж. — Ну-ка. Держись за меня.

— Кто ты? — спросил Эллис.

— Неважно. Я буду твоим поводырем. Знаю один госпиталь на Земле. Там твои глаза вылечат. Эта слепота времененная. Держись!

Эллис лихорадочно вцепился в него.

— Отрыв!

Ракета улетела без них. Они падали. Континент несся им навстречу, зеленый, свежий, захватывая своей красотой дух. «Где-то внизу, на краю бродяжьего лагеря, — думал Джордж, — Эллиса дожидаются венерианские агенты. Но только земляне первыми вскроют содержимое его мозга, сотрут обнаруженное, и тогда к Эллису придет избавление, даже от того убийства, которого он не совершил бы, если бы не венерианцы».

Все еще сцепленные, они включили двигатели мягкой посадки, а затем раскрылись, как цветы, их парашюты, и они поплыли вниз к Земле — к своей новой матушке, которая вставала перед ними, чтобы заключить в свои объятия.

— Открой замки на шлеме, — скомандовал Джордж. — Давай же!

Они одновременно открыли замки и подняли вверх забрала.

— Вдыхай земной воздух! — ликовал Джордж. — Настоящий зеленый воздух! А что еще тут у нас? Вы-

прямы пальцы и стяни перчатки! Чувствуешь? Солнечный свет! Огромное золотое Солнце!

— Огромное Солнце!

Покачиваясь из стороны в сторону в кристальном воздухе, Эллис вытянул сложенные пригоршнями жаждущие пальцы, чтобы зачерпнуть янтарные лучи. Его слова звучали, как в церкви.

— Сколько лет, сколько лет! Великое Солнце!

— Я знаю, каково тебе, — взахлеб говорил Джордж, затянутый в подвесную систему парашюта. — Я десять лет прослужил на темных астероидах. Да, целых десять. Я тоже мерз. Мое солнце было крошечным. И мне обещали перевод на Землю, если я выполню небольшое задание, которое я сейчас и заканчиваю. Ты даже не догадываешься об этом. И поверь, это Солнце для меня тоже внове!

Они падали вместе, как стремительные маятники, обоняя влажный воздух, и у них не оставалось больше слов, чтобы выразить свою радость.

1944

Скелет

— Так вот, до сегодняшнего утра я даже не догадывался о его существовании, — сказал мужчина.

Его звали Арни. Он протирал стойки баров и взвивал коктейли.

— Нашел время для открытий, — сказала его жена по имени Лили.

Ее работа по дому состояла в возведении пирамид из окурков во всевозможной таре на протяжении всего дня, затем она относила их на кухню — выбрасывать. После чего принималась за новую пирамиду.

Арни сидел в глубоком зеленом кресле, и дымок его сигареты подрагивал, ибо его рука вела себя так же.

— Я сделал это открытие совершенно неожиданно, — изумленно сказал он.

И так оглядел сверху вниз самого себя, словно каждая часть его тела являла собой редчайшую резьбу по слоновой кости.

— Сегодня утром у меня заболело колено, видишь ли. Я прикоснулся к нему и пощупал.

Его брови при этих словах удивленно взлетели вверх.

— Оказывается, там — кость!

— Она там всегда была, — сказала жена.

— Да, но я-то этого не знал! — воскликнул Арни, у которого горели щеки. — Откуда мне было знать, да и сама кость вызвала странное ощущение. Никогда раньше я такого не испытывал!

— Ты никогда раньше ее не разглядывал, — сказала жена.

— Конечно, разумеется. Так вот, сегодня утром я ее разглядел. Ты выходила в магазин, а я остался один и стал раздумывать.

Он запнулся.

— Послушай, дорогая... можно, — серьезно спросил он ее, глядя на нее в упор. — Можно мне пощупать твоё колено?

— Ах, ради бога, — сказала она. — Новый заход. На этот раз под видом специалиста по костям.

— Ты же видишь, что я тебя не разыгрываю, — сказал он, и его руки снова задрожали. — Я хочу убедиться, что все люди так устроены, а не только я один.

— Я устроена так же, — заверила она. — Ну... почти. Может, кое-какие различия все-таки есть, но из-за них не стоит поднимать шума.

— Так или иначе, — и он обрисовал ей картину, обрамленную в монотонную эпическую драму. — Я ощущал свои колени. Затем — лодыжки. Схватился за запястья, плечи, шею, голову! Потом подпрыгнул, как подстреленный! «Боже праведный! — вскричал я. — У меня внутри — скелет! Убери его оттуда! Скелет!»

Жена задумчиво взглянула на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — тяжко вздохнул Арни, откидываясь на спинку кресла. — Ты думаешь, я или напился, или сбрендил. Возможно, и то и

другое. Мне пришлось пропустить стаканчик. У меня внутри скелет. Мы выходим в мир, улыбаемся людям, беседуем, пожимаем руки, похлопываем по спине, и внутри каждого — скелет. Как в шкафу. Мне подумалось... наши тела — шкафы. В них мы храним кости.

— С какой стати у тебя завелись такие мысли? Странный ты.

— А что я могу поделать? Меня прошиб озноб. Я лег на диван не в силах пошевелиться. Подумал: у меня внутри скелет — из тех штуковин, что висят в замковых застенках, все в паутине, или болтаются на каменных стенах, лязгая на ветру бронзовыми кандалами на запястьях и шеях, как пишут в книжках. И в пустынях они валяются — ободранные, выбеленные, жуткие и костлявые. Боже мой!

— Да, — подтвердила жена.

— Я перепугался. До сих пор напуган. Мы живем себе, ничего не подозревая и не догадываясь, что мы из себя представляем. И вдруг на тебе — рассказик с неожиданной концовкой. Оказывается, во мне сидит мистер Хайд, а может, Франкенштейн.

— Что-то в тебе есть, — заметила жена.

— Наконец, я унял дрожь, чтобы всего себя осмотреть и ощупать.

— Надеюсь, вы будете жить долго и счастливо, — засмеялась жена. — Ты со своим скелетом.

— А-а, прекрати! — отмахнулся он, сверля ее взглядом. — Я ощупал свои ребра. Оказались на месте. Они подобны двум большущим паукам, которые возвышаются над моими легкими и давят на них: сжимают, разжимают. И снова сжимают своими длинными тонкими белыми лапами. О, черт! Я про-

щупал свою шею. Пощупай свою шею, Лили. Возьмись за шейные позвонки. Вот так. А теперь, не выпуская из пальцев шейные позвонки, запрокинь-ка голову. До упора. Чувствуешь? Что стало с шейными позвонками? Они втянулись куда-то внутрь! Исчезли! Голова ни на что не опирается — одна мякоть!

С горящими зелеными глазами она отдернула пальцы от шеи после эксперимента.

— Ничего страшного! Они все равно где-то там, внутри. Какая разница?

— Я стал проверять на ощупь, как движется челюсть и как работают суставы. Боже мой! Я наоткрывал столько всего! Наш мозг окружает кость. Этому учат в школе, но мы как-то об этом не задумываемся, мало ли чего в учебниках понаписано. А теперь я обнаруживаю, что вокруг моего мозга — кость. Чертов скелет прямо-таки завладел нами! Прибрал к рукам всё мало-мальски важное. Твой мозг, твои легкие, твое сердце! Господь Вседержитель! И тут я снова начал его побаиваться. Единственное, что есть хорошего в человеке, — это то, что на него натянута кожа. Кожа, ее цвет и волосы.

— И немного жирка то тут, то там, — добавила жена, сплющивая сигарету. — Но, Арни, мы бы выглядели ужасно забавно, если состояли бы только из кожи да жира. А на что бы мы опирались?

— Не нужна мне эта опора из готического романа! — неистово вскричал он.

— Я смотрю, ты надолго оседлал этого конька, — сказала она, подходя к нему. — Если честно, Арни, ты еще тот чудак. Вот!

Она уселась ему на колени.

— Мы одинаковые. Все в порядке. Уж какие есть. Это нормально. Такими уж мы созданы. И я на что-то опираюсь, зато это придает мне форму, дорогой. Ты забудешь об этом. Как всегда забываешь. Пугаешься какого-нибудь пустяка — ночного ветра, гор, снега, а теперь и скелета, но ты забываешь, Арни. Это просто. Вот. Хочешь пощупать мою коленную чашечку? Она такая же, как у тебя.

— Можно? — недоверчиво и заторможенно спросил он.

— Конечно, милый, — сказала она. — Конечно.

Он прикоснулся к ее коленной чашечке, словно она была накалена докрасна. Оказалось, что не накалена. А только приятно и тепло сверкает.

Она склонилась к нему, чмокнула в лоб. Взяла сигарету из его дрожащих пальцев, положила в пепельницу. Затем поцеловала его в губы.

Арни обнял ее. Арни стиснул ее в своих объятиях. Последовал затяжной поцелуй, потом еще один.

Он перестал дрожать.

В глубине души она засмеялась и вздохнула с облегчением, смягив веки. Она сделала вид, будто собирается встать и уйти, но он ее удержал и поцеловал. Она снова ласково засмеялась. Она ему что-то доказывала, не зная точно, что именно, но доказывала.

Спустя пару минут ее рука, состоящая из жутковатых белых скелетных костей, вроде тех, что висят в замках, затянутых паутиной, и валяются, выско-блленные добела, в знайных пустынях, или шуршат, подвешенные, в шкафах, дотянулась до выключателя и погасила свет.

Адский пламень

Больше всех Уильяма Петерсона волновали Шекспир, Платон, Аристотель, Джонатан Свифт и Уильям Фолкнер, стихи Уэллера, возможно, Роберта Фроста, Джона Донна и Роберта Геррика. Причем все они оказались брошенными в огонь. Затем его мысли перенеслись в музей, к живописи или к книгам в его «логове», к приличным работам Пикассо (не к слабым, а к редким сильным вещам без дураков), к достойным полотнам Дали (есть у него и такие, оказывается) и к лучшим картинам Ван-Гога, к прорисовкам у Матисса, не говоря уже о цвете, к рекам и ручьям Моне, и к редкостной поволоке на лицах персиковых женщин Ренуара под сенью лета. Или же, если оглянуться назад, найдутся восхитительные Эль Греко в отсветах молний, с продолговатыми туловами святых, вытянутых каким-то небесным притяжением к белым сернистым грозовым тучам. После того как он поразмыслил об этих произведениях, которые пойдут на растопку (ибо именно такая судьба им была уготована), он задумался о монументальных скульптурах Микеланджело, о Давиде и его вздутых юношеских запястьях и жилистой шее, чувственных глазах и пальцах, мягких губах, о слившихся в экстазе Роденах, о нежной ямочке на спине обнаженной,

где-то на задворках Музея современного искусства, о перехватывающей дыхание ямочке, которой он мимоходом касался в знак восхищения мастерством скульптора Лембрука...

Поздним вечером Уильям Петерсон лежал во тьме своего кабинета, и лишь нежное розоватое свечение от проигрывателя падало на его сухопарое лицо. По комнате плавно струилась музыка. Стрекот хора из Иенской симфонии Бетховена, барабанящие, как дождь, пиччикато из Четвертой симфонии Чайковского, натиск духовых из Шестой симфонии Шостаковича и призрачный *La Valse*¹. Временами Уильям Петерсон притрагивался к лицу и обнаруживал влагу под нижними веками. «Ведь это же не из жалости к самому себе, правда?» — думал он. Просто он был бессилен что-либо изменить. Столетиями их живая мысль развивалась и росла. Завтра они умрут. Шекспир, Фрост, Хаксли, Дали, Пикассо, Бетховен, Свифт — умрут не понарошку. До сих пор они еще не умирали, хоть их прах и достался червям. Но завтра позаботятся и об этом.

Зазвонил телефон. Уильям Петерсон дотянулся до него сквозь темноту и поднял трубку.

- Билл?
- А, привет, Мери.
- Чем занимаешься?
- Слушаю музыку.

¹ Французский композитор Морис Равель сочинил «Вальс» (*La Valse*) в 1920 году, назвав его «Хореографической поэмой для оркестра». Изначально это произведение было предназначено для сценического воплощения знаменитой балетной труппой Дягилева. — *Прим.ред.*

— Не собираешься заняться в этот вечер чем-нибудь особенным?

— Чем, например? — спросил он.

— Бог знает, что с нами будет завтра вечером.

Я просто подумала...

— Никакого завтрашнего вечера не будет, — перебил он ее. — А будет Адский пламень и больше ничего.

— Необычное название. Какая жалость, — сказала она издалека. — Я всё думаю, что всё было напрасно. Мама рождает меня, папа водит в школу. То же самое происходит с тобой, Билл, и с двумя миллиардами остальных сегодня вечером на Земле. И вот должно случиться такое.

«И не только это, — подумал он, сжав веки и держа трубку у рта. — А миллионы лет, которые понадобились, чтобы оказаться там, где мы есть. О, ты можешь спросить: чего такого мы достигли? Куда ушли, куда прибыли? И где находимся? Но мы есть. Как бы хороши или плохи мы ни были. И человеку понадобились миллионы лет, чтобы сюда вскарабкаться. Я просто в бешенстве от того, что горстка субъектов из высших сфер способна запустить сюда свои пальцы и все уничтожить. Единственное утешение, что они тоже сгорят.

Он открыл глаза.

— Мери, ты веришь в ад?

— Я не верила. Теперь верю. Говорят, если займеться, то будет полыхать миллиард лет, как малоразмерное солнце.

— Самый что ни на есть настоящий ад, и мы в самом пекле. Я никогда об этом не задумывался, но

наши души будут поджариваться здесь, на Земле, после того, как от нее останется один лишь костер.

На том конце города у себя в квартире она заплакала.

— Не плачь, Мери, — сказал он. — Мне больнее от твоих слез, чем от всего того, что творится.

— Не могу сдержаться, — сказала она. — Я в ярости. Подумать только, все мы прожили впустую, понапрасну потратили время. Ты — на три лучшие книги нашей эпохи. И всё зря. И все остальные люди — вложили тысячи часов сочинительства, строительства, умственного труда. Боже, какой ужасающий итог. А теперь кто-то только чиркнет спичкой.

Он дал ей время на молчаливое отчаяние.

— Разве не все об этом думали? — спросил он. — Мы все внесли свой скромный вклад. Мы говорили: Боже, неужели ради этого наши деды бороздили прерии? Ради этого Колумб открыл Америку? Ради этого Галилей бросал грузики с Пизанской башни? Ради этого Моисей пересек Красное море? Тем самым вмиг стирается уравнение, и все, что мы когда-либо сделали, становится глупостью. Это все равно что кнопка «СТЕРЕТЬ» на машине.

— Мы можем что-нибудь изменить?

— Я состоял во всех и всяческих организациях. Выступал с речами. Молотил кулаком по столу. Голосовал. Меня сажали. А теперь я молчу, — сказал он. — Мы сделали всё возможное. Мы где-то про-считались. В 1940-е кто-то выбросил в окно штурвал, и никто не догадался проверить тормоза.

— Зачем мы вообще забивали себе этим голову? — спросила она.

— Не знаю. Я хочу вернуться назад и сказать самому себе в 1939 году: «Послушай, юноша, не гони лошадей, не лети сломя голову, не горячись, не терзай свои мозги, не сочиняй свои рассказы, книги — все без толку. В 1960 году и ты, и твое творчество полетите в печь!» Я бы хотел посоветовать мистеру Матиссу: «Не надо плавных линий», а мистеру Пикассо: «Не возитесь с "Герникой"», а мистеру Франко: «Хватит завоевывать свой народ, и вообще бросьте вы всё к черту!»

— Но мы не могли всё взять и бросить. Нам нужно было идти вперед.

— Да, — сказал он. — В этом-то и была вся наша красота и наивность. Мы продолжали идти вперед, даже когда знали, что маршируем прямиком в печь. Это можно сказать наверняка: до самого последнего момента мы пилякали на скрипках, писали картины, воспроизводили, разглагольствовали и вели себя так, словно это будет длиться целую вечность. Одно время я пытался внушать себе, что часть Земли еще может уцелеть, что сохранятся какие-то осколки, Шекспир, Блейк, пара бюстов, пара фрагментов, может, один из моих рассказов и всякие останки. Я думал, мы исчезнем и оставим Землю островитянам или азиатам. Но дело приняло другой оборот. Накроет всех до единого. *En toto!*

— В какое время это произойдет, как ты думаешь?

— В любой момент.

— Они даже не знают, на что способна бомба?

— Шансы равны и в ту, и в другую сторону. Прости меня за пессимизм, но я склонен думать, что они перестарались.

— Может, приедешь ко мне? — спросила она.

— Зачем?
 — Хотя бы поговорить...
 — Зачем?
 — Хоть какое-то занятие...
 — Зачем?

— Будет тема для разговора.
 — Зачем? Зачем? Зачем?

Она выдержала паузу.

— Билл?

Молчание.

— Билл!

Ответа не последовало.

Он вспоминал стихотворение Томаса Ловелла Беддоуса. Он вспоминал отрывок старого фильма «Гражданин Кейн». Он вспоминал белесую пуховую пелену на балеринах Дега. Он думал о мандолине Брака, о гитаре Пикассо, о часах Дали, о строке из Хаусмана. Он думал о том, как тысячи раз по утрам плескали себе в лицо холодной водой. Он думал о том, что вот уже десять тысяч лет миллиарды людей поутру плескали себе в лицо холодной водой и шли на работу. Он думал о полях пшеницы, травах и одуванчиках. Он думал о женщинах.

— Билл, ты слышишь?

Ответа нет.

Наконец, сглотнув слюну, он сказал:

— Слышу.

— Я... — сказала она.

— Да?

— Я хочу... — сказала она.

Земля взорвалась и бесперебойно горела тысячу миллионов веков...

Тролль

В стародавние времена, когда «хотеть» не означало «иметь», жил да был под мостом некий старикан. Он обитал там столько, сколько помнили люди.

— Я — тролль, — говоривал он.

Когда по мосту у него над головой проходили пешеходы, он их окликал:

— Стой, кто идет?

Когда ему отвечали, он требовательно спрашивал:

— Куда?

И когда называли пункт назначения, он интересовался:

— Ты хороший человек, добрый?

И, услышав в ответ «да, да», пропускал.

Он пользовался весьма своеобразной славой у жителей деревни, которые советовали:

— Навестите тролля. Не бойтесь. Он не так страшен, как его малютят. И бывает занятным, когда узнаешь его поближе.

В летние деньки дети свешивались с каменного парапета моста и кричали в прохладную пустоту:

— Тролль, тролль, тролль!

И эхо выстреливало гулко и отчетливо: «Тролль, тролль, тролль...» И показывалось его отражение в медленно текущей воде — старая недовольная пе-

рекошенная личина — спутанная зеленая борода, сплетенная из мха и молодых тростинок; казалось, у него зеленые мшистые брови и восковые заостренные уши. У него были заскорузлые когтистые лапы, а мокрое, лоснящееся обнаженное тулово с налетом патины скрывали тростник и зеленая трава.

И его отражение отвечало им из воды:

- Чего надо?
- Раков, тролль.
- Улиток, тролль.
- Головастиков, тролль.
- Сверкающих камушков, тролль.

И если они отходили в сторонку и не подглядывали, то по возвращении находили на парапете отборных расползающихся раков, медлительных улиток, пригоршню извивающихся головастиков и сверкающие розовато-бело-голубые камушки из самого глубокого места на речке.

— Ух ты, спасибо, тролль.

— Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо, тролль, — раздавались в зеленой прохладе среди теней детские голоса.

Кап-кап-кап, капала влага. И в ответ молчание. Вода скользила под мостом в летнем времени-пространстве, и дети уходили восвояси.

Но в один погожий летний день, когда тролль под мостом нежился на солнышке, жмурясь от удовольствия, и слушал, как журчит вода между его копытами, раздался оглушительный гудок клаксона, и нечто прогромыхало по мосту.

— Какой-то олух на новой машине, — пробурчал тролль. — Вот дуралей. Ведь мог бы все лето про-

вести здесь внизу, любоваться игрой бликов и света в зеркале реки и подставлять ласковой воде руку или копыто. Что за суетливые болваны живут в этом знайном мирке!

Не прошло и минуты, как он услышал на мосту шаги двоих людей, судя по походке, мужчин. Один из них говорил:

— Видал красный «Ягуар»? Ну и скорость!

— Знаешь, кто это? Наш чокнутый психиатр! Ты бы видел его новый офис в самом современном здании в центре города. Вчера вечером он разглагольствовал по телевизору, что заявился сюда выковыривать нас, психов, из скорлупы, вылечивать от неврозов и водворять на место или что-то в этом роде.

— Да уж, — сказал второй. — Что-что, а подать себя он умеет. Носится, как пожарная машина!

— Верит в самовыражение. Никаких фрустраций. Так и сказал. Громко и внятно.

Голоса удалились.

Тролль слушал вполуха с закрытыми глазами, не принимая сказанное близко к сердцу. Впереди его ожидало долгое восхитительное лето в этом городке на Среднем Западе. Когда же зима заморозит ручей до состояния матового стекла, он беззаботно поплынет на юг, словно пучок мха и тростника, позволяя воде нести себя к морю, и проведет несколько весенних месяцев в ручье под каким-нибудь мостом. Ему не так уж плохо жилось. Он курсировал с места на место, пользовался уважением, и время от времени (тут он облизнулся) ему попадался какой-нибудь разбойник, ворюга, отпетый мерзавец, и тогда общество

благодарило его за предложенные и оказанные услуги. Он представлял себя чем-то вроде сита, которое отделяет темные силы от светлых. Душегубов он чуял по походке за сорок шагов. И никому из них не суждено было беспечно пережить лето, которое внезапно оборачивалось погибелью.

Эти размышления заставили его встряхнуться и призадуматься:

— Почему, — недоумевал он, — за весь июнь, за весь июль мне не попался ни один стоящий подонок? Скоро август, а я вынужден обходиться лягушачьей мелюзгой да раками. Какой-то голодный паек. Приличным обедом и не пахнет. Где, я вас спрашиваю, где черная плоть и порченая кровь классического негодяя?

Не успел он выговорить сие подобие молитвы, как услышал далекие голоса и решительный, вызывающий топот ног, бегущих по мостовой.

— На вашем месте я бы держалась подальше от этого места, — предупредил женский голос.

— Глупости! — сказал мужской голос. — Я сам разыщу этого так называемого тролля. Обойдусь и без вас.

«Так называемого тролля». Тролль аж осталбенел.

Спустя мгновение из-за парапета моста высунулась голова. Пара безумных черных, словно лакрица, глаз уставилась вниз.

— Тролль! — завопил незнакомец. — Где ты там?

Тролль чуть не бултыхнулся в воду и, пошатываясь, убрался в прохладную тень.

— Так тебя прозвали деревенские простофили? — Не унимался наверху странный субъект. — Или же ты

сам себе выдумал прозвище, чтобы запугивать прохожих и вымогать у них денежки?

Тролль был так ошеломлен, что лишился дара речи.

— Ну же, подай голос, вылезай, игра окончена. Хватит ломать комедию! — кричал чужак.

Наконец Тролль высунулся из укрытия и взглянул вверх на голосистого типа, парившего в сиянии полуденного солнца.

— А ты сам-то кто будешь? — пробормотал Тролль.

— Я доктор Кроули. Заслуженный психиатр. Вот кто, — выпалил горластый пришелец с пунцовкой от висения вниз головой физиономией. — И поскольку эта поза мне не к лицу, почему бы тебе не выйти на свет божий? Поговорим как мужчина с мужчиной.

— Мне не о чем с тобой говорить, доктор Кроули.

Тролль погрузился в воду.

— Тогда хотя бы назови свое имя, — гаркнул психиатр.

— Тролль.

Доктор проигнорировал его:

— Нечего морочить мне голову! Как твое настоящее имя?

— Ладно, я Летний Тролль из-под Моста... Или, если тебе нужно мое полное имя, Летний Тролль из-под Зеленого Замшелого Моста.

— Когда это случилось с тобой в первый раз? — раздраженно спросил доктор.

— Что случилось?

— Ну, это сидение под мостами. В детстве?

— Я всю жизнь просидел под мостами.

— Понятно.

Лицо исчезло. Наверху заскрипело перо. Голос пробормотал: «Всю жизнь просидел под мостами». Обливающееся потом лицо высунулось опять.

— Ты часто убегал из дома от братьев-сестер?

— От каких еще, к черту, братьев-сестер? — изумленно вскричал тролль. — У меня и дома-то отродясь не было.

— Ага. — Лицо опять убралось. Голос забормотал, перо заскрипело. — Сирота. Социально обездоленный.

Как марионетка с оборванными нитками, доктор свесился с моста:

— Чем тебя привлекают мосты больше всего? Тенями, скрытностью? Укромными местечками? Да?

— Нет, — раздраженно отвечал тролль. — Просто мне здесь нравится.

— Нравится! — воскликнул психиатр. — Ничего не может просто нравиться. У всего есть свои корни! Ты, наверное, страдаешь комплексом возврата в материнскую утробу, отчужденностью от общества, паанойей, комплексом вожака. Вот! Именно! Ты прячешься внизу и волишь на каждого встречного. Я тебя раскусил. За этим я и приехал издалека, чтобы изучить тебя и этих деревенских с их суевериями. Но больше всего — тебя!

— Меня?

— Да. Ходят слухи про местного тролля, который донимает каждого встречного дурака вопросами вроде «ты с добром пришел или со злом?»

— И что в этом плохого? — потребовал объяснений Тролль.

— Дружище, ведь общеизвестно, что нет такой дихотомии «добро — зло». Все относительно.

— Виноват, — сказал Тролль. — Я смотрю на вещи иначе.

— Ты учитывашь фактор среды, когда требуешь, чтобы люди отвечали, хорошие они или плохие?

Тролль презрительно фыркнул.

— А наследственность? Ты изучаешь генетику тех, кого ты якобы поедаешь? Ты что же, ешь людей?

— Ем.

— Молчи! Тебе так только кажется. Это продолжение твоей озабоченности исцелением человека от так называемых грехов. Ты воображаешь, будто, пожирая людей, ты перевариваешь их преступления. На самом же деле каждый раз, когда исчезает какой-нибудь местный воришко, ты внушаешь себе, что ты его съел.

— А кто же еще?

— Без комментариев. Итак, давно ты тут скрываешься?

— Сто лет.

— Чушь! Тебе в лучшем случае лет семьдесят. Когда ты родился?

— Я не родился. Я просто возник. Из перебродившего слипшегося тростника, раков, улиток, травы и кучи мха. Здесь, в тени утеса. Сто лет назад. Вот так-то.

— Весьма романтично, но совершенно для меня бесполезно, — заявил психиатр.

— Кто тебя звал?

— Ну, откровенно говоря, я прибыл по своей инициативе. Ты заинтриговал меня как невротическая манифестация в рамках культурной традиции.

— Док, ты собираешься висеть у меня над душой и уверять, будто я не сделал ничего хорошего? — возопил Тролль, да так, что эхо завыло. — Ты пришел, чтобы я усомнился в своем призвании и затосковал?

— Нет, нет. Я просто пришел помочь тебе подняться и преуспеть в жизни. Чтобы ты мог существовать в этом мире и быть счастливым.

— Я и так счастлив и живу в свое удовольствие. Проваливай!

— Тебе так только кажется. Я буду каждый день приходить к тебе на собеседование, пока не разрешу твою проблему.

— Это твоя проблема. — Тролль затрясся, высекая копытами искры из камней. — Док, в прошлом году по мосту шел очень плохой человек, который убивал и грабил людей. Я спросил: «Ты хороший или злодей?» А он думал, что если скажет правду, то я не догадаюсь, что он говорит правду, и сказал мне с ухмылкой «злодей». Через минуту мост опустел, и я принялся за свою трапезу. И ты мне теперь говоришь, что я был не прав, когда освежевал его и обгладал косточки?

— Как! Без того, чтобы изучить его жизнь, истосковавшуюся по любви юность, его изголодавшееся «эго», потребность в любви, утешении и поддержке?

— А я вот ужасно его полюбил. Я прямо-таки наслаждался им. Если я тебе скажу, что за свою жизнь я съел на завтрак десяток тысяч таких гадов, что тогда, доктор? — поинтересовался тролль.

— Тогда я скажу, что ты патологический лжец.

- А если я это докажу?
- Значит, ты убийца.
- Хороший или плохой?
- Что?
- Хороший или плохой убийца, доктор Кроули?

Лицо доктора залито потом.

- Здесь ужасно жарко.

— Твои щеки действительно покраснели. Сколько тебе лет, Кроули? Видно, сердце у тебя пошаливает. Тебе лучше не болтаться слишком долго с грифельной доской. Отвечай на мой вопрос: я хороший убийца или плохой?

— Ни то ни другое! У тебя было одинокое детство. Очевидно, много лет назад ты нашел здесь убежище, чтобы навязать себя городу в качестве деспотичного блюстителя нравственности.

- Город жаловался?

Молчание.

- Так жаловался или нет?

— Нет.

— Они довольны моим присутствием, разве не так?

— Дело не в этом.

— Они довольны. И за тобой не посыпали.

— Ты нуждаешься во мне, — сказал доктор Кроули.

— Да, наверное, — сказал, наконец, тролль.

— Ты признаешь это?

— Да.

— Ты будешь у меня лечиться?

— Да. — Тролль ушел в тень.

Лицо доктора покраснело и покрылось обильной испариной.

— Вот и славно! Но до чего же тут жарко!

Его очки горели на солнце.

— Глупец, — прошептал тролль. — С какой стати я бы тут сидел? Даже в самый жаркий день здесь холодно, как в погребе. Спускайся.

Психиатр колебался.

— Пожалуй, разве что, — проговорил он наконец, — ненадолго.

Его ступни соскользнули с края моста.

Вечером по мосту проходили трое ребятишек.

— Тролль, тролль, — позвали они.

— Тролль, тролль, — пропели они.

— Тролль, тролль, тролль.

— Дай нам камушков, ракушек, лягушек. Тролль, тролль, подари нам что-нибудь хорошее, тролль.

Они ушли, потом вернулись.

И на парапете моста в лужице прохладной водицы лежали влажная ракушка, головастик, авторучка, грифельная доска, сверкающие очки в серебряной оправе.

Под мостом ручей безмолвно нес свои воды. Когда дети перегнулись через ограждение, чтобы прокричать «Тролль, тролль!», они заметили ленивое, прохладное месиво из зеленых тростинок, зеленой травы и зеленого мха, влекомое течением, медленно, но верно плывущее на юг. А тем временем небеса затягивало тучами, и птицы выписывали в небе круги, и в воздухе впервые запахло осенью.

В путь недолгий

Имелось два немаловажных обстоятельства. Первое — ее весьма преклонный возраст. Второе — то, что мистер Тиркель собирался препроводить ее к Господу Богу. Разве не он поглаживал ее руку, приговаривая: «Миссис Беллоуз, мы с вами вместе полетим в космос на моей ракете на поиски Бога»?

Значит, так тому и быть. Ах, прежние группы, к которым раньше примыкала миссис Беллоуз, этой и в подметки не годились. В своем рвении осветить путь своим миниатюрным нетвердым стопам она чиркала спичками в темных переулках, прокладывая дорогу к мистикам-индусам, которые мерцали ресницами над хрустальными шарами. На лужайках она прогуливалась по тропинкам в компании импортных индийских философствующих аскетов, выписанных духовной родней и обожательницами мадам Блаватской. Она совершила паломничество в оштукатуренные джунгли Калифорнии, выслеживая ясновидящего астролога в его естественной среде обитания. Она даже согласилась уступить право собственности на один из своих домов в пользу ордена вопиющих евангелистов, которые взамен пообещали ей золотистый дымок, хрустальное пламя и большую ласковую Божью длань, которая отнесет ее домой.

Они не пошатнули веру миссис Беллоуз, даже когда у нее на глазах их увозили в черных фургонах, под вой сирен в ночную мглу или же когда она обнаруживала их бесцветные, пустые, неодухотворенные, неромантичные физиономии в утренних таблоидах. Их травят и упрятывают с глаз долой за то, что они слишком много знают. Это же ясно!

И тут, две недели назад, в Нью-Йорк Сити ей на глаза попалось объявление мистера Тиркеля:

ПРИЛЕТАЙТЕ НА МАРС!

Проведите неделю в пансионате Тиркеля. Затем отправляйтесь в космос навстречу величайшему приключению вашей жизни!

Обращайтесь за бесплатным буклетом «Ближе к Тебе, мой Господь!»

Экскурсионные расценки. Билет туда и обратно несколько дешевле.

— Туда и обратно, — подумала миссис Беллоуз. — Кто же захочет возвращаться после встречи с Ним?

И вот она приобрела билет и полетела на Марс, где провела несколько приятных деньков в пансионате мистера Тиркеля, на котором красовалась вывеска:

НА КОСМИЧЕСКОМ КОРАБЛЕ ТИРКЕЛЯ В ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ!

Она совершила омовения в прозрачных водах, избавляя свои хрупкие косточки от забот и треволнений, но вот у нее стали появляться признаки беспокойства. Она жаждала быть помещенной в частную ракету мистера Тиркеля, чтобы ею выстрелили, как пулей, в космос, за пределы Юпитера, Сатурна и Плутона. И тем самым — кто бы сомневался? — разве не становишься все ближе и ближе к Богу? Разве

не начинаешь ощущать Его приближение? Не чувствуешь Его дыхание? Его пристальный взгляд? Его Присутствие?

— Посмотрите на меня, — сказала миссис Беллоуз, — я — древний, скрипучий, готовый к подъему лифт. Богу остается лишь нажать на кнопку.

На седьмой день осторожного хождения вверх-вниз по ступенькам пансионата в ее голову начали закрадываться сомнения.

— Начнем с того, — воскликнула она во всеуслышание, не обращаясь ни к кому конкретно, — что Марс вовсе не такая уж земля обетованная, как нас уверяли! Моя комната смахивает на тюремную камеру, а плавательный бассейн никуда не годится. К тому же, много ли найдется гибовидных и скелетообразных вдовушек, изъявляющих желание поплавать? И, наконец, весь этот пансионат насквозь пропах тушеноей капустой и кедами!

Она отворила парадную дверь и хлопнула ею не без раздражения.

Ее изумляли старушки, собравшиеся в зале, который напоминал карнавальный зеркальный лабиринт, где непрерывно сталкиваешься с самим собой — то же мучнистое лицико, цыплячки ручонки и бренчашие браслеты. Перед ней проплыvalа вереница ее же собственных отражений. Она протянула руку, но оказалось, что это не зеркало, а дама с тряскими пальцами, которая промолвила:

— Мы ждем мистера Тиркеля. Ш-ш-ш!

— Ах! — прошелестели все собравшиеся.

Бархатный занавес раздвинулся.

Возник невообразимо безмятежный мистер Тиркель. Взглядом египетских глаз он охватил всех присутствующих. И все же его внешность позволяла заподозрить, что он сейчас воскликнет «Всем приветик!», и лохматые собачонки примутся перепрыгивать через его ноги, спину и сквозь сомкнутые обручем руки. После чего он спляшет в компании своей живности, улыбаясь ослепительным зубным рядом, наподобие фортепьянных клавиш, и упорхнет со сцены на невидимых крыльях.

Потаенные мысли миссис Беллоуз, ею всегда подавляемые, подсказывали ей, что сейчас дешевый китайский гонгозвестит о явлении мистера Тиркеля. Его большущие водянистые глаза были до того неестественны, что одна старушенция легкомысленно заявила, что видела перед ними завесу из мошкиры, точь-в-точь как над бадьей с летней дождевой водой. А миссис Беллоуз уловила запашок театрального нафталина и пар из ярмарочного парового органа — каллиопы, источаемый его тщательно отутюженным костюмом.

Но с тем же неистовым рационализмом, с каким она встречала все прежние разочарования в своей неустроенной жизни, она, отринув все подозрения, прошептала:

— На этот раз все *по-настоящему!* На этот раз все получится. Разве у нас нет *ракеты*?

Мистер Тиркель отвесил поклон и внезапно расплылся в улыбке комедийной маски. Пожилые дамы присмотрелись к его кадыку и почуяли неладное.

Не успел он раскрыть рот, как миссис Беллоуз приметила, что он, взвешивая каждое слово, смазы-

ваает его маслом, обеспечивая ему плавное скольжение. Ее сердечко сжалось в кулак, и она заскрежетала своими фарфоровыми зубками.

— Друзья, — молвил мистер Тиркель, и стало слышно, как сердца всего благородного собрания сковало холодом.

— Нет! — вскрикнула миссис Беллоуз раньше времени.

Она слышала, как на нее стремительно накатывают недобрые вести, как угрожают огромные черные колеса и истошно воет гудок, а она, беспомощная, привязана к рельсам.

— Ожидается небольшая задержка, — объявил мистер Тиркель.

В следующий миг мистер Тиркель мог бы воскликнуть, либо испытывал соблазн воскликнуть, в духе менестрелей:

— Дамы, оставайтесь на своих местах!

Ибо дамы повскакали с кресел и со всех сторон надвигались на него, сотрясаясь от негодования.

— Совсем крохотная задержка, — мистер Тиркель всплеснул руками, поглаживая воздух.

— На сколько?

— Всего на неделю.

— На неделю!

— Да. Вы ведь можете провести в пансионате еще семь дней? Что вам небольшая задержка, в конечном счете? Вы же ждали всю жизнь. Всего несколько дней.

«За двадцать долларов в сутки», — мрачно подумала миссис Беллоуз.

— В чем дело? — вопрошала одна из женщин.

— Юридическая заминка, — ответил мистер Тиркель.

— У нас есть ракета?

— М-м-да.

— Я тут торчу целый месяц — все ожидаю, — сказала одна пожилая дама. — Задержки, задержки!

— Да, именно, — подхватили все.

— Дамы, дамы, — бормотал мистер Тиркель, лу-чезарно улыбаясь.

— Предъявите ракету!

Это уже миссис Беллоуз пошла в наступление в одиночку, потрясая кулаком, словно игрушечным молоточком.

Мистер Тиркель посмотрел в глаза пожилой дамы, как миссионер в окружении людоедов-альбиносов.

— Знаете ли, сейчас... — промямлил он.

— Сейчас же! — вскричала миссис Беллоуз.

— Я опасаюсь... — начал было он.

— Это я опасаюсь! — отрезала она. — Поэтому мы хотим увидеть корабль!

— Нет, нет, миссис... — он щелкнул пальцами, чтобы вспомнить ее имя.

— Беллоуз! — рявкнула она.

Она являла собой небольшое вместилище, но теперь все, что накипело у нее на душе за долгие годы, вырывалось струями пара сквозь тончайшие поры. Ее щеки раскалились. С протяжным стоном заводского гудка миссис Беллоуз выбежала вперед и вцепилась в мистера Тиркеля чуть ли не зубами, как шпиц, сбрендивший от летней жары. Она ни за что бы не выпустила его, пока он живой. Ее примеру последовали остальные дамы. Они запрыгали и загалдели, словно

обитатели собачьего приюта, напавшие на своего дрессировщика, того самого, кто их поглаживал, к кому они ластились, повизгивая от удовольствия еще час назад, а теперь окружили его, хватая за рукава, и от его египетской невозмутимости не осталось ни следа.

— Сюда! — вопила миссис Беллоуз, воображая, будто она мадам Лафарг. — За кулисы! Мы слишком долго ждали, чтобы увидеть наш корабль. Каждый день он откладывал, каждый день мы ждали. А теперь посмотрим!

Они хлынули за сцену и выбежали в дверь, увлекая за собой беднягу в подсобку, а потом, к своему удивлению, в заброшенный спортзал.

— Вот она! — сказал кто-то. — Ракета!

И тут воцарилась невыносимая тишина.

Ракета.

Миссис Беллоуз взглянула на нее, и у нее опустились руки, державшие мистера Тиркеля за воротник.

Ракета напоминала помятую медную кастрюлю. На ней тыщами зияли прорехи и вмятины, из нее торчали ржавые трубы и глаза мозолили замусоренные отдушины. Под слоем пыли иллюминаторы напоминали кабаньи бельма.

У всех единым духом вырвался стон.

— Это и есть корабль «Во Славу Божию»? — в ужасе закричала миссис Беллоуз.

Мистер Тиркель кивнул, потупив очи долу.

— Это за нее мы выложили по тысяче своих кровных долларов и притащились на Марс, чтобы взойти с вами на ее борт и лететь на поиски Бога? — вопрошала миссис Беллоуз.

— Да она же гроша ломаного не стоит, — заключила миссис Беллоуз.

— Хлам!

Хлам, прошептали все, впадая в истерику.

— Держи его!

Мистер Тиркель пытался вырваться и убежать, но был зацепан со всех сторон множеством капканов и поник головою.

Все ходили кругами, как ослепшие мыши. От хождения вокруг ракеты и прикосновения к ней минут на пять воцарилось смятение и полились слезы, пока они кружились и ощупывали Ракету, Дырявый Чайник, Ржавую Лоханку для Дщерей Божьих.

— Так-так, — сказала миссис Беллоуз.

Она поднялась к перекошенному люку ракеты и повернулась ко всем лицом.

— Похоже, с нами приключилось ужасное происшествие, — сказала она. — У меня нет денег на возвращение на Землю, но я слишком горда, чтобы обращаться к правительству и признаваться в том, что какой-то ничтожный человечишко обвел нас вокруг пальца и прикарманил все наши сбережения. Не знаю, что вы все думаете об этом, но мы все очутились тут, потому что мне — восемьдесят четыре, вам — восемьдесят девять, а вам — семьдесят восемь, и все мы, расталкивая друг друга локтями, стремимся к своему столетию. А на Земле нам ничего не светит, да и на Марсе, по всей видимости, тоже. Мы все надеялись, что не будем вдыхать слишком много воздуха или вышивать множество салфеточек, иначе мы бы никогда не добрались сюда. Так что я просто предлагаю — давайте рискнем!

Она протянула руку и прикоснулась к ржавой ракетной обшивке.

— Эта ракета *наша*. Мы заплатили за свой полет, и мы *отправимся* в этот полет!

Все заволновались, привстав на цыпочки и раскрыв от изумления рты.

Мистер Тиркель заплакал, причем это получалось у него очень легко и эффектно.

— Мы взойдем на этот корабль, — продолжала миссис Беллоуз, не обращая на него внимания, — и полетим туда, куда он нас понесет.

Мистер Тиркель прекратил лить слезы ровно на столько времени, чтобы сказать:

— Но это же была афера. Я не имею никакого понятия о космосе. К тому же все равно Его там нет. Я солгал. Не знаю, где Он, и не смог бы отыскать, даже если бы захотел. А вы, дурехи, мне поверили.

— Да, — призналась миссис Беллоуз, — мы дурехи. Ничего не скажешь. Но нас нельзя в этом винить, ведь мы старые, а замысел был такой отличный, замечательный, превосходный, самый гениальный замысел на свете. Ах, на самом деле мы не обманулись в том, что можем приблизиться к Нему телесно. Это трогательная, сумасбродная старческая мечта, которой мы тешимся по несколько минут на дню, хоть и знаем, что она несбыточна. Итак, все, кто хочет лететь — за мной, на корабль!

— Вы не можете лететь, — возразил мистер Тиркель. — У вас нет навигатора. К тому же корабль ни на что не годится.

— Вы, — изрекла миссис Беллоуз, — будете навигатором.

Она взошла на корабль, и спустя мгновение за ней валом повалили остальные старушки. Мистер Тиркель преграждал им путь, лихорадочно размахивая руками, как крыльями ветряка, но через минуту люк захлопнулся. Под всеобщий гвалт мистер Тиркель был обездвижен и пристегнут к креслу навигатора. На каждую седую голову был надет особый шлем для снабжения кислородом, на тот случай, если корпус корабля проходится. Наконец, час пробил, и миссис Беллоуз, встав за спиной мистера Тиркеля, произнесла:

— Мы готовы, сэр.

Он не проронил ни слова, а безмолвно умолял их, прибегая к помощи своих большущих черных влажных глаз, но миссис Беллоуз покачала головой и ткнула в приборную доску.

— Взлетаем, — мрачно согласился мистер Тиркель и нажал на кнопку.

Все попадали. Оставляя за собой огненный шлейф, ракета стартовала с планеты Марс, грохоча, словно кухонная утварь, спихнутая в шахту лифта вкупе с кастрюльками, сковородками, чайниками, кипящим и булькающим варевом на огне, источая запах жженого ладана, резины и серы, с желтым пламенем и тянувшейся за ракетой красной лентой, под хоровое пение старушек, взявшись за руки, с миссис Беллоуз, ползущей вверх внутри стонущего, дрожащего от напряжения корабля.

— Курс на космос, мистер Тиркель!

— Она не выдержит, — сказал печально мистер Тиркель. — Ракета не выдержит. Она может...

Так и случилось.

Ракета взорвалась.

Миссис Беллоуз подбросило и головокружительно швырнуло, словно куклу. Она услышала истошные вопли и увидела тела, мелькающие вперемешку с ошметками металла в свете, просеянном сквозь частицы пыли.

— Помогите! На помощь! — кричал мистер Тиркель издалека на слабой радиоволне.

Корабль рассыпался на миллион частиц, и все сто старушек полетели вперед с той же скоростью, что и корабль.

А мистера Тиркеля, видимо, по причине траектории, выбросило с другого борта. Миссис Беллоуз видела, как он падает отдельно, в сторону ото всех остальных, и кричит, кричит...

— Вот и мистер Тиркель полетел, — подумала миссис Беллоуз.

И она догадывалась, куда именно он летит. Туда, где он как следует поджарится, обуглится и сгорит.

Мистер Тиркель падал на Солнце.

— А вот летим мы, — думала миссис Беллоуз. — Летим все дальше, и дальше, и дальше.

Движение едва ли ощущалось ею, но она знала, что летит со скоростью пятьдесят тысяч миль в час и будет лететь с такой скоростью целую вечность — до тех пор, пока...

Она видела, как остальные женщины кружатся вокруг нее, каждая по своей траектории. Кислорода в шлемах оставалось на несколько минут. Все смотрели туда, куда они летят.

— Конечно, — думала миссис Беллоуз, — мы летим все дальше и дальше в космос, во мглу, как в

грандиозную церковь, где звезды горят, как свечи. И вопреки всему — мистеру Тиркелю, ракете и мошенничеству — мы летим навстречу Господу.

И действительно, в своем падении она почти разглядела очертания Того, Кто приближается к ней — Его могущественной золотой длани, протянутой, чтобы принять ее и утешить, словно напуганного воробья...

— Я миссис Амелия Беллоуз, — промолвила она тихо своим лучшим светским голосом, — с планеты Земля.

1951

*«Ну, а кроме динозавра,
кем ты хочешь стать,
когда вырастешь?»*

— Задавайте мне вопросы.

Бенджамин Сполдинг двенадцати лет от роду держал речь. Мальчишки, рассыпавшись по лужайке вокруг него, и глазом не моргнули, ухом не повели, даже хвостом не вильнули. Собаки, вперемешку с детьми, тоже не шелохнулись, только одна из них зевнула.

— Ну же, кто-нибудь, — настаивал Бенджамин, — спросите меня.

Может, созерцание неба настроило его на такой лад. Необъятные фигуры, диковинные звери в вышине плыли черт-знает-куда из бог-весть-какой эпохи. Может, ворчание грома за горизонтом, буря, которая намеревалась нагрянуть, были тому причиной. А может, это заставило его вспомнить тени в музее Филда, где Стародавние времена шевелились, как эти самые тени, виденные им на утреннем сеансе в прошлую субботу, когда повторно крутили «Затерянный мир», монстры падали с утесов и мальчишки превращали беготню между рядов и вопили от страха и восторга. Может быть...

— Ладно, — сказал один из мальчишек, не открывая глаз, погрязший в скуке настолько, что даже зевать не хотелось. — Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Динозавром, — ответил Бенджамин Сполдинг. И, словно дожидаясь этих слов, на горизонте грянул гром.

У мальчишек распахнулись глаза.

— Кем-кем??!

— Да, ну а *кроме* динозавра?..

— Не стоит размениваться ни на что другое.

Он взглянул на колоссальные тучи туч, которые надвигались, чтобы пожрать друг друга. Над землей вышагивали гигантские ножищи молний.

— Динозавр... — прошептал Бенджамин.

— Сматываемся!

Какая-то собачка пустилась наутек, а за ней мальчишки:

— Динозавры? — фыркали они. — Хм! Динозавры! Бенджамин вскочил, потрясая кулаком.

— Чем вы захотите, тем *вы* и станете, а я останусь самим *собой*.

Но их уже и след простило. Только одна собачка осталась. И то у нее был нервический жалкий вид.

— Ну и черт с ними. Пошли, Рекс, поедим.

И тут пожаловал дождь. Рекс удрали. Бенджамин остался, горделиво озираясь по сторонам, с высоко поднятой головой, не обращая внимания на ливень. Затем величавый маленький человек, в одиночестве, насквозь промокший и чуднóй, прошествовал по лужайке.

Гром отворил для него дверь. Гром захлопнул ее вслед за ним.

Про дедушку можно было по праву сказать, что он сам себя вылепил. Загвоздка в том, любил повторять дед, разделявая цыпленка и отрезая ломоть яблоч-

ногого пирога перед отправкой в рот, что он так и не решил, чему себя посвятить.

Так вот и вел он беспорядочную жизнь — инженера-железнодорожника, с которой вскоре было покончено, ради должности городского библиотекаря, с которой вскоре было покончено, ради того, чтобы избираться мэром, с чем он вскоре покончил, даже не вступив в должность. В настоящее время он на полной ставке заведовал печатней и давильней для вина из одуванчиков назло Сухому закону в подвалчике бабушкиного доходного дома. Когда он не был в печатне и давильне, он рыскал по огромной библиотеке, которая вышла из берегов и затопила гостиную, коридоры, шкафы и все спальни, верхние и нижние. Его многочисленные хобби включали коллекционирование бабочек, пойманных и хранившихся на решетках автомобильных радиаторов, террор по отношению к цветам в саду, которые не слушались его рук, и наблюдение за внуком.

В данный момент сие наблюдение было похоже на покупку билета для вулкана.

Вулкан бездействовал, восседая за полуденным столом. Дедушка, чуя скрытое извержение, вытер салфеткой рот и сказал:

— Что сегодня нового в большом внешнем мире? Низвергался ли ты в последнее время с какой-нибудь флоры? Какая фауна, я хочу сказать, бешеные пчелы, загнали тебя домой?

Бенджамин сомневался. Постояльцы прибывали как каннибалы, а уходили как христиане. Он ждал прихода новых каннибалов, чтобы приступить к пережевыванию пищи. И, наконец, сказал:

— Нашел себе дело всей жизни.

Дедушка присвистнул.

— Как называется?

Бенджамин назвал.

— Ну и ну.

Дедушка, чтобы выиграть время, отрезал себе еще ломтик пирога.

— Хорошо, что ты сделал свой выбор уже в таком раннем возрасте. Но где этому можно научиться?

— Деда, у тебя же есть книги в библиотеке.

— Несметное множество. — Дедушка ковырялся в корочке пирога. — Но я что-то не припомню у себя книг-самоучителей юрского или мелового периода, когда убийство было обычным делом и никто особенно не возражал...

— Деда, у тебя в подвале мириады журналов. И с половину этого на чердаке.

Бенджамин переворачивал блинчики, словно книжные страницы, разглядывая чудеса света.

— Мне нужны девятьсот девяносто картинок про допотопные времена и живность, которая тогда обитала!

Оказавшись в западне своей собственной привычки ничего не выбрасывать, дедушка только и смог промолвить:

— Бенджамин...

Он потупил взор. Родители мальчика пропали в бурю на озере, когда ему было десять. Ни их, ни их лодку так и не нашли. С тех самых пор всевозможная родня ходила на берег озера в поисках вопящего у кромки воды Бенджамина, который кричал: куда все подевались и почему они не вернулись домой?

Но в последнее время он все реже появлялся у озера и все чаще бывал здесь, в доходном доме. А теперь (дедушка нахмурился) и в библиотеке.

— Не просто каким-то там динозавром, — перебил его Бенджамин. — Я собираюсь стать самым лучшим.

— Бронтозавром? — предположил дедушка. — Они симпатяги.

— Нет!

— Аллозавром. Давай аллозавром. Они изящные, словно на пуантах. Ах, как они семенят на цыпочках...

— Нет!

— Как насчет птеродактиля? — дед вошел в раж и подался вперед. — Высоко летает, смахивает на парящие машины, нарисованные Леонардо, ну, ты знаешь, да Винчи.

— Птеродактили, — призадумался Бенджамин, кивая, — почти первый номер.

— А кто первый?

— Рекс, — прошептал мальчик.

Дедушка огляделся по сторонам:

— Ты подзываешь собаку?

— Рекс, — Бенджамин зажмурился и назвал полное имя. — Тираннозавр рекс!

— Вот это да! — сказал дедушка. — Знакомое имечко. Царь над ними над всеми.

Бенджамин заблудился во времени, мгле и непролазных болотах затхлой воды.

— Царь над ними над всеми, — прошептал он.

Вдруг он широко раскрыл глаза.

— Есть идеи, деда?

Старик отпрянул от этого чистого пронзительного взгляда.

— Нет. Гм... дай потом знать, что ты нашел. В своих изысканиях...

— Да!

Приняв это как знак одобрения, Бенджамин вскочил со стула, метнулся к двери, встал как вкопанный и обернулся.

— А кроме библиотеки, куда еще можно податься?

— Податься?

— Пожарные тренируются в пожарной части. Машинисты учатся водить локомотивы в депо. Врачи...

— А куда податься мальчику, — сказал дедушка, — чтобы с отличием сдать экзамен на ящера первого класса?

— Вот именно!

— Пожалуй, в музей Филда, где выставлены груды костей из чердачного этажа Господа Бога. Динозавр-колледж. Ни дать ни взять! Вот куда мы пойдем!

— Деда, вот здорово! Спасибо тебе. Будем носиться как угорелые и улюлюкать!

И — бац! Хлопнула дверь на улицу. Мальчугана как ветром сдуло.

— Будем, будем, это уж как пить дать, Бенджамин.

Дедушка налил сиропу, всматриваясь в золотистые блики и раздумывая, как охладить пыл пламенного мальчишки.

Пожаловал огромный неистовый зверь. Их забрал большущий безудержный монстр. То есть поезд. До Чикаго. И Бенджамин с дедом оказались в брюхе

чудовища, так сказать. Что-то крича друг другу и улыбаясь.

— Чикаго! — выкрикнул проводник.

— А почему он не сказал про музей Филда?! — нахмурился Бенджамин.

— Я тебе скажу, — откликнулся дед.

И спустя несколько минут:

— Вот он!

Они вступили под сень фресок, на которых одни твари угрожали разинутой пастью другим тварям так, что захватывало дух. Рука об руку, они дивились тому, сколько плоти кануло в небытие, изумленно таращили глаза на вызволенные из недр земли и заново собранные скелеты. Любопытство одного шагало бок о бок с любопытством другого. Восторги юного вызывали давно забытую восторженность у пожилого.

— Посмотри, дедушка. Ты видел здесь хоть кого-нибудь из Грин-тауна?

— Только ты да я, Бенджамин.

— Единственные из наших, кого я помню, — мальчик перешел на шепот, — это мама и папа...

Во избежание сантиментов, дедушка быстро перехватил инициативу:

— Уж им-то здесь наверняка нравилось, сынок. А вот, посмотри-ка сюда!

Они зашагали дальше, изумленные, потрясенные, ошеломленные жемчужиной в коллекции кошмаров, запечатленных Чарльзом Р. Найтом¹.

¹ Чарльз Роберт Найт (1874—1953) — американский художник и иллюстратор, известный тем, что реконструировал внешний вид доисторических животных, в частности динозавров. — Прим. ред.

— Он — поэт с кистью, — сказал дедушка, балансируя на краю Большого каньона Времени. — Шекспир фресковой живописи. А ну-ка, Бенджамин, где тот большой пес Рекс, о котором ты так мечтаешь?

— Этот небоскреб и есть он?!

Над ними вздымалась колоссальная фигура. Они вприглядку подбирали неслышные мелодии на длинном ожерелье-ксилофоне из костей.

— Лестницу бы сюда.

— Чтобы вскарабкаться по ней, словно безумный дантист, и попросить пошире открыть ротик?

— Деда, он что, ухмыляется?

— Как моя тёща на нашей свадьбе. Хочешь, посажу тебя на плечи, Бен?

— А можно?

У дедушки на плечах Бенджамин, затаив дыхание, прикоснулся к... древней Улыбке.

Потом, словно что-то было неладно, притронулся к своим губам, деснам и зубам.

— Засунь голову в пасть, сынок, — предложил дед, — посмотрим, *откусит* или нет.

Шли недели, бежало лето, росли стопки книг. В комнате Бенджамина расстилались наброски — чертежи костей, стоматологические карты юрского и мелового периодов.

— Сюда бы еще «Отче Наш», — задумчиво сказал дедушка. — А *это* что такое?

— Убийственные картины мистера Найта, который зрит сквозь время и зарисовывает увиденное!

И тут в окно верхнего этажа ударился камушек.

— Эй! — кричали снизу голоса. — Бен!

Бен подошел к окну, поднял его и прокричал сквозь сетку:

— Чего надо?

Это оказался один из мальчишек с лужайки.

— Где ты пропадаешь неделями, Бен? Пойдем купаться.

— Больно нужно, — ответил Бен.

— Потом пойдем к Джиму делать мороженое.

— Больно нужно! — Бен захлопнул окно и, обернувшись, увидел изумленного деда.

— Я думал, банановое мороженое сводит тебя с ума, — сказал стариk. — Сколько недель ты сидишь взаперти. Бог тебе в помощь.

Дедушка пошарил в карманах, отложил какие-то бумаги и отыскал объявление.

— Я знаю, что с тобой делать. Читай!

ВОСКРЕСНАЯ ПРОПОВЕДЬ. ПЕРВАЯ БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

В 10:00. У НАС В ГОСТЯХ ПРОПОВЕДНИК ЭЛСВОРТ КЛЮ.

ПРОПОВЕДЬ «ГОДЫ ДО АДАМА, ВРЕМЕНА ДО ЕВЫ»

— Ух ты! — воскликнул Бенджамин. — Это то, что я думаю? Мы можем пойти?

— Вот твоя шляпа. Куда торопиться! — сказал дед.

Так как день был не воскресный, ожидание тянулось долго. Но рано утром в воскресенье Бен потащил деда в Первую баптистскую церковь.

А там, конечно же, Укротитель страшилищ преподобный Клю сдобрил свою проповедь бегемотами, охотился на китов, вылавливал левиафанов, изучал бездны и под конец пригнал громыхающее стадо, если не динозавров, то их ближайшую родню, изрыгающую серу! И все они ждут не дождутся в своих огнедышащих ямах, когда к ним на восхитительную раскаленную жаровню посыплются христианские мальчики.

Во всяком случае, так показалось Бенджамину, который смирно просидел первый в своей жизни церковный час. Глаза у него не слипались, рот не зевал.

Преподобный Клю, заметив лучезарную улыбку и горящие глаза мальчика, иногда поглядывал на него по мере того, как отслеживал генеалогию зверя с Люцифером — черным пастухом во главе своры.

После полудня выпущенные из Бестиария прихожане еще дымились от головокружительного катания по Аду. Они неуверенно переступали с ноги на ногу и шурились на солнце после того, как узнали о допотопных мясорубках больше, чем хотелось. Все, кроме Бенджамина, который открыл для себя преподобного, оглушенного собственным красноречием, и орудовал рукой как рукояткой насоса в надежде, что из уст божьего человека хлынет новая порция звериных чудес.

— Преподобный отец, чудища! Вот здорово!

— Все же не нужно ставить свечки чудовищам как людям, — молвил преподобный, старясь не сбить проповедь с пути истинного.

Бенджамин не сдавался.

— Мне понравились ваши слова про исполнение желаний. Это правда?

Преподобный чуть не вздрогнул от мальчишечьего взгляда, пылающего, как сигнальная ракета.

— Что именно?..

— Ну, если кому-то ужасно хочется, чтобы что-то произошло, то оно происходит? — пояснил Бенджамин.

— Если, — встягал дед, чтобы спасти преподобного от своего отпрыска, — если ты жертвуешь бедным, правильно молишься, аккуратно делаешь уроки, убираешь свою комнату...

На этом воображение деда иссякло.

— И так хватает, — сказал Бенджамин, переводя взгляд с деда-утеса на пригород-преподобного Клю. — А что надо делать в первую очередь?

— Господь пробуждает нас каждый день, чтобы мы делали свою работу, сынок. Я выполняю свою работу — священническую. Ты — свою — мальчишескую — быть готовым желать и становиться!

— Желать и становиться! — возликовал Бенджамин, заревевши. — Желать и становиться!

— После исполнения повседневных обязанностей, сынок, после обязанностей.

Но Бенджамин, воодушевленный, сорвался с места, замер, вернулся, ничего не слыша.

— Преподобный отец, ведь этих чудовищ создал Бог?

— Да, сынок, Он их создал.

— А вы спрашивали себя, зачем?

Дед положил руку на плечо Бенджамина, но Бен не почувствовал.

— Зачем Богу понадобилось сначала создавать динозавров, а потом от них избавляться?

— Неисповедимы пути Господни...

— По мне так слишком уж неисповедимы, — сказал Бен, невзирая на лица. — Кому бы помешало, если бы у нас в Грин-тауне, штат Иллинойс, завелся свой собственный динозавр, который вернулся обратно и никогда не вымирал? Кости — это, конечно, круто. Но всамделишный! Вот была бы *красота!*

— Я и сам неравнодушен к монстрам, — признался преподобный.

— Как вы думаете, Господь создаст их заново?

Преподобный понимал, что разговор катится в болото, в котором ему не хотелось погрязать.

— Я знаю одно: если умрешь и попадешь в ад, то чудовища или их подобия будут там дожидаться тебя.

Бенджамин просиял.

— Мне уже почти захотелось помереть!

— Сынок... — укоризненно сказал преподобный.

Но мальчика и след простили.

Бенджамин летел домой, чтобы насытить желудок и зрение. Он разложил на полу с полдюжины раскрытых книг и посмеивался вполголоса от удовольствия.

Вот они — звери всех библейских поколений. И из Бездны. Как она ласкает слух! Мальчик твердил это слово с воскресного обеда в два часа до субботнего тихого часа в четыре. Бездна. Бездна. Глубокий вдох. И выдох. Бездна.

И бронтозавр родил птеранодона, и птеранодон родил тираннозавра, и тираннозавр родил полноч-

нога парящего змея — птеродактиля! И... так далее, и тому подобное, *et cetera!*

По мере того как он перелистывал увесистый семейный фолиант, с его страниц вставали левиафаны и древние создания, а когда он переселялся в Ад и снимал там комнату, вдруг появлялся Данте и указывал перстом своим то на один кошмар, то на другой, и то на змея, то — на кольцом свернувшегося гада — и все они — ближайшие дядья и тетки из Канувшего времени, из чуждой крови, из враждебной плоти. От зрелища такого у кого угодно забегают мурашки по спине. О, вы, что канули с лица земли, вернитесь! Любимцы, что некогда лежали у ног Господних, но изгнаны им были за изгаженный ковер. О, домашние питомцы из клубящегося мрака и кипящей тьмы, чей глас способен распахнуть ворота настежь и выпустить наружу страх и ужас! Возопите! Издайте стон из... Бездны!

Его губы шевелились во сне, и солнце передвигало тени по его постели в предвечерние часы. Вздрагивание. Бормотание. Шепот...

Бездна.

На следующий день старому доброму Рексу Бенджамин дал новую кличку — Пес. Отныне он просто Пес.

Дня через три дрожащий и скулящий Пес, ковыляя, вылез из дома и пропал.

— Где Пес? — полюбопытствовал дедушка, который уже обыскал и подвал, и чердак (а что там делать собаке? Разве там можно что-нибудь откопать?), и двор перед домом. Он позвал его:

— Пес!

— Пес? — спрашивал он у ветра, который дул на лужайке вместо лучшего друга человека. И, наконец:

— Пес? Ты что там делаешь?

Оказывается, Пес находился на противоположной стороне улицы, валялся посреди клеверного поля и разнотравья на пустыре, который никто не застроил и не обжил.

Через полчаса окликнов дедушка раскурил трубку и встал над головой Пса, глядя на него сверху вниз. Пес посмотрел на деда снизу вверх с ужасной тоской в глазах.

— Ты что тут делаешь, мальчишка?

Пес, будучи тварью бессловесной, не мог ответить, но застучал хвостом, прижал уши и заскулил. Мир жесток. Сомневаться не приходилось. Как, впрочем, и в том, что домой он не пойдет.

Возвращаясь на свою сторону улицы и оставив Пса в травяном убежище, дедушка узрел на крыльце нечто вроде носовой фигуры ламантина со стаинно-гигантским парусником. Разумеется, это бабушка, подставившая лицо полуденному ветру. Бабушка держала кухонную лопатку, которой махала Псу.

— Надеюсь, ты не ходил его кормить?!

— Что ты! Нет! — сказал дедушка, оглядываясь на дрожащую собаку, которая еще глубже запряталась в траву. — А что случилось?

— Он наведывался в ледник.

— Разве собака способна на такое?

— Господь не поведал мне об этом, но там по всему полу разбросана еда. Гамбургер, который я припасла на сегодня, испарился. И повсюду кости и мясо.

— Пес бы такое не выкинул. Давай разберемся.

Напоследок бабушка посредством кухонной лопатки пригрозила Псу, который ретировался еще ярдов на десять вглубь зарослей. Затем она единолично прошествовала парадным шагом в дом и принялась водить лопаточкой по полу, который и впрямь представлял собой жуткую мешанину из съестных припасов.

— Ты хочешь сказать, что это существо умеет пользоваться рычагом, отпирающим дверь в ледник? Это ни в какие ворота!

— А ты думаешь, кто-то из постояльцев страдает лунатизмом?

Дедушка присел на корточки и стал собирать остатки пищи.

— Изжевана, ничего не скажешь. А других собак поблизости не наблюдается. Гм. Да. Гм.

— Лучше потолкуй с ним. Скажи Псу, еще раз такое повторится, и на воскресный обеденный стол подадут фаршированную рисом собаку. А теперь прочь с дороги. У меня в руках тряпка!

Тряпка опустилась, и дедушка, отступая, попытался ругнуться, но не сильно, и вышел на крыльцо.

— Пес! — позвал он. — Есть разговор!

Но Пес сиделтише воды, ниже...

Список катастроф, грозящих перерasti в катаклизм, становился длиннее. Казалось, по крышам галопом скачут все Четыре Всадника Апокалипсиса, сбивая с веток яблоки и обрекая их на гниение. Дедушка заподозрил, что его пригласили на некий зловещий жирный вторник — *mardi gras*, который

мог окончиться ночным недержанием мочи, хлопающими дверями, шлепнувшимися пирожными и опечатками.

А факты были таковы: Пес вернулся с той стороны улицы, но не успел он зайти, как снова убежал — шерсть дыбом, глазиши от страха — как яйца вкрутую. А с ним был таков и мистер Винески, верный постоялец и городской брадобрей на все времена. Мистер Винески дал понять, что сыт по горло Бенджамином, который скрежещет зубами за столом.

Почему бы, намекнул он далее дедушке, не привести городского зубодера, чтобы тот удалил у мальчишки коренные зубы — молотилки — или же сдал бы сорванца в аренду на мукомольню и пусть зарабатывает на свое содержание!

«Меня не отбрить!» — подытожил мистер Винески. Он рано уходил и засиживался в парикмахерской допоздна. Временами он возвращался для полуденного сна, но тут же поворачивался и уходил, завидев неподвижно сидящего Пса на лужайке.

Хуже того — постояльцы раскачивались в креслах со скоростью сорок раз в минуту, словно неслись, не разбирая дороги, вместо того, чтобы мерно покачиваться раз в двадцать секунд, как в старые добрые времена — всего месяц назад.

Это качание и кот, спускающийся с крыши, служили мистеру Винески барометром. Стоило ему это увидеть, как он бежал со всех ног за незаменимым бабушкиным полдничным печеньем.

Да, кстати про кота. Примерно в то же время, когда Пес отправился вплетать клевер в свою дрожащую шкуру, кот вскарабкался на крышу, где он носился

и орал по ночам, и выцарапал на руberoиде иероглифы, которые дедушка пытался расшифровывать каждое утро.

Мистер Винески даже добровольно вызвался приставить лестницу и снять кота, дабы спокойно спать по ночам. Когда это было исполнено, кот, напуганный некоей невидимой силой, стремглав вернулся на крышу, расцарапав при этом кровлю, готовый вздрогнуть от любого палого листа или порыва ветра, а тем временем Бенджамин наблюдал за происходящим из окна своей комнаты...

В конце концов дедушка согласился положить сметаны и тунца в дождевой лоток, куда изголодавшийся дрожащий кот спускался раз в день на кормежку и в панике улепетывал.

Если парикмахер прятался в своем ателье, Пес — на лужайке, а кот на крыше, то дедушка начал допускать опечатки в своем типографском дворце. Некоторые опечатки превращались в словечки, которые он частенько слышал от котельщиков и работяг-железнодорожников, но сам никогда ими не увлекался.

В тот день, когда дедушка вместо «горячие сосиски» напечатал «горячие сиськи», он сорвал с себя свой зеленый целлULOидный козырек, измял запачканный типографской краской фартук и пришел домой раньше обычного, запить это дело вином до обеда, а также после оного.

— Кризис, ни дать ни взять.

— Что? — спросила бабушка, сидя поздно вечером на крыльце.

Дедушка не сразу сообразил, что проговорился. И спас положение тем, что залил в себя еще вина.

— Ничего, ничего, — сказал он.

Но на самом-то деле очень даже чего. Прислушавшись, он, кажется, начал понимать причины Апокалипсиса над головой:

Бенджамин пережевывал тишину своими коренными зубами, перемалывая летние деньки со скрежетом тормозящего локомотива. И всё это зубами, которые становились всё острее...

Эта ночь решающая. Иначе нельзя. В противном случае днем позже кот бросится с крыши, Пес загниет в траве, парикмахера, лепечущего на разных языках, увезут в психушку.

То засыпая, то пробуждаясь от тяжелого сна, девушка проснулся и сел в постели.

Он что-то *услышал*. На этот раз он *точно* что-то услышал.

До него дошел звук из старого фильма, но он не помнил, где или что, и запамятовал, когда.

Но звук потревожил его замшелые уши, душу и мышцы на ногах, словно у него начала пробиваться новая диковинная растительность на коже.

На дальнем краю кровати он увидел пальцы ног, которые, словно мышки, всматривались в жутковатую ночь, и втянул их под одеяло.

Он слышал истеричные пляски кота на крыше мансарды. Пес на пустыре выл на луну, но никакой луны не было в помине!

Дедушка прислушался, затаив дыхание. Но звук не повторился и не отозвался эхом, не отскочил рикошетом от башни над зданием суда.

Он повернулся на бок и уже был готов погрузиться в черную смолистую жижу сна на миллиард лет. И тут его осенило. Странно! Постой-ка! Почему смела? Почему миллиард лет? Почему сон?

От этих мыслей дедушка резко встал, выскочил из постели, спустился в подвал, по пути накидывая халат. В подвале он оделся и пропустил один глоток вина из одуванчиков, и ему подумалось, а почему не три глотка?

В библиотеке, покончив с возлияниями, он, наконец, расслышал слабый звук и не без труда поднялся в комнату Бенджамина.

Бенджамин лежал с испариной на лбу, смахивая, ни больше ни меньше, на любовника после свидания с роскошной женщиной, как на греческой вазе в нескольких картинах. Дедушка усмехнулся про себя. Что ты, старик, он же еще мальчик...

Он повернулся и чуть не споткнулся о сваленные на пол книги. А еще они лежали на полках раскрытыми для обозрения.

— Э, Бенджамин, я и не знал, что их у тебя так много! — изумился он.

Ибо во множестве, на барельефах, на gobеленах и в музейных экспозициях лежали полсотни книг, раскрытых и распластанных, на страницах которых динозавры скалили зубы, рыскали, когтили доисторическую мглу, парили в небе, словно воздушные змеи, на перепончатых крыльях, туших, словно барабаны, или вытягивали телескопические удавы шеи из болот, источающих миазмы. Или, разинув пасти, смотрели на исходящее ливнем небо, погрязая и про-

падая в гробницах черных смол. И терялись в миллиардах лет, которые пробудили старика.

— Не видывал ничего подобного, — прошептал он.
Действительно, не видывал.

Лики. Тулова. Паучьи лапищи, мясистые ножищи, изящные балетные ступни — что угодно для души! Когти-клещи-скальпели обезумевшего хирурга, кромсающего плоть соратьев своих на тончайшие паштеты и фарш для сэндвичей. Вот трицератопс перепахивает рогами пески джунглей. Его заваливает и отправляет в небытие тираннозавр рекс. Вот, словно надменный «Титаник», бронтозавр величаво плывет навстречу невидимым столкновениям с плотью, временем, погодой и ледяными горами, надвигающимися в южном направлении на сушу в ледниковый период. В вышине — воздушные змеи без привязи, бомбовозы-птеродактили из ночного кошмара, стригущие мглу. Ветер играет на их перепонках, как на барабанах. Они машут-хлопают крыльями, как уродливыми опахалами, словно это книги-ужастики в иссущенном убийственном пунцовом небе.

— Так-так...

Дедушка мрачно и решительно нагнулся, чтобы захлопнуть книги.

Он спустился по лестнице за новыми книгами, своими собственными. Он принес их наверх, раскрыл и разложил на полу, на полках, на кровати.

Постоял с минуту посреди комнаты и услышал собственный шепот:

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Мальчик рассыпал его слова сквозь горячечный сон. Его голова ударила о подушку, рука опала в попытке притронуться к сну.

— Я...

Старик ждал.

— Я, — пробормотал мальчик. — Я... расту... сейчас.

— Что?

— Прямо сейчас... сейчас, — шептал Бенджамин. По его губам и щекам ползали тени.

Дедушка склонился над ним и пристально посмотрел.

— Бен, зачем, — строго произнес дед, — ты скрипишь и скрежещешь зубами? И...

Струйка крови возникла на плотно сжатых губах ребенка. Яркая капелька попала на наволочку и растворилась в ней.

— Пора положить этому конец.

Дед сел и спокойно, но уверенно взял дрожащие запястья Бенджамина в свои руки. Он подался вперед и принялся давать наставления:

— Спи, Бен, спи, но... слушай, что я тебе говорю!

Бенджамин мотал головой, морщился, обливаясь потом, но... слушал.

— Итак, — тихо промолвил дедушка, — то, что ты затеял, или то, что я подозреваю, что ты затеял, никуда не годится. Я не совсем знаю, что это, и знать не хочу, но что бы это ни было — с этим пора кончать.

Он замолк, собрался с мыслями и продолжил:

— Журналы захлопываются, книги возвращаются в библиотеку, курица в леднике остается нерастерзанной, собака приходит с пустыря, кот слезает с

крыши, мистер Винески возвращается за наш стол, постоянцы прекращают воровать мое вино, чтобы пережить ночь, полную жутких звуков.

Теперь слушай внимательно. С музеем Фильда — покончено. Хватит с тебя костей, стоматологических карт с допотопными оскалами, довольно театра теней на стенах кинотеатров с призраками из доисторических эпох. С тобой говорит твой дедушка и советует, говорит с тобой о своей любви, но решительно и бесповоротно предупреждает — что этому положен конец!

Иначе весь дом будет разорен. Чердак провалится в подвал сквозь спальни, гостиную и кухню и погубит припасы, заготовленные летом, задавит бабушку, меня и постоянцев в придачу.

Мы ведь не можем себе этого позволить? А сказать, что мы можем? Вот, смотри!

Ночью, когда я удаляюсь, а ты встанешь, чтобы пойти в туалет, то увидишь то, что я разложил для тебя на полу, что там раскрыто и дожидается тебя. Ты найдешь монстра, чудовище, частью которого ты станешь, который ревет и рычит, носится и пожирает огонь, сокращает время.

Другой зверь? Именно, но великий и благородный. Тот, с кем ты можешь слиться, срастись. Слушай меня в своем сне, Бен, и ночью перед сном погрузись в эти книги, страницы, картинки. Договорились?

Старик обернулся на принесенные им книги, разложенные на полу спальни, словно магические знаки.

Изображения извергнутых из Ада исполинов — огнедышащих локомотивов, исторгающих в ночное небо пламя и сажу, дожидались пристального изуче-

ния. А верхом на зловещих чудищах — машинисты в три погибели раздувают огненные бури, счастливо, по-паровозному, скалят зубы.

— Вот фуражка машиниста, Бенджамин, — прошептал дедушка. — Дорости до нее головой, мозгами, но главное, дорости до нее в своих мечтах. Всем мальчишкам хватит дикой природы; впереди жизнь, полная странствий и славы.

Старик впился глазами в огненные машины, завидя изяществу их поршней, воображая, какие дикие доисторические звуки они изрыгали.

— Ты слышишь меня, Бен? Ты слушаешь?

Мальчик зашевелился, застонал во сне.

— Я очень надеюсь на это, — проговорил дед.

Дверь спальни захлопнулась. Старик ушел. Дом спал. Далекий поезд завывал в ночи. Бенджамин последний раз повернулся во сне, и лихорадка прошла. Испарина на его светлом лбу исчезла. Ветерок из распахнутого окна поигрывал страницами всех книг, вызывая к жизни одно стальное чудовище за другим...

На следующее утро, в воскресенье, Бенджамин вышел к завтраку поздно. Он спал долгим тяжким сном, полным сновидений, молитв, желаний, котомок с чем-то, чых-то костей, плоти и крови, чего-то утерянного, прошедшего, канувшего, многообещающего будущего.

Он медленно спустился по ступенькам, и от него веяло свежестью и чистотой.

Немногочисленные постояльцы, все еще сидевшие за столом, при виде его повставали с мест, вытерли

салфетками губы и ретировались в надежде, что их отступление не будет выглядеть беспорядочным.

Дедушка на своем конце стола сделал вид, будто читает международные новости на первой полосе газеты, но все это время его глаза глядели поверх заголовков, наблюдая за тем, как Бенджамин садится, берет нож и вилку и ждет, когда бабушка принесет ему стопку блинчиков, политых жидким золотом солнца.

— Доброе, утро, Бенджамин, — сказала бабушка, возвращаясь к своим делам.

Бенджамин молча ждал. Казалось, он, приоткрыв глаза, о чем-то думает, размышляет, взвешивает «за» и «против».

— Бенджамин, — сказал дедушка из-за газеты. — Доброе, утро.

Бенджамин сидел, таинственно сжав губы, по-прежнему погруженный в раздумья.

Стол замер в безмолвном ожидании.

Дедушка не мог не податься вперед. Его ноги были напряжены. Когда губы мальчика разомкнутся, что исторгнет его глотка — жуткий вопль древних времен, душераздирающий крик, возвещающий о начале новой карьеры юного Бенджамина? Будет его улыбка оскалом кинжалных зубов, а язык окровавленным?

Дедушка оглянулся по сторонам.

Пес, вернувшийся с пустыря, только что просеменил в кухню — цапнуть печенья. Кот, спустившийся с крыши, облизывал сметану с усов, терся о правую голень бабушки. А мистер Винески? Поднимется ли он снова по лестнице?

— Бен, — поинтересовался, наконец, дедушка, — ну и кем кроме динозавра ты хочешь стать, когда вырастешь?

Бенджамин поднял голову и улыбнулся, обнажив ряд обычных изящных зубов — кукурузных ядрышек. Между губ пришел в движение язык. С колен он поднял и надел полосатую фуражку машиниста, которая, хоть и была великовата, отлично ему шла.

Вдалеке, на грани ночи и утра, просигналил поезд.

— Ты ведь знаешь, дедушка. Правда, знаешь.

И уже без скрежета зубовного он принялся поглощать свой завтрак. Дедушке оставалось только последовать его примеру. В дверях за происходящим наблюдали пес и кот.

Бабушка, которая так ни о чем и не догадалась, пришла с новой порцией блинчиков и вышла за сиропом.

1983

Куда девался левый крайний

Сперва дело представили так, будто он ушел в самоволку, потом сообщалось об исчезновении и, наконец, заговорили о похищении.

О похищении тела Ленина.

Оно исчезло однажды декабрьской ночью из-под Кремлевской стены (где покоилось в стеклянном саркофаге с 1924 года).

От похитителей не получили ни письма, ни весточки. И выкупа никто не требовал.

— Вот он был, — докладывал С. Олянский, начальник охраны мавзолея, — потом — р-раз! И нету его!

— Я погиб, — скорбел И. Иванов, эксперт-некро-косметолог, ответственный за текущий ремонт давно отошедшего в мир иной, но вечно нуждающегося в починке вождя красных.

— Чем же вы намерены заниматься теперь, — спросили его, — когда вам не придется уже месяц за месяцем, год за годом корпеть над бородкой, бровями, щеками и веками товарища Ленина?

— Предложения поступили уже через несколько часов, — вздохнул Иванов. — Вот, думаю, может, поиться на худой конец в... Голливуд.

Чью же выдающуюся, но давно ушедшую личность будет он подновлять своей чудодейственной косметикой?

— Вы не поверите... Люиса Б. Майера!

— Бывший глава студии Эм-Джи-Эм нуждается в ваших услугах?

— Еще как!

Но вопрос остается открытым:

Что же стряслось с Лениным? Неужели Советы убрали его с глаз долой, чтобы не позориться?

— Ничего не могут на это сказать.

Может, советские поклонники жесткой руки и твердого курса сташили и запрятали его куда подальше, чтобы потом сказать: «Какой Ленин? Не было никогда на свете никакого Ленина!» И плевать, что там пишут в книжках по истории.

— Н-ну...

А может, это горбачевские радикалы-неоконсерваторы надеются таким образом порвать с прошлым и сбалансировать курс рубля?

— Гм-м...

Ну и как, кто-нибудь уже прославил себя в качестве укрывателя или похитителя?

— Поговаривают, будто Ленина, по-прежнему мертвого, заперли в бронированный вагон и под надежной охраной отправили экспрессом в Париж.

Не может быть!

— Как прибыл, так и отбыл.

Кто же зафрахтовал поезд?

— «Бринкс» — фирма по перевозке особо важных грузов.

От имени?..

— «Сотбис».

Той самой?

— Именно.

«Сотбис» уже назначила стартовую цену для предаукционной выставки?

— Стартовая цена уже назначена! Представляете, цену назначила Республиканская партия для своего каталога «Империя зла» осеннего сезона!

Да, долго же они продержали его на витрине.

— Целых 67 лет под стеклом у Кремлевской стены! Куда уж дольше!

Так пожелаем ему удачи в долгом пути на «Сотбис»!

— Почему бы и нет. Главное, чтобы он хорошо сохранился в пути.

И последний вопрос. Есть ли у Ленина будущее в XXI веке?

— В виде статуи, может быть. Где-нибудь в Уголке ораторов в Гайд-парке. Это одним только голубям известно.

1991

Мы — плотники незримого собора

Мы — плотники незримого собора.
Канаверал — вот наша мастерская!
Строители собора — астронавты.
И все те, кто строит, чтоб их забросить ввысь —
Плести узоры света, звуков, жизни во времени-
пространстве.
Мы строим, не ведая, зачем, но строим.
Хотите знать причины?
Наш транспорт основной — ракеты.
А наши цели — Луна, за нею — Марс.
А дальше — вся Вселенная.
Наш самый грандиозный театр?
Мыс Канаверал — Блок Сборки Аппарата.
Римская базилика Сан-Петро войдет в него
И Опера Парижская в придачу, и Биг-Бен —
Вести отсчет времен
В системах звездных и туманных.
Здесь величайшие актеры своей игрой могли бы
Наш сон воображения встревожить
И взбудоражить дремлющий наш ум.
Вы спросите — чего же ради? С какою целью?
Зачем нам отправляться в Космос?
Отталкиваясь от Луны, стремиться к Марсу,
Мечтать и грезить о Центавре?
Позвольте, я вам изложу Причины.
Я вам поведаю, Зачем!

2001

Часть первая

Почему нам нужно покорять космос?

Мы, американцы, разгуливаем посреди семидесятиэтажных пусковых башен на мысе Кеннеди, вспоминая как наяву свое будущее.

Наше будущее обрушивается на нас, ужасая небесами, расчерченными огнем. Чтение письмен, которые Будущее прозорливо нарисовало в космосе, — наша извечная, внушающая благоговейный страх и опьяняющая нас задача.

Так давайте же встанем все вместе на Мысе и будем следить за этими новыми непоседливыми созвездиями — ракетами землян, переписывающими заново Колумбову историю на морях, не знающих приливов.

Мы задаемся вопросом: кто мы и чего еще не постигли?

Нам хочется покоя, а он убегает, ускользая от наших неуклюжих преследований.

Наши церкви ощущают пустотелость своих костяков. Под их безлюдными сводами — гулкое эхо. На скамьи оседает пыль.

Настала пора нашего беспокойства. Мягко вырахаясь, мы в затруднительном положении.

Кажется — как медленно тянутся годы, остающиеся до конца этого века. Вот мы и думаем: может быть, космос преисполнит их смыслом?

Я верю в то, что космос *действительно* поставит перед нами новую цель, искоренит войны и заставит нас переосмыслить понятие Творения.

Мы стоим на пороге миллиарда лет новой истории. Эпоха нашего расцвета еще впереди. Мы выйдем из нее преображенными и перевоплощенными и уже никогда не будем такими, какие мы есть — в сей миг и в сей час.

Прогуливаясь по береговой линии космоса, нам еще предстоит подбирать осколки и нервные окончания нашего нового «я». Мы только начали испытывать страхи и тревоги, которым суждено стать грандиознее и ужаснее всего, что было в истории.

Ибо человека должно вернуть в центр Вселенной, где он когда-то начинал и откуда выпал, находясь у истоков познания, и куда он должен вернуться с новым знанием космоса.

Нам не поместить человека в центр всего сущего, если мы будем странствовать вспять во времени или в мышлении, нет! Но мы можем вернуть человека туда, где ему подобает находиться — при помощи величайшего достижения человеческой мысли, которым мы можем себя одарить. А именно:

Свет есть благо. Тьма есть зло. Жизнь есть благо. Смерть есть зло. Человек — носитель блага света и жизни — бросает вызов смерти и вселенской тьме.

Химия Вселенной мертва и равнодушна.

Только человек способен познавать, только человек способен переживать.

Ибо мало иметь слепую и бессознательную, безразличную и невзыскательную Вселенную. Мил-

лиарды миллиардов звезд — для чего они? Каково предназначение туманностей и комет, летящих мимо, подобно бледным невестам, за которыми тянутся призрачные шлейфы, на космические свадьбы, если они пройдут незамеченными?

Без живого пламени людей, согревающих себя и наследующих огненное семя, Вселенная и впрямь нелепа и немыслима.

А значит, нам, бренным и невежественным, суждено взять на себя роль, которую мы век за веком отвергали или отталкивали якобы потому, что она слишком обременительна.

Ибо не приходится сомневаться, что плоть человеческая содержит самую суть Творения, тончайший неосязаемый механизм, непостижимый, таинственный, объединяющий, оживляющий и подвигающий человечество вперед, на поиски самого себя.

Вселенная создает для себя очи для наблюдения за своими безмолвными и яркими галактиками, пребывающими в ожидании.

Вселенная сама себе создает руки, чтобы притронуться к доселе нетронутой материи тьмы и света.

Вселенная сама себе творит уши, дабы услышать, как одно грубое чудовище вгрызется в другое.

Творение нуждается в языке, чтобы пригубить вино нашего мира, и поведать о его безумном привкусе, и воодушевиться звучанием наших слов, изреченных в нескончаемой ночи истории.

Сквозь ноздри человека всё пространство-время вдыхает запахи душистого дуновения жизни, неистребимой назло смерти.

Мы — Жизненная Сила Вселенной. Если она видит, то нашими глазами. Если слышит, то нашими ушами. Она простирает свою руку лишь в пределах досягаемости нашей руки, а ее пальцы касаются лишь того, к чему притрагиваемся мы.

В этом высказывании, разумеется, нет ничего неуважительного.

Это восторженное, радостное, спасительное, жизнеутверждающее открытие или, если хотите, переоткрытие.

А Творение не намерено рисковать своим сознанием, своей осведомленностью, своим шансом на вечность, ограничивая место своего пребывания лишь одной-единственной, пребывающей в одиночестве планетой Земля.

Оно одевается в оболочку из металла, приводит себя в движение пламенем и готовится к походу в космос.

Мы видим, как человек возится со своими игрушечными ракетами, но мы должны пристально следить за тем, как человек взлетает в этих ракетах — ради вечного выживания.

И все же сидит в нас тьма, которая временами утомляет, и мы становимся неприкаянными, не желаем прилично вести себя, заботиться, жить.

Против этого мы должны бороться всеми своими силами и волей, какие заложены в нас, всем светом и жаром, дабы проложить путь от войны к миру.

С тех пор как человек вышел из мира животных и пожелал называться именем «человек», которое мы

еще должны заслужить, он столько же настрадался от себя, сколько от своей среды обитания.

А мы к тому же поигрываем родо-племенными мускулами, испускаем бранные крики, катимся под гору верхом на разрушительной механической лавине собственного изготовления, чтобы оказаться погребенными под ней.

Какую надежду нам дает здесь космос?

Ну, причин возникновения войны столько, что и жизни не хватит ввести их все в компьютер. Но, в целом, мы полагаем, война не оставляет нас в покое, потому что она разжигает азарт, экзаменует на зрелость, потворствует тщеславию и будоражит воображение: из-за национальных государств, неравенства сил, жажды славы и величия, присущей нам от природы, слабоумия... перечень можете продолжить сами.

Что бы могло прийти на смену войне? С тех пор как Каин убил Авеля, мы ищем, в какое бы созиадельное русло раз и навсегда направить наше насилие, ищем такого сильного пьянящего мира, временами такого же утоляющего душу, как война.

Может, космос, наконец, станет мирной альтернативой Армагеддону?

Думаю, да.

Давайте найдем в этом веке истинного противника.

Давайте найдем такого противника, которого стоило бы атаковать, вступать с ним в битву, уничтожать.

Истинный противник человечества — не человечество.

Его истинный противник — необъятный космос, безжизненная Вселенная, незрячая пустота, запредельное кладбище, бесконечность — слепая, жестокая, бессловесная, безразличная.

Мы должны обуздить это неистовое чудище из минералов и световых лет.

Способен ли человек снова испытывать волнение? Сколько еще треволнений человеку припасено космосом! Желает ли человек, чтобы его сила и смелость прошли испытание на прочность? — космос подвергнет его испытаниям на рост и зрелость. Сомневается ли человек в своей мужественности? Пусть не сомневается — космос позаботится о ней! Желает ли человек сложить голову за правое дело? Космос и есть то правое дело, за которое погибнут многие люди, зато спасется род людской.

Вот воистину противник более внушительный, более неведомый, более страшный, чем кто-либо, когда-либо вошедший в анналы былых сражений. Вот уж действительно, на вершине Бобового ростка, на который нам предстоит вскарабкаться, нас поджидает злобный исполин.

Ибо наш враг повсюду — в бездне, не знающей тепла, и в великой зиме времен, готовой усыпить нас навечно. Все, что когда-либо жило, все, что когда-либо любило, противостоит нам.

Итак, великая и самая желанная война, достойная объявления и того, чтобы в ней сражались, все еще впереди. Мы облачаемся в ракетную броню, дабы противостоять тупому холоду и невежеству звезд, которые еще следует воспитать в нашем духе.

И когда наши пасторы и священники возводят гла-за к небесам, то же самое должны делать те, кто за-нимаются планированием и осуществлением войны.

Теперь и Папа Римский, и армейский генерал, и разработчик национальной идеи стоят здесь на об-щих позициях или, точнее, в зыбком, звездном, но общем пространстве.

Мы до конца отстаивали национальную идею, и это понятно, ведь она должна сильнее отражать этот новый образ и миролюбивый милитаризм, при-званный убежденно и осознанно оберегать нас, ведя справедливую борьбу в космосе против самой сущ-ности уничтожения. Мы — дети Божьи, которых во-ители в ракетах должны защищать. А мировые рели-гии должны помочь нам вознести из нашего питомника — Земли.

Итак, цикл запущен.

То, что сейчас является национальной идеей, пре-вращается в международную идею. Международное приобретает планетарный масштаб, а то, что было планетарным — становится межпланетным и, нако-нец, пройдя по нескончаемому туннелю вечности, межзвездным.

Конечно, на этой земле проблемы расы, цвета кожи, перенаселения, болезней, голода и противо-борств еще не разрешены. Они ждут своего часа. И они будут решены, но, опять-таки, с какой целью? Сейчас не рано ставить такие вопросы и приступать к поискам многообразия ответов.

Если наша цель — достижение бессмертия, если Бог пожелает, чтобы мы вечно жили в туманности «Угольный мешок» и за ее пределами, тогда наша национальная идея — действительно международная, и даже более того. Наша цель в этом мире — единая раса людей.

Итак, когда мы смотрим на небо, наш разум должен научить нас передвигаться в радиоактивной пустоте. Наша одержимость должна приучить нас к непрерывному движению. Ведь если мы споткнемся, оступимся, застопоримся, то окажемся ничуть не лучше щелочной пыли и бесполковых соленых морей, приводимых в движение лишь гравитационным притяжением безжизненных лун.

Но мы вышли из колыбели, отправились на Луну, дотянулись до Марса и дактилоскопировали его. А тем, кто твердит, глядя на снимки с телескопов, что «на Марсе пусто и нет никакой жизни», мы кричим в ответ:

— На Марсе есть жизнь, и это мы сами!

Марсиане — это мы.

Мы преподносим себе в подарок — самих себя.

Мы — больше, чем вода; мы — больше, чем земля; мы — больше, чем солнце. Мы — Жизненная Сила, сама дающая себе причину существовать.

Итак, продумайте, какой должна быть грядущая сотня лет Америки.

Итак, продумайте, каким должно быть грядущее тысячелетие человека на земле. Итак, продумайте, какими должны быть грядущие десять тысяч лет че-

ловека в космосе. Итак, продумайте, какими должны быть грядущие десять миллионов лет, миллиард лет.

Таково веление жизни.

Мы слышим.

И все как один повинуемся.

По сценарию Герберта Уэллса к фильму «Облик грядущего» в большом зеркале телескопа отцы двух астронавтов следят за огоньком летящей к Луне ракеты и один из них говорит:

— Боже мой, неужели никогда не наступит эпоха счастья? Неужели никогда не воцарится покой?

На что второй отвечает:

— Покой — для индивидуумов. Избыток покоя, к тому же раньше времени, называется смертью. Но Человечеству не дано ни покоя, ни конца и краю. Человек должен завоевывать без передышки — сперва нашу маленькую планету, ее норов и нрав, законы мышления и материи, которые сковывают его. Затем — соседние планеты и, наконец, сквозь бесконечность — звезды. И когда он завоюет все глубины космоса и постигнет все тайны времени, то все равно он останется стоять у истоков.

Он показывает на Вселенную.

— Вот эта... или та. Вся Вселенная... или ничто. Какая именно?

Двоих собеседников уводят в тень. Остаются звезды. Звучит музыка.

— Какая именно? — откликается миллиард голосов.

Выбирать нам. Если наш выбор будет неправильным, мы останемся на земле и навсегда похороним

себя в Стоунхендже. Если наш выбор будет правильным, мы отвернемся от могильного удушья, от заплесневения наших блестящих и бесподобных замыслов, от смерти человека-младенца и отправимся, чтобы воскреснуть среди звезд.

2001

Часть вторая

Чертежи светомузыки для мыса Канаверал.

Как это делается?

Наш величайший театр:

Мыс Кеннеди. Блок Сборки Аппарата.

Место, где величайшие актеры своей игрою могли бы поражать воображенье и властвовать над умами.
И все же...

Что мы видим вокруг, кроме угловатой пантомимы, бездарных актеров и ущербных спектаклей?

Карлики и лилипуты плодятся и размножаются.

Скучные мотели двадцатилетней давности так и остались мотелями. Ближайшие приличные номера водятся лишь в часе езды, возле Диснейленда.

А Музей Космоса, что в нескольких милях от пусковых башен — это же какой-то детский лепет карапуза, который путается под ногами гигантов. Театр напоминает помесь холла для игры в бинго с деревенским тайным обществом и клубом светских львов.

Лишь недавно здесь построили шекспировский IMAX 3D кинотеатр, дабы разглагольствовать о судьбе и сулить бессмертие поставленными голоса-

ми и широкими отнюдь не гамлетовскими жестами. Здесь, вопреки наказам принца Датского, лицедеи «пилят воздух» и «завывают».

Настоящий же Музей авиации и космонавтики находится за тысячу миль, на северо-востоке, в Вашингтоне, округ Колумбия. Его великолепное внутреннее пространство из стали и стекла дышит историей: аэроплан братьев Райт «Китти-Хок»¹, самолет «Дух Сент-Луиса»², спускаемый аппарат «Викинг»³, лунные модули корабля «Аполлон».

Почему Вашингтон с ликованием сделал такой широкий жест?

Потому что здесь нервная система страны.

А Канаверал? Боже! Здесь же находятся живое сердце, кровь и душа Вселенной, или той ее части, в которой мы обитаем ради процветания.

Сравним полную несусветную немоту Флоридской стартовой площадки с миллионами туристов, ежегодно прибывающих на Аллею славы по Голливудскому бульвару и Вайн-стрит, где их встречают выпивохи,

¹ Братья Уилбур (1876—1912) и Орвилл Райт (1871—1948) — американцы, за которыми в большинстве стран мира признается приоритет изобретения и постройки первого в мире самолета, способного к полету. Они совершили первый управляемый полет человека на аппарате тяжелее воздуха с двигателем 17 декабря 1903 года. — Прим. ред.

² Одномоторный самолет легендарного пилота Чарльза Огастеса Линдберга (1902—1974), который в 1927 году совершил на нем беспосадочный перелет через Атлантику из Нью-Йорка в Париж за 33,5 часа. — Прим. ред.

³ Аппарат космической программы НАСА по освоению Марса. Космический аппарат «Викинг-1» был запущен 20 августа 1975 года с мыса Канаверал, штат Флорида. — Прим. ред.

сутенеры, проститутки, жулики и прочий сброд. Конечно, на мысе Канаверал все не так плохо, но зато какая скучотища! Совсем как в Лонг-бич, штат Калифорния, с его обездвиженными крупногабаритными объектами, где не плавает «Куин Мэри» и не летает Хьюз Р-4 «Геркулес». Канаверал — это натюрморт из грандиозных сооружений.

Пусковые башни торчат, как кладбищенские монументы, вместо того, чтобы быть праздничными декорациями на Четвертое июля. Каждый вечер они должны вспыхивать огнями, как исполинские рождественские елки, искриться светом и вселять надежду на светлое будущее.

Каждый божий вечер на закате по всему побережью должна происходить церемония включения иллюминации на всех пусковых башнях, неважно, работающих или нет, под аккомпанемент неистового ракетного рева и звездных экспедиций.

Надо, чтобы у посетителей стыла в жилах кровь, а кости тряслись так, чтобы с них отлетала ржавчина и заново утверждался изначальный девиз Канаверала:

Выше и Дальше.

Но... где она, светомузыка? Боже праведный! С ума сойти! Какое еще место в мире так нуждается в светозвуковом оформлении!

А здесь лишь тишина и реют чайки. Здесь затяжные ветры, приливы и пески. Господи, а где же постановщики, тексты сценариев и актеры, дабы поведать нам о былом величии, которое наверняка вернется вместе с непогрешимыми ракетами и многообещающими астронавтами?

К чему тогда уныние вместо громогласного рыка Вселенной, призывающей начать всё съзнова и потерпеть неудачу, опять начать и преуспеть?

Так помогите мне отстроить театр у подножия самой первой пусковой площадки «Аполлона»! А то и несколько театров, чтобы они дополняли друг друга, когда поблизости идет заправка башен горючим и они с нетерпением дожидаются старта.

Что же будет тогда? Десятки тысяч окрыленных посетителей каждый месяц, каждый год будут строчить письма, посыпать телеграммы, выпрашивая, нет, вымаливая денег, чтобы запустить нас на орбиту. Движение должно зародиться в низах, в народе, и подниматься к верхам, а не то мы так и врастем навеки в землю.

«Весь мир театр», — сказал Шекспир.

Хоть это воистину так, пусть Канаверал станет Театром-прадородителем, в котором мы будем славить наши дни, разжигать всяческие страсти и окунаться с головою в звезды.

Итак, на заключительном этапе перелицовки Канаверала будут приглашены актеры, которые будут играть — за ночь или за неделю до того, как столп пламени нас к Марсу вознесет. Затем из всех крупных городов мира — Ватикана, Вашингтонского кафедрального собора и Мормонского храма — надо созвать хоры и капеллы.

Им будут аккомпанировать самые блестящие симфонические оркестры с дирижерами из Рима и Парижа, Лондона и Филадельфии, исполняя музыку, сочиненную по случаю торжеств всеми величайшими

из ныне живущих композиторов, на стихи, сложенные лучшими из ныне живущих поэтов.

И все это будет происходить в окружении виднейших священнослужителей, пасторов, раввинов, прессы и политиков со всех континентов, возносящих в небеса руки и голоса во славу величайшего избавления от гравитации, ограничений времени и Земного плена, дабы взмыть к Луне и Марсу, а в какое-нибудь доброе будущее время — к Плутону, а то и дальше.

Полагаю, публика должна быть светская: политики нашей страны и НАСА в нынешнем виде. Но в тот предстартовый вечер отделение церкви от государства можно было бы приостановить на несколько часов. Мы должны пригласить ватагу атеистов, агностиков, наводящих тоску, и, может быть, позвать даже Папу Римского участвовать в нашей Вечере. Если усадить Папу на одном конце Блока Сборки Аппарата, а нашего Президента и Королеву Англии — на другом, то чаши весов окажутся в идеальном равновесии, а между ними будет кишеть всяческая пестрая мелкая рыбешка.

А в заключение нашего симфонического певческого драматического театрального представления все пусковые башни на побережье мыса Канаверал должны разразиться величайшим в мире и в истории фейерверком, вычерчивая огненные купола взрывами на всех телеэкранах. С мыса Канаверал должна взметнуться струя звездного пламени, затмевающая сами звезды.

А тем временем неподалеку, на главной пусковой башне, будет дожидаться марсианская ракета, раз-

рисованная символикой полетов и мечтаний о полете из всех исторических эпох... Крыльями, шарами, огненными колесницами Ассирии и греческими вечерами и парижскими восходами!

Вот вам и Причины.

И пустынный театр Канаверал-Кеннеди.

Канаверал-Кеннеди ждет и жаждет вознести ввысь нашу бренную плоть и исполнить наши мечты.

Чего же мы медлим?

Чего дожидаемся?

Ведь все системы вопиют:

— ВЗЛЕТАЙТЕ!

2001

Починка Железного Дровосека

Посвящается Дж. Б. Ш.

Научная фантастика — с умом, и сердцем, и мужеством!

Весною 1954 года, когда я только-только закончил работу над сценарием «Моби Дика» для режиссера Джона Хьюстона, мой лондонский издатель получил письмо от лорда Бертрана Рассела¹, в котором тот благосклонно отзывался о моем последнем романе «451 градус по Фаренгейту».

Лорд Рассел приглашал меня навестить его ненадолго в какой-нибудь ближайший вечер. Я прямо-таки вцепился в эту возможность.

В поезде по пути к нему я запаниковал.

«Боже, — думал я, — что я могу сказать величайшему философу нашего времени? Я — лилипут, мельтешащий в его тени?»

В последний момент меня озарило — теперь я знал, как начать беседу. Я позвонил в дверь, и меня встретил невероятно дружелюбный лорд Рассел и усадил пить чай в компании леди Рассел.

В величайшем смущении я выдавил из себя:

¹ Бертран Рассел (1872—1970) — британский философ, математик и общественный деятель. В 1950 году получил Нобелевскую премию по литературе. — Прим. ред.

— Лорд Рассел, несколько лет назад я предсказал своим друзьям, что если вы когда-либо задумаете писать короткие рассказы, то они неизбежно окажутся научно-фантастическими. Когда в прошлом году вышел ваш первый сборник рассказов, *именно* так и произошло!

— Действительно, — улыбнулся лорд Рассел. — О чём еще можно писать в наше время?

И наша беседа сорвалась с места в карьер.

То же самое можно было бы сказать и сегодня. Осмелюсь вообразить, что если бы Бернард Шоу был жив и нацеливался бы своей бородой на что-нибудь остро современное, то он стрелял бы зарядами научной фантастики.

Ибо разве не очевидно, в конце концов, что:

Те, кто не живет будущим, попадут в западню и сгинут в прошлом?

Равно, как и те, кто предает забвению историю, обречены пережить ее заново. Истина, высказанная выше, вдвойне актуальна. Ибо, посмотрите, что мы обсуждаем каждый божий день, час и минуту?

Будущее.

Больше обсуждать нечего!

Что ты будешь делать через час?

Это и есть будущее.

А завтра утром?

Это и есть будущее.

На той неделе? В следующий месяц?

Будущее.

В следующем году? Через двадцать лет?

То же самое.

Мы всегда строим планы на ближайшие минуты, времена года, на пору зрелости и увядания.

Так почему же квазиинтеллектуалы, просто интеллектуалы и прочие высоколобые мыслители относятся к научной фантастике с презрением? Или *в упор ее не видят*, если вообще о ней задумываются?

Конечно, большая часть научной фантастики пала под ножищами роботов.

Слишком уж многие одаренные воображением писатели за говорящими механическими деревами не увидели человеческого леса. Они с головой ушли в компьютеризацию ракет и редко задаются философским вопросом о том, на кой черт они нам вообще нужны!

Перечитывая пенталогию «Назад к Мафусаилу» и пространные примечания к ней, я жалел, что Шоу несколько лет всего лишь не дожил до появления замечательного мюзикла «Поющие под дождем». Почему? Усидел бы Старик в темноте кинозала, созерцая малоубедительное подобие насыщенной технологиями творческой жизни? Осмелюсь предположить, что да. Судя по названию, может показаться, что фильм изображает пляшущего оптимиста с зонтом или без оного, вымокшего до нитки, но не подозревающего об этом, ибо он влюблен в жизнь. Но едва ли в этом заключается философский смысл мюзикла.

Философский смысл?

Именно. Ведь этот фильм — фантазия на тему будущего в самый разгар Двадцатых годов, когда немое кино вдруг прокашлялось и принялось горланить песенки. Мало того, оно к тому же еще выпрямило спинку и заговорило! В двух словах, это фантазия о

науке, которая превратилась в технологию, а последняя вживила в горло каждого черно-белого манекена на экране голосовой аппарат.

Насколько мне известно, «Поющие под дождем» — единственный когда-либо снятый научно-фантастический мюзикл. Сотрите музыку — все равно останется сюжет: изобретение звука и его сокрушительные последствия, или как выстроить простую, примитивную, но практическую философию, дабы восполнить пробел между немотой, потерей, а затем обретением работы — уже в звуковом кино?

Такая проблема возникает, как только на горизонте угрожающе замаячит новая технология, не правда ли? Предполагалось, что из-за компьютера миллионы людей лишатся работы. Да? Нет. Все, кто потерял работу, быстро ею обзавелись, причем в более освещенных офисах, в более высоких небоскребах, в более уютных жилищах. Телевидение должно было выбросить на улицу тысячи тысяч сотрудников радио. Да? Нет. Они вновь получили свою работу — на тысячах телестанций, тогда как радиостанций в те времена было всего несколько сотен.

Все это стало бы пищей для его ума и интеллектуальной жевательной резинкой для пережевывания в сумерках утреннего сеанса.

Возьму на себя смелость заявить, что можно было бы прокрутить первые полчаса «Поющих под дождем», выключить проектор, повернуться к Шоу и спросить:

— А что будет дальше? Как звуковое кино отразится на актерах, на студиях, на всем мире?

— Боже праведный! Посторонитесь! — воскликнул бы Шоу. — Нет, не надо показывать, что будет дальше. Я сам допишу все сцены, диалоги и прочую славную галиматию в вестибюле. Где моя авторучка?

Мы же знаем Шоу: спустя несколько часов он раскусит, разложит по полочкам и распишет каждый шаг Джина Келли и хора под непрерывно льющим дождем.

Затем, сидя в ложе кинозала со свежим сценарием, только что записанным его дрожащими от нетерпеливого любопытства руками, и просматривая оставшиеся части ДОЖДЯ, он бы присвистывал от восторга.

— Видите? Я угадал. Вот! Вот! И вот! Всё целиком! Браво Андроклу и льву «Эм-Джи-Эм»! Браво мне!

Затем я бы дал ему почитать одно из лучших стихотворений Уильяма Батлера Йейтса «Плавание в Византию».

В заключительных строках этого стихотворения я увидел отклик на жизнь, мировую историю, науку, изобретательство, научную фантастику — и Шоу.

Весьма увесистая порция. Попробуем ее усвоить. Кусочек за кусочком, по порядку.

Сперва цитата:

«О прошлом, преходящем и грядущем».

Вся история зверочеловека, человекозверя, человека из холодной пещеры и знайных египетских песков, вплоть до холодных берегов Луны, и все, что попадает в этот промежуток. Ничего себе трапеза, да? Но Шоу с удовольствием принял бы за такое угоженье. Почему? Да потому, что все наше прошлое, все, что касается человечества, и есть научная фантастика.

Конечно, науки там не густо, зато прорва фантастики! Искусство воображать сегодняшний день, сегодняшнюю ночь, завтрашний рассвет.

Невозможно? Несбыточно? Тогда взглянем на другого автора.

Поразительный фильм Герберта Уэллса «Облик грядущего»¹ заставил многих юношей вроде меня выбежать из кинотеатра в состоянии Становления. В последующие годы я стал самим собой, тем, кто я есть. В ту пору мне минуло шестнадцать, и мне было необходимо, чтобы кто-то разогнал мне по жилам кровь. Это удалось Уэллсу, который угадал в существе под названием человек потребность в Факторе Становления, неведомом для животных. Они живут неосознанно, инстинктивно, но мы наследуем этот лишний ген, мы *знаем*, что мы знаем. И с этим знанием, ужасающим и возвышающим, мы лихорадочно развиваемся, стремительно передвигаемся, чтобы в нас не вонзились клыки, не пролилась кровь и чтобы мы не прекратили существование. В этом слиянии мы менее всего принадлежим Дарвину, но более — Ламарку. Ведь именно Ламарк сказал, что жираф мечтает о шее подлиннее, тем самым воздействуя на свои гены, чтобы они становились тем длинношеим животным, которое дотягивается до плодов, цветов и листьев на верхушках деревьев. Дарвинисты на это: выживает, мол, сильнейший, благодаря сноровке, а вовсе не мечтаниям о длинной шее, которые яко-

¹ «Облик грядущего» — английский философско-фантастический художественный фильм Уильяма Кэмерона Мензиса по сценарию Герберта Уэллса; стал значимой вехой в истории кинофантастики. — Прим. ред.

бы упорядочивают гены и формируют надлежащий спинной мозг.

Тем не менее, заманчиво было бы поразмышлять о том, что поскольку мы, люди, осознали свой разум, то мы и начали давать наставления своим генам и хромосомам, как себя вести. Мы грезим о длинной шее, строим ее и дотягиваемся до Луны, до Марса, до Вселенной. Карл Саган¹ не согласен, что дело всего лишь в выживании сильнейшего, возведенном в n-ую степень. Мы — конечный продукт череды промахов и неудач, увенчанной последним звеном — человеком выживающим. Его мечты и достижения — не Ламарковы, сколько бы они ни напоминали техногенных жирафов с телескопическими шеями, достающими с мыса Канаверал до кратера Коперника. Откликаясь на оба учения, я, пользуясь случаем, сколотил пеструю компанию попутчиков и посадил их в поезд, мчащийся до Края Земли или Космоса. С головой, битком набитой, как портмоне, идеями, причудами и понятиями, Шоу следовало бы познакомиться с Никосом Казандзакисом².

Ведь именно Казандзакис вскоре после Шоу опубликовал свою удивительную книгу «Спасители Бога». Его возглас, подобный восклицаниям Шоу о Жизненной Силе, был прямолинеен: «Господь вопиет о спасении. Мы — его Спасители».

¹ Карл Эдвард Саган (1934—1996) — американский астроном, астрофизик и выдающийся популяризатор науки. Саган был пионером в области экзобиологии и дал толчок развитию проекта по поиску внеземного разума SETI. — Прим. ред.

² Никос Казандзакис (1883—1957) — классик греческой и мировой литературы, писатель, поэт, драматург, эссеист, исследователь. — Прим. ред.

Иными словами, зачем сажать лес и рубить дерево, если нет очевидцев обыкновенного чуда. Старинное высказывание: если дерево падает никем не замеченным, то *падает ли оно, существует ли оно вообще?* Вселенная, Космос, колоссальные пространства, измеряемые световыми годами, просуществовали без Свидетелей столько миллиардов световых лет, сколько можно насчитать без запинки. Казандзакис говорит, что мы призваны (а Шоу изрек это еще раньше) открыть невозможное, неизъяснимое, циклы бурной жизни здесь и в мирах столь далеких, что мы никогда о них не узнаем. Несмотря на это, мы грезим о них в наших фантазиях и возносимся ввысь. Мы — Зачинатели. На нас смотрят. Десятки миллионов родились и умерли до нас. Они — сладостная ноша, которую мы должны унести в Космос. Наша судьба зародилась в тот день, когда был изобретен первобытный глаз как простейшее отражение в глазах животного, который стал видеть и познавать, а в один прекрасный день осознал, что в небе есть нечто — таинство звезд.

В наш новый блестательный век мы видим, как нарастает поток космических полетов с мыса Канаверал. Это наши мечты взмывают с трехсотфутовых стартовых башен, этих истинных смирильных рутощек для Кинг-Конга, орудийных установок для стрельбы по Времени, Расстоянию и Невежеству. Шоу проводил бы здесь свои каникулы для поддержания духа. Представьте, как он снует по флоридским дюнам, берет интервью у астронавтов, но когда они отвечают, слышит только свое.

Почти одновременно с нашими прилунениями, электронный мозг, сначала величиной с огромный

дом, потом с комнату, кабинку и, наконец, шкаф, ужался до таких размеров, что стал умещаться у нас на коленях или на запястье. Каспаров обыграл шахматный компьютер и тем самым записал победу в актив человечества? Чушь! Сентиментальный вздор! Шоу первым написал бы пьесу, в которой компьютер был бы осужден за мошенничество, ибо, как нам известно, против Каспарова играла не просто машина, а три десятка человек, которые вили свою гениальность в нервные окончания Немого Игрока. Компьютер только внешне *похож* на машину. А нейронные окончания, желудочные соки, живительная кровь, пот и огонь ганглиев прячутся внутри, замаскированные проводкой, скваченные десятком тысяч точечных сварок. Такие никогда не вызывали у меня восхищения. В гостях у «Эппл компьютерс» или на других предприятиях, выпускающих замысловатую электронику, когда гид спрашивал:

— Разве это не восхитительно?

Я взрывался:

— Нет!!!

Потрясенные, они спрашивали, что я хочу этим сказать.

— А то я хочу сказать, что восхищения достойны не *эти* железяки, а *вы*. Вы достойны восхищения. Все это — вам пригрезилось. Вы это начертили. Вы построили. Вы наделили это процессом, мечтой, электронным воображением. Машина не знает о своем существовании. Это вы существуете! Это перед вашим божеством преклоняюсь я. Компьютер не может превзойти Каспарова. А вот легион умов из плоти и

крови, упрятанный в компьютер, может! Восславим же Каспарова! Славьтесь батальоны «Эппл»!

Прежде всего, сам человек — Душа машины. Подъемная сила под крылом наших самолетов — не чудо. Это человек оторвал самолет от земли, открыв невидимое присутствие «подъемной» силы. Все незримое делает видимым и осязаемым именно человек. Рентгеном и микроскопом Человечество сорвало завесу со скелетов, упрятанных в живой плоти. Затем впервые в истории Земли были обузданы и уничтожены бактериальные аннигиляторы.

Для Шоу все эти изобретения стали бы возбудителями Жизненной Силы. С ноутбуком, вместо Мозисеевой скрижали, Шоу вдохнул бы новую жизнь в современный театр и вложил бы в него свою душу, перещеголяв Уэллса и всех нас, вместе взятых.

Уэллсу, последним трудом которого была печальная книга «Разум на привязи», Шоу крикнул бы:

— Сиди, Герберт Джордж, не двигайся! Твоя привязь опутывает весь мир, охватывает Сатурн, чтобы тебе удалось дотянуться до Центавра. Конца нет, а есть только вечное Начало. Залог этого — к примеру, мое поведение. Тоска сама загоняет себя в гроб. Пессимизм — это самовнущенное предсказание. Пусть мыс Канаверал станет предновогодним Четвертым июля. Пусть все заржавевшие пусковые башни встрепенутся и оживут от жидкого кислородно-водородного пламени. Пусть каждая стартовая башня превратится в рождественскую елку, украшенную жизнью в вышине — Где Угодно, Только Не Здесь. Дорогой Герберт Джордж, «Гамлет» вполне может начаться с надгробий и призраков, продолжаться черепами и

могилами, заканчиваться суицидом и убийством, но я собираюсь написать для себя *новый* текст, Г. Дж., и не от могилы к могиле, от смерти к смерти, а от одной стартовой площадки — к другой стартовой площадке, от огнедышащих ракет и от людей, возвышающих свой ликующий гневный глас против Неизвестного. Приди же, Г. Дж., отринув отчаяние. Мыс Канаверал — это ясли-детсад Времени, Эволюции и Бессмертия. Не оскверняй его. Напяль-ка на себя этот дурацкий шлем и воструби трубою. Беги, оставляя следы, которые сметет огненный вихрь Последней Ракеты, нацеленной на великую Космическую стену.

Как я уже сказал, будь Шоу жив сегодня, он осмелился бы поучать гравитацию, выговаривать Конгрессу, упрекать бездельников и всезнаек, которые ничего не проповедуют. Затем он уселся бы в ракету и стартовал, с целью обогнать все космические корабли, летящие со скоростью света, и кричал бы:

— Если я не Дух Святой, то *кто* же еще?

На что мы, провожая его взглядом, ответили бы:

— Если ты не Господь Бог, то ты сойдешь за него, пока суд да дело.

Говоря так о Шоу и Научной Фантастике, мы затем должны привести Гектора Берлиоза в сопровождении его громоподобных барабанов и батальона духовых, чья Фантастическая симфония вполне могла бы вполне называться Симфонией Невероятного Будущего. Ибо именно Берлиоз не только мастерски писал короткие рассказы, но и создал выдающуюся автобиографию. В своем очерке «Эвфония, или Город музыки», из книги статей и очерков «Вечера в оркестре», он совершает редчайший прыжок в будущее.

В этом повествовании он воображает некий город в 2344 году, где все обитатели до единого исполняют музыку, поют или играют, либо экспериментируют с акустикой и звуком.

Ну и что с того? Я предлагаю катапультировать Шоу из могилы, чтобы он столкнулся в небе над Флоридским заповедником космической жизни с Берлиозом, запущенным в полет аналогичным образом — пусть они приземлятся у ближайшей заброшенной пусковой башни, дабы расцветить сие великое древо праздничными нотами и огнями. Здесь Берлиоз сочинил бы архитектонику Эвфонии и продирижировал бы на раскаленной площадке на закате в канун Исхода симфонию Отправления и Прибытия, чтобы нас, освобожденных от земного тяготения, раскрутила центробежная сила планетарного маховика и бесповоротно вышвырнула на Центавра, где произойдет возрождение и утверждение бессмертия Человечества, как обещал, предсказал и описал Дж. Б. Ш., по прозвищу Шарлатан. И если сердце и кровь Мафусаила не пустятся вскачь в кругосветное путешествие, то я сдаю свою интуицию в химчистку.

Залог того, что наши плоть и кровь будут заброшены к далеким мирам — воображение человека, а не только сноровка и экспериментаторство, сила необузданых желаний, неутолимая жажда и фантастические мечтания. И не одни лишь нелепые случайности, а бодрствующая интуиция, планирование, построение и кульминация.

Берлиоз и сам Шоу могут позволить Шоу написать трактат, стихи и пролог, затем усилить их вдвое цимбалами и лунными барабанами и время от врем-

мени — сталкивать Берлиоза с подиума, чтобы тот подчинял себе оркестр, а затем соскачивал в зрительный зал, уже в качестве музыкального критика композитора, хора и Человека со Стреляющей Бородой. Оттуда Шоу мог бы совершить прыжок в ближайший планетарий, дабы сообщить Космосу и Богу и Всему Доминиону о межпланетных возмущениях и уменьшениях. Итак, на громадной арене Космической Истории — услышанный сценический шепот, исходящий из суплерской будки, где притаившийся Дж. Б. Ш. мог бы стать хореографом Моисея с чистой скрижалью, Христа, готового исчезнуть из могилы как великая иллюзия, и Теории Большого взрыва, изображенной в виде несуществовавшего хлопка из пугача.

Возможно ли осуществить такое? При тщательном проектировании мы могли бы сплавить Шоу с Берлиозом на флоридских дюнах после 2001 года. Они же, в конце концов — Основоположники Благоговейного Ужаса. Молодняк — Спилберг, Лукас и Кубрик — всего лишь Промоутеры. Они не создали Вселенную. Это Шоу парил над просторами, чтобы оплодотворить космические яйца.

С его Мафусаиловым разумом, пережившим его тело, он был целым комитетом, который сотворил не пресловутого верблюда, а Ламаркова жирафа.

Шея у которого, кстати, никогда не перестанет расти!

2001

Библиотека

Комната наводнили санинспекторы с опрыскивателями, от которых разило дезинфекцией, полицейское начальство, яростно сверкающее жетонами, люди с железными факелами, истребители тараканов толпились, бормотали, кричали, нагибались, тыкали пальцами. Книги низвергались грохочущими лавинами. Книги рвали, раздирали, расщепляли, как бруски. Целые цитадели и башни из книг разлетались вдребезги. По окнам стучали топоры, шторы опадали в клубах черной пыли. За дверью молча стоял мальчик с золотистыми глазами, закутанный в бледно-голубое сари, за спиной которого маячили его ракетный папа и его пластмассовая мама. Санинспектор изрекал указания. Доктор наклонился.

— Он умирает, — еле слышно прозвучали слова на фоне всеобщего гвалта.

Дезинфекционная команда подняла его на носилках и понесла по разгромленной комнате. Книги загружались в переносную мусоросжигалку, они потрескивали, взмывали ввысь, сгорали, корчась и скручиваясь, исчезая в бумажном пламени.

— Нет! Нет! — возопил мистер А. — Нельзя! Нельзя! Это последние в мире экземпляры! Больше не осталось!

— Да-да, — машинально утешал его санинспектор.

— Если вы их спалите, других не будет!

— Мы знаем, знаем. Закон, знаете ли, закон, — отвечал санинспектор.

— Болваны! Кретины! Ослы! Остановитесь!

Книги камнепадом обрушивались в корзины, их выносили наружу. Потом ненадолго включался пылесос.

— Когда книги сожгут, последние книги... — мистер А. слабел, — останусь я один и моя память. А когда я умру, все пропадет. Сгинет навеки. Мы все исчезнем. Темные ночи и Хеллоуины, белые kostяные маски и скелеты в шкафах, все-все Амброзы Бирсы и Эдгар-Аланы По, Сет и Анубис, Нibelунги, Артуры Мейчены, Лавкрафты и Франкенштейны, и черные, кружасие в воздухе, летучие мыши-вампиры, Дракулы и Големы. Все канет в небытие!

— Мы знаем, знаем. Пропадет. Погибнет, — шептал чиновник.

Мистер А. смежил веки.

— Обратится во прах, сотрется в порошок. Раздирайте мои книги, жгите мои книги, вычищайте, потрошите, выбрасывайте. Выкапывайте гробы, кремируйте, избавляйтесь. Убивайте нас, ну же, убивайте, ибо мы суть холодные замки в ночи, паутина, раздувая ветром, суевийные пауки. Мы двери на немазанных петлях, мы — хлопающие ставни, мы темень кромешная, необъятная — десять миллионов черныхnochей в одной мозговой извилине! Мы — сердца, погребенные в убиенных опочивальнях, сердца, горящие под половицами. Мы лязг цепей и легкая вуаль, при-

зрачные заколдованные, давно почившие прекрасные дамы на величественных лестницах замка, плывущие, расплывчатые, дуновения ветерка, шепоты, стоны. Мы — «Обезьянья лапка»¹, мы — катакомбы, бульканные амонтильядо в бутылке и кирпичи, скрепленные раствором. И — три желания. Мы — фигуры в плащах, стеклянные глаза, окровавленные рты, острые клыки, узорчатые крылья, мертвые листья в холодных черных небесах, белесая волчья шерсть поутру. Мы — стародавние времена, которым не суждено вернуться на землю. Мы — налитые кровью глаза, мы — молниеносные кинжалы и пули. Мы — всё что ни на есть жестокого и черного. Мы — злые ветры и тоскливо падающий снег. Мы — октябрь, сожигающий землю, спекающий прах. Мы — языки пламени. Мы — сизые печальные дымы. Мы — морозная беспросветная зима. Мы — погребальный курган. Мы — имена, высеченные в мраморе, и годы рождения и смерти. Мы — стук заживо погребенного. Мы — истощный вопль в ночи.

— Да, да, — шептал чиновник.

— Унесите меня прочь, сожгите, пусть пламя поглотит меня. Положите меня в катакомбы книг, замуррайте меня книгами, залейте известковым раствором из книг и спалите нас вместе.

— Будьте покойны, — шептал чиновник.

— Я умираю, — сказал мистер А.

— Нет, нет.

¹ Уильям Уаймарк Джекобс (1863—1943) — английский писатель, автор знаменитого рассказа ужасов «Обезьянья лапка» (1902).

— Умираю! Вы уносите меня прочь.

Носилки двигались. Его сердце слабело и все тише стучало в груди.

— Через минуту меня не станет.

— Успокойтесь, прошу вас.

— Все пропало навеки, и никто не узнает, что всё это когда-то существовало. Темные ночи, По, Бирс и все мы. Все, все погибло.

— Да, — сказал чиновник в проплывающей мимо темноте.

Раздался треск пламени. Комнату выжигали по науке — управляемым огнем. Разбушевался огненный ветер, раздирающий внутренности ночи. Он видел, что книги взрываются, как множество черных зерен.

— Ради всего святого, Монтрезор!

Поникла осока. Огромная древняя лужайка комнаты раскалилась и задымила.

— Да, ради всего святого, — пробормотал чиновник.

— Отличная шутка, ей-богу! Отменный розыгрыш! Вот смеху-то будет, когда вернемся в палаццо... за бокалом вина! Пойдемте...

В темноте чиновник от санитарии промолвил:

— Да. Пойдемте.

Мистер А. канул в пуховую тьму. Черную, безвозвратную. Он слышал, что его пересохшие губы, не переставая, твердят все ту же мысль, а его престарелое сердце перестало стучать и похолодело в груди.

— Requiescat in pace.

Ему чудилось, что он замуровывает себя в стену бесчисленным количеством книг-кирпичей.

Ради всего святого, Монтрезор!

Да! Ради всего святого!

Он провалился в рыхлую тьму и, прежде чем все почернело и пропало, слышал, как его пересохшие губы шепчут одну-единственную мысль, а его сердце прекратило беззаконное действие в его груди.

— Requiescat in pace! Покойся с миром!

2007

Дракон, который слопал свой собственный хвост

Чего им больше всего хотелось? Изнывать в старом Чикаго от запахов сажи и копоти, притрагиваться к странным зданиям, обитать в вонючем метро на Манхэттене, лакомиться фруктовым мороженым в лето, преданное забвению, слушать, как царапают слух граммофоны в 1910 году? Может, им хочется побывать на кораблях Нельсона при Трафальгаре, провести день в компании Сократа до приема цикуты, прогуляться по оживленным улицам Афин и увидеть сверкание коленок на солнце? В каком настроении, в каком стиле им хотелось бы провести ближайший час, день, месяц, год? Цены вполне разумные, как на экскурсии! Первый взнос, дневные ставки, а главное, можно вернуться домой, как только древности начнут вас раздражать, утомлять или пугать. Это способ познания своей истории! Вот он, ваш рубеж — готовый, ожидающий, живой, свежий и новый.

Ну же, вперед!

- Думаешь, тебе понравится, Элис?
- Не думаю — воображаю.
- Тебе хочется отправиться куда-нибудь?
- Например?
- В Париж — 1940, Лондон — 1870? Чикаго — 1895? Или на выставку в Сент-Луисе в 1900 году. Говорят, она была грандиозная и трогательная.

Муж и жена завтракали за своим автоматическим столом, который их кормил идеально подрумяненными хлебцами, сочившимися синтетическим, а следовательно, абсолютно гарантированно чистым маслом.

Ох уж это пустопорожнее будущее, в котором дракон подавился своим радиоактивным хвостом, а растерянные, сломленные люди, с лицами, обескровленными от взрывов, и шевелюрами, опаленными до корней волос, с обугленной, покоробленной, обезображенной надеждой в сердце оглядываются назад: ах, если б я мог вспять повернуть времени ветер, вернулся бы в детство хотя бы на вечер!¹

И так они собирались, собирались и уезжали. Закон не мог им воспрепятствовать, законодатели не могли им помешать. Полиция, трибуналы, безмозглые сенаты и продажные конгрессы, болтуны, тюрьмы, потрясатели бумаг не могли их остановить. Мир опустошался. Пробку выдернули, и люди хлынули по водостоку времени в день вчерашний.

Элис и Джон Везерсы стояли с наружной стороны своей двери. Дома на их улице опустели и притихли. Дети исчезали с деревьев, их животики больше не получали от жутко неспелых зеленых плодов. Автомобили ушли с обочин, а корабли — с небес. В окнах прекратилось движение.

— Ты не забыл выключить воду в ванной?

— Не забыл.

— Газ?

¹ Строки из стихотворения «Убаюкай меня, мама» американской поэтессы Элизабет Чейс Акерс Аллен (1832 — 1911), которые принесли ей известность. Р. Брэдбери использовал их также в заголовке к рассказу «Время в полете твоем».

- Выключен.
- Электричество?
- Что это тебя так заботит?
- Запри дверь.
- Никто ведь не зайдет.
- А ветер?
- Ну, ветер — другое дело!
- Все равно, запри, Джон, пожалуйста.

Они заперли дверь и зашагали по лужайке, оставив одежду и аккуратно зачехленную мебель и все-все-все на своих местах.

- Как ты думаешь, мы когда-нибудь вернемся?
- Нет.
- Никогда-никогда?
- Никогда.
- Интересно, мы будем вспоминать наш дом на Вязовой террасе, мебель, электрические огни, вече-ринки и все остальное, и помнить в прошлом, что было такое время или место?
- Нет, мы ничего не будем помнить. Тебя под-ключают к машине, которая сотрет твою память, а взамен даст новую. Я стану Джоном Сешенсом, бух-галтером из Чикаго в 1920 году, а ты будешь моей женой.

Они шагали по вечерней улице.

- Подумать только, — сказала она тихо, — в один прекрасный день мы встретим на улице Эдгара и его жену в Чикаго. Они посмотрят на нас, а мы на них. «Где мы могли раньше видеть эти лица?» — подума-ем мы. И пройдем мимо как чужаки, даже не подо-зревая, что встречались в будущем, до которого сто девяносто лет.

- Да, незнакомцы. Странная мысль.
- Нас миллион, а может, больше, и мы прячемся в Прошлом, не узнавая друг друга, но мы сработаны по одному шаблону и даже не догадываемся, что мы из другой эпохи.
- Мы убегаем, — сказал он, останавливаясь и глядя на неживые дома. — Я не люблю убегать от проблем.
- А что мы можем?
- Остаться и бороться!
- С водородной бомбой?
- Примем против нее законы.
- И начнем их нарушать.
- Будем пытаться снова и снова. Вот что мы должны делать, а не улепетывать.
- Что толку?
- Толку, конечно, никакого, — признался он. — Теперь я понимаю, что достаточно одного нечисто-плотного ученого и нечистого на руку политика-на, чтобы они снюхались и сварганили себе бомбу. Когда-то мы, маленькие люди, минитмены, носили оружие, мушкеты, чтобы дать сдачи: револю-ционный народ против тирании. Всегда можно было метнуть копье, пальнуть из ружья. Но против водородной бомбы, против ее хозяев с дробовиком не попрешь — всыплют по первое число. Бомба колос-сальна; мы по сравнению с ней ягодки-смородинки, утопленные в тесте, — спечемся и опомниться не успеем. Пойдем, что тут разглагольствовать.

Они удалились с мертвой улицы в тишину дело-вого квартала.

Но нередко ночами большой чикагский электропоезд сворачивает за угол неподалеку от их комнаты на шестом этаже и молниеносно мечет желтый машинный луч прожектора в их постель, заставляя их косточки трястись и содрогаться в их спящей плоти. Встрепенувшись, она вскрикивает в спину спящему мужу, а он, разбуженный, поворачивается к ней и шепчет:

— Что такое, что такое?

— Ах, Чарльз, — молвит она ему в тихой, темной, пустой и заброшенной комнате. — Мне приснилось, будто мы живем в другую эпоху, и автоматический стол пичкает нас завтраком, а в небе — ракеты и уйма всяких замысловатых штуковин и изобретений.

— Ладно, ничего, спи — это просто ночной кошмар, — говорит он.

Спустя минуту, тесно прижавшись друг к другу, они вновь погружаются в сон, тревожный и чуткий.

2007

Джаггернаутова колесница

Все получилось восхитительно, славно, красиво.
На грани фантастики!

Роско Хаммонд перевозил свой большущий двухэтажный дом на новое место. В ту ночь, когда буксировщики приехали со своими огроменными колесами, я был там и присутствовал при его телефонных переговорах с тремя дюжинами своих приятелей.

— Арни, — кричал Роско, — какие у тебя планы на ночь? Мы собираемся протащить дом на две мили, взгромоздить на гору и разукрасить его в духе бомбейских индуистов. Видел когда-нибудь фильмы с колесницами из классики? Они там катят по улицам, размалеванные в пух и прах. А колеса-то, колеса! Пять футов в поперечнике! Круговорот радуги! С пририсованными ногами и стопами, и глазищами в макияже!

Так вот, мы затеяли переезд в доме-колеснице и заодно справляем новоселье. Послушай, Арни, ты еще играешь на тромbone? Может, бросишь клич своим ребятам? Мне нужны труба, ударные, флейты-пикколо, гобой, ну и аккордеон. Мы завалим комнаты бутылками и собутыльниками, а они будут наряживать Бенни Гудмана, Гленна Миллера и Арти

Шоу. Газанем так, что домина поскакет вприпрыжку. О кей, Арни? Заметано!

И сияющий Роско повесил трубку.

Первым прибыл Арни, выдувая медь, и мы приветствовали его возгласами: «Дорси жив!»

К четверти двенадцатого ночи у нас собрался целый духовой квинтет, но мы ждали Джонни Беккетта с кларнетом из джаз-банды Арти Шоу в надежде, что «Френези» поддаст жару нашему джаггернауту!

— Нет, так не годится! — запротестовал Арни. — Нам бы что-нибудь погорячее. Даешь «Чаттанугачучу»!

Водители грузовиков — все из поколения бэби-бумеров — услышали, как мы возопили: «Чаттануга! Чаттануга!» — и вдарили по газам.

Колеса джаггернаута заскрипели-закряхтели и замахали-замолотили своими руками-ногами. На нас зыркнули большие черные очи, подведенныетушью, и мы тронулись с места.

И тут как раз подоспели дамы. Парочками, тройками они выпархивали из вереницы машин.

Подобно сдуревшим монашкам, девочки с загоревшими свечами карабкались на борт, где их встречали задорными возгласами пополам с пыхте нием духовых.

Я соскочил с колесницы и сфотографировал огромный дом, который проплывал мимо, словно большой именинный пирог со свечками, горящими в каждом окне.

И вот мы музиковали, выпивали, тискали да мочек и гоготали, а огромные ярко раскрашенные

рукастые-ногастые-глазастые индийские колеса, знай себе, вращались. Джаггернаут ходил ходуном, как обалделый слон. Нагруженная прекрасной людской ношней, галдящей все громче и громче, колесница катила навстречу небесам.

К одиннадцати часам двадцати минутам вечера Арни простонал:

— Черт! Даешь настоящее горючее!

У первого же винного магазина он возвзвал из окна:

— Пива! Водки! «Джека Дэниэлса»!

И выпивка не заставила себя долго ждать.

А тут подкатили новые музыканты, в том числе Биггс Бромвелл со своими барабанами.

Мы тащились по бедным кварталам, и люди, подбегая к бордюру, кричали:

— «Blues in the Night», «Love Me or Leave Me», «Stormy Weather», «Am I Blue?»

Затем в каждой комнате музыкант подбирал что-нибудь вроде «Лунной серенады» Гленна Миллера¹ и передавал дальше соседу в смежной комнате, чтобы тот обогатил ее вариациями. И вот уже весь дом задрожал, зарычал и заколдился.

Дело принимало серьезный оборот, потому что подъезжали новые машины и выгружали из своих недр парней с гитарами укулеле или дудочками казу.

К часу ночи к нам уже причаливали совершенно незнакомые субчики из всевозможных джазовых притонов города. Ехали аж из самого Сан-Клементе!

¹ Олтон Гленн Миллер (1904—1944) — американский тромбонист, аранжировщик, руководитель одного из лучших свинговых оркестров — оркестра Гленна Миллера.

Да еще звонили заранее, норовя застолбить себе мес-
течко и притаранить портативное пианино.

К половине второго ночи дом кишмя кишев безудержными горлодерами и музыкантами, и мы забеспокоились, вытянут ли нас буксиры. Ведь в доме 60 человек, а это 10 тысяч фунтов. Еще пяток-десяток душ, и мы влипли.

Я залез на крышу и устроился рядышком с Арни, потому что внизу царила невообразимая толкотня.

Вот так Арни с тромбоном, я с флейтой вместе с остальными переполошили всю округу вдоль шоссе. И по пути нашего шествия в окнах домов по обе стороны улицы зажигались огни. Люди высывались из окон, глазея на нашего исполинского индийского слона, который вышагивал мимо них в ночи.

После двух ночи на лице у Арни нарисовалось встревоженное выражение.

— Боже мой, надо быть настороже. Если это чудище перегрузить, то мы сорвемся с горки вниз — туда, откуда пришли.

Так и случилось.

Моли, подружка Арни, заявилась в полтретьего ночи. Она была поистине крупной особой — 250 фунтов живого веса.

Арни вскричал:

— Стой! Сколько ты весишь?

Она взвизгнула:

— Это все равно что спрашивать женщину, сколько ей лет!

Она вспрыгнула и приземлилась. Чем и добила нас. Как только ее телеса взошли на борт, наш индийский слон содрогнулся и остолбенел.

Колеса разом заскрежетали, ноги прекратили свой бег, подведенные глаза перестали таращиться, а вся громадина замерла на какое-то ужасное мгновение, словно от сердечного приступа.

Все, затаив дыхание, ждали, чем это кончится.

Затем, ей-богу, большие, гигантские, раскрашенные колеса с глазами — завизжали. Буксирный торс лопнул, и в самый разгар новоселья наша машина покатилась под уклон.

Никто не знал, что играть. Все затараторили. Поднялся шум-гам, а потом кому-то в голову пришла гениальная идея: есть же у Хачатуряна балет «Гаянэ» — буря в урагане посреди циклона! Чем быстрее катился дом, тем громогласнее звучала музыка Хачатуряна!

Люди выбегали из домов, пытаясь зацепиться за нашего грохочущего слона. Мы думали, они хотят затормозить его ход, но, дудки, им хотелось приобщиться к безумной прогулке.

И вот с гиканьем и свистом, мы покатились назад по полуночным улицам, мимо темных домов, лишая покоя и сна людей, бряцая Хачатуряном на всю катушку, и так до самого моря, до пирса. Мы проехали пирс до конца и отчалили навстречу ночной приливной волне.

Колеса нашего джаггернаута остановились, его ноги и руки, глазищи и «Гаянэ» замерли. Наш джаггернаут превратился в плавучий дом, и из всех комнат полилась музыка моря и мелодии океанских лайнеров. Горели свечи, озаряя каждую комнату, а мы уплывали в бухту, и незнакомые люди на набережной махали нам вслед платочками и напевали «Прощай,

прощай!» Я оглянулся назад со своей крыши, потому что до меня донеслось нечто еле слышное и очень красивое: нас догоняла весельная лодка.

В лодке, во всю ширь упершись ногами, восседал Эдди Рорк и урывками подбирал что-то на своем огромном, как полная луна, банджо. Пока он вот так, спотыкаясь и на ощупь, выводил «I Get the Blues When It Rains», его жена налегала на весла.

— Только не это, — взмолился я, допевая первую строку. — «The blues I can't lose when it rains».

Когда лодка поравнялась с нами, глаза у меня уже были на мокром месте.

Мне казалось, что я так и буду лить слезы рекой, не просыхая.

2009

Пес в красной бандане

Пациент находился в больнице всего три тягостно тоскливых дня, когда в воскресенье произошло это знаменательное событие, причем почти все врачи отсутствовали, а медсестры занимались неизвестно чем.

Он догадался о приближении чего-то необычайного задолго до его прихода по взрывам хохота и приветственным возгласам пациентов в отдаленных коридорах.

Наконец, в дверном проеме возникло удивительное явление.

Там стоял человек, держа на поводке золотистого ретривера невиданной красоты.

Ретривер был неправдоподобно хорош собой и великолепно выхолен. Его взгляд светился незаурядным умом, а на шее у него была аккуратно повязана бандана кровавого цвета.

Пес обходил больницу, и поговаривали, будто в день его появления во всех коридорах, где он побывал, царила великкая радость.

Что, впрочем, казалось вполне естественным, и пациент часто задавался вопросом, почему в мире нет других псов, которые навещают людей, поднимают им настроение, а может, исцеляют.

Пес в кроваво-красной бандане на какой-то миг остановился в нерешительности на пороге, взглянул на пациента, затем вошел в палату и замер ненадолго у его койки в ожидании ласки.

Потом, убедившись, что пациенту полегчало, пес повернулся, вышел и засеменил по коридору под ли-
кующие возгласы и восклицания.

Вот уж действительно — знаменательное событие, и пациент сразу почувствовал себя лучше.

В последующие дни пациент ловил себя на том, что чего-то с нетерпением ждет; он не знал, чего именно. Но его вдруг осенило, что он не дождется возвращения пса в красной бандане. Оно представлялось ему важнее приходов и уходов доктора и на-
вязчивого внимания медсестер.

На следующей неделе пес появился всего один раз.

Через неделю, когда болезнь пациента не отступала, пес наведывался дважды, и казалось, от его присутствия в больнице становится светлее и уютнее.

На третью неделю по какой-то необъяснимой причине пес в красной бандане приходил каждый день и прогуливался по коридорам с красным шар-
фом на шее и взглядом, исполненным сострадания и понимания на прекрасном лице.

На исходе первого месяца, когда пациент почув-
ствовал, что готов выписываться хоть сейчас, про-
изошло еще более замечательное событие:

Вместо обычного сопровождающего с ретривером пришел человек, почти такой же незаурядной внеш-
ности, что и пес.

Он носил простой костюм цвета хаки, а на шее — красный галстук. Он был явно слеп, поэтому пес служил ему поводырем.

На этот раз, как и прежде, пес замер в дверях и почти указал на пациента, который приподнялся с постели и подался вперед, словно ожидая, что пес заговорит.

Но заговорил слепой.

— Сэр? — сказал он, пытаясь угадать личность пациента. — Представьте, что кто-то спросил вас, какая из всех тварей морских, земных и небесных ведет себя более всего по-христиански?

Пациент, ожидая подвоха, попытался себе это представить, затем ответил:

— Вы имеете в виду человека?

Слепой слегка покачал головой.

— Нет. Кроме человека. Какая тварь ведет себя более всего по-христиански?

Пациент посмотрел оценивающим взглядом на пса в кроваво-красной бандане, сидевшего у дверей, и опять подметил его тонкий ум, и сказал:

— Ответ — собаки.

Слепой молча кивнул.

— Совершенно верно. Все прочие твари живут, не осознавая, что они существуют. Кошки — особенные. Они изящны и горячо любимы, но живут, не осознавая своего существования, как, впрочем, и все твари небесные, что летают и парят, облетая землю, и все твари полевые, что живут, но не осознают своего существования.

Все твари, обитающие в поле, в море и воздухе, смертны, но они не ведают смерти и не способны горевать.

А собаки не только знают, что такое жизнь, но чуют и осознают смерть.

Пациент кивнул, ибо знал, что это так. Он вспомнил смерть друга, когда его собака горевала еще долгое время после его кончины, слонялась по дому, скорбно скуля, и исчезла во тьме.

— Чем больше я думаю об этом, тем более незаурядными становятся для меня собаки, — сказал пациент.

Слепой возвел глаза к потолку и спросил:

— А если бы собаки очутились у врат рая, их допустили бы туда?

— Немедленно! — воскликнул пациент и усмехнулся своему быстрому отклику. — Ведь они без греха. Люди должны выстроиться за ними в очередь и умолять, чтобы их впустили. Собаки же сразу прибегут и встанут подле Святого Петра — помогать приему грешного существа по имени человек.

Так вот, на вопрос, какое существо на свете обладает самым христианским, великодушным и любящим нравом, я отвечаю — собаки. Это их можно назвать наряду с Абу Бен Адамом прежде всех остальных.

Слепой согласился.

Попробуй стукни своего кота — и ты лишишься друга. Подними руку на своего пса, чего, я надеюсь, ты никогда не сделаешь, но если ты все же ударил его хоть раз в жизни, он уставится на тебя трогательным взглядом и промолвит: «Что не так? За что? Разве ты

не знаешь, что я люблю тебя и прощаю?» А затем он подставит тебе сначала одну щеку, потом другую и будет вечно любить тебя. Вот что такое собаки.

Во время беседы пес в кроваво-красной бандане сидел рядом со слепым, глядя на пациента самым нежным и проницательным взглядом. Слушая, пес не внимал похвалам и не пренебрегал ими, а молча сидел в ореоле своей красоты.

Наконец, когда пес почувствовал, что слепой вы сказался, то ушел бродить по коридорам больницы, откуда донеслись приветственные крики и смех.

В последующие дни молва разнесла по всей больнице, что к выписке готовится невероятно большое количество людей; пациенты, проводившие в больнице многие недели, а то и месяцы, вдруг собирали свои вещи и уезжали, к удивлению и изумлению врачей и под любопытное перешептывание медсестер. Уезжал пациент за пациентом, и количество тяжело больных сокращалось, а смертность почти сошла на нет. Во всяком случае, так говорили.

На четвертой неделе, лежа в постели, однажды ночью пациент почувствовал пронзительную боль в запястье и принял аспирин, но боль не унималась.

Полусонный, он почувствовал рядом с собой нечто похожее на дыхание и услышал диковинные звуки, напоминавшие летние ночи его детства.

В три часа ночи, когда сквозь оконные стекла струился лунный свет, приятно было прислушиваться к прекрасным звукам из далекой кухни, где стоял холодильник.

В лотке под холодильником собиралась вода из-под брусков льда, и в три ночи раздавалось смачное

чавканье. Это терзаемая жаждой собака пролезала под холодильник и лакала холодную чистую талую воду.

Одним из самых трогательных впечатлений его жизни были эти чарующие звуки, к которым он прислушивался, неподвижно лежа в постели.

То ли воспоминая, то ли воображая в полудреме всплески ледяной воды, пациент почувствовал, как что-то шевелится по его запястью.

Словно кто-то пытался слизнуть холодную воду в ту давнишнюю летнюю ночь.

Потом он уснул.

Когда он пробудился утром, боль в запястье прошла.

В последующие дни пес в кроваво-красной бандане бродил по больнице сам по себе, в одиночку. Слепой давно уже не появлялся.

Казалось, псу известно, куда идти, и он частенько наведывался к пациенту, подолгу разглядывая его.

Они беседовали молча; пес как будто понимал все, что хотел сказать пациент, хоть тот не проронил ни слова.

Затем пес уходил гулять по больнице, и в ближайшие дни смех, приветственные восклицания и возгласы иссякли, и, казалось, больница пустеет. Врачи не только перестали приходить по воскресеньям или играть в гольф по средам, но и перестали приезжать по вторникам, четвергам и, наконец, по пятницам.

Эхо в коридорах становилось гулким, и ничье дыхание не доносилось из отдаленных палат.

В последний день пациент, почуяв тревогу и поняв, что в любой момент может одеться без указаний

врача и отправиться домой, встал и крикнул в коридор с высокими потолками:

— Эй, есть тут кто-нибудь?!

Притихшие больничные палаты ответили ему долгим молчанием. И опять он позвал:

— Эй, кто-нибудь!

И услышал только эхо из залов, и все коридоры в здании замерли в безмолвии.

Очень медленно пациент стал одеваться, готовясь уходить.

Наконец, в три часа пополудни в безмолвном коридоре появилась красивая собака в кроваво-красной бандане и остановилась в дверях.

— Заходи, — позвал пациент.

Пес вошел и встал у кровати.

— Садись, — сказал пациент.

Ретривер сел и посмотрел на него большими добрыми лучезарными глазами и полуулыбкой.

Наконец пациент спросил:

— Как тебя зовут?

Пес окинул его изучающим взглядом своих больших лучезарных глаз.

Его челюсти едва заметно зашевелились, и послышался шепот:

— Иисус, — промолвил ретривер. — Вот как меня зовут. Иисус. А тебя?

АРАМ ОГАНЯН

Марсиане — это мы

Послесловие переводчика

Рэя Брэдбери (1920—2012) переводят на русский язык уже более полувека, и стоит ли удивляться, что все меньше остается произведений, до которых еще не добрались переводчики. А ведь за семьдесят лет творческой жизни Брэдбери создал сотни рассказов, с десяток романов, множество пьес, стихов, эссе и сценариев. Правда, некоторые из них остаются еще в рукописях, не нашедших издателя, а среди опубликованного многое затерялось в старых журналах и малоизвестных антологиях.

К счастью, интерес к таким произведениям возник у знатоков и исследователей творчества Брэдбери еще при жизни автора. Брэдбери допустил их в свои подвалы и чердаки с сокровищами. Вот так, например, благодаря усилиям друзей и соратников были спасены рукописи первого, но незавершенного романа Брэдбери «Маски» (1946—1949) и изданы отдельной книгой.

В настоящий сборник включены рассказы и этюды, созданные на протяжении всего творческого периода Брэдбери, начиная с первых юношеских опытов, текстов, написанных в предвкушении космической эры — за несколько десятилетий до её начала, с 1938 по 1944 год. В них Брэдбери ищет себя в жанре научной фантастики, который еще только обретал

форму и содержание. А на рубеже ХХ—XXI веков, будучи одним из патриархов современной фантастики, он пишет вдохновенные поэтические эссе, в которых призывает человечество к завоеванию космоса. В данную книгу также вошли рассказы, сходные по теме со всемирно известным романом-антиутопией «451 градус по Фаренгейту». Остальные рассказы взяты из разрозненных источников и представляют творчество Брэдбери в неожиданных ракурсах.

В конце 1930-х годов, когда Брэдбери начал писать рассказы, в Калифорнии уже сложился кружок писателей-фантастов, именовавших себя «Научно-фантастическим обществом Лос-Анджелеса». В нем состояли тогда еще мало кому известные Роберт Хайнлайн (1907—1988), Генри Каттнер (1915—1958) и Ли Брэкетт (1915—1978). Они-то и стали старшими наставниками юного Брэдбери, вчерашнего выпускника школы, и не жалели времени на разбор его произведений.

Особенно ценной оказалась помощь Ли Брэкетт, у которой Брэдбери чуть ли не каждое воскресенье на протяжении почти пяти лет учился мастерству короткого рассказа. Некоторые рассказы Брэдбери содержат фрагменты, написанные Ли Брэкетт («Завтра, завтра, завтра», 1943), а Брэдбери, в свою очередь, вносил свою лепту в её произведения («Лорелея красной мглы»).

Р. Хайнлайн писал человечную, а не машинную научную фантастику, и молодой Брэдбери учился у него. Именно Хайнлайн организовал для своего двадцатилетнего друга первую публикацию в престижном глянцевом голливудском литературном журнале

«Скрипт» (1940), в котором печатались такие мастера, как Уильям Сароян и Чарли Чаплин. Это при том, что многие фантасты (в том числе Брэдбери) главным образом печатались в дешевых журнальчиках на бумаге низкого качества («pulp»), отчасти из-за ограничений во время Второй мировой войны, которая для США началась 7 декабря 1941 года, после нападения японцев на Пёрл-Харбор.

Брэдбери не попал на войну, так как был признан негодным к службе в армии — он без очков не видел даже самой таблицы для проверки остроты зрения, не говоря уже о буквах и знаках. Однако бывший офицер ВМФ США Роберт Хайнлайн неодобрительно относился к освобождению Брэдбери от службы, считая, что тот уклоняется от армии в судьбоносную для родины пору. В результате Хайнлайн прервал с ним отношения на несколько десятилетий и не знал, что на самом-то деле Брэдбери в войну работал в Американском Красном Кресте и писал радиообращения и прочие материалы с призывами сдавать кровь.

Его посильное участие в войне выразилось и в рассказах, вошедших в настоящий сборник, где война присутствует вполне осозаемо («Проныра», 1943; «Подводные стражи», 1944) либо служит фоном («Дальнейшее — молчание», 1942). Однако после того, как эти и другие «военные» произведения были опубликованы в журналах, Брэдбери их в поздние сборники больше не включал.

Написанная во время войны повесть «Завтра, завтра, завтра» является в некотором роде антиподом ставшего классикой рассказа «И грянул гром» (1952),

в котором событие, произошедшее в прошлом, вызвало катастрофические последствия в будущем. Разница в том, что в военной повести изменение в прошлом вызвано преднамеренно, чтобы отстранить от власти диктатора. Причем одним из стимулов для главного героя Стива Темпла является беспрепятственный приход к власти Гитлера. А в рассказе это изменение, напротив, приводит к власти диктатора с говорящим именем «Дойчер», к тому же в немецкой орфографии (Deutscher), что создает безошибочную ассоциацию с тем же Гитлером.

Проба пера

В сороковые годы в юношеской прозе Брэдбери заметно стремление писать фантастику «как все», то есть фантастику, основанную на знании физических явлений и достижений науки и техники («Звание — Спутник», 1942; «Ешь, пей, гляди в оба!», 1942; «Вычислитель», 1943; «Ракетная обшивка», 1944). Но вскоре появляются первые ростки прозы в жанре «фэнтези», с которых начинается марсианский цикл, увенчавшийся созданием «Марсианских хроник» в 1950 году.

С 1939 по 1940 год Брэдбери при поддержке друзей из Научно-фантастического общества издавал фэнзин *Futuria Fantasia*, в первом номере которого под псевдонимом Рон Рейнольдс был напечатан короткий рассказ, или, скорее, этюд Брэдбери «Долой технократов!» (1939). Он написал об обществе, где царит уравниловка и все подчинено строгим правилам, которые диктует наука.

Герой Брэдбери — писатель, недовольный тем, что ему не дают писать книги, и тем, что власть лишила его возможности читать то, что он хочет (эротику, детективы). Но все-таки в этом обществе еще что-то пишут и читают. В то время как в романе «451 градус по Фаренгейту» никто уже ничего не пишет и не читает. Более того, чтение жестоко преследуется. Этот этюд уже содержит в себе зачаток сюжета, который лет через десять превратится в «451 градус по Фаренгейту».

Вошедшие в сборник рассказы «Библиотека», «Адский пламень» и «Дракон, который слопал свой хвост» тоже затрагивают различные аспекты основной темы «Фаренгейта». Первые два из этих рассказов любопытны еще и с точки зрения предпочтений Рэя Брэдбери в литературе и живописи. Он свободно высказывается по поводу Пикассо и Дали, не скрывая своего критического отношения к художникам, которыми принято только восхищаться.

Аналогичным образом в рассказе «Тролль» сталкиваются два мировоззрения — «правильное» и «неправильное». А в рассказе «Пес в красной бандане» Брэдбери уже вступает в противоречие с установленвшимися религиозными взглядами.

Впрочем, нонконформизм присущ всему творчеству Брэдбери. Когда в 1944 году Г. Каттнер познакомил Брэдбери с книгой Шервуда Андерсона «Уайнсбург, штат Огайо», Брэдбери решил создать нечто подобное, только на Марсе — с атмосферой, синими холмами и каналами, полными чистой воды. Таким представляли Марс ученые в XIX веке, что

совершенно шло вразрез с научными открытиями XX века. А это волновало Брэдбери меньше всего. Ведь на Марсе Рэя Брэдбери происходит то же самое, что и на Земле: колонизация и бегство от войны, уничтожение окружающей среды и культуры, расизм и охота на ведьм. Марс — аллегория поэта-фантаста, помогающая взглянуть на Землю со стороны.

Антинаучный фантаст

Но именно по этой причине ревнители чистоты в научной фантастике исключали Брэдбери из своих рядов.

Вот как, не без укоризны, о нем высказался писатель-фантаст Л. Спрэг де Камп (1907—2000) в самом начале творческого пути Брэдбери в рецензии на «Марсианские хроники»: «Брэдбери представляет традиции антинаучной фантастики, подобно Олдосу Хаксли, который не видит ничего хорошего в машинном веке и ждет не дождется, когда тот сам себя и прикончит».

Сам Брэдбери объяснил разницу в жанрах фантастики, в которых он работал, следующим образом: «Во-первых, я не пишу научную фантастику. Я написал всего одну научно-фантастическую книгу, и это «451 градус по Фаренгейту». Научная фантастика есть изображение реального, а фэнтези — изображение нереального. Так, «Марсианские хроники» не есть научная фантастика, а фэнтези. Поэтому эта книга долго продержится — ведь это греческий миф, а мифы обладают жизнестойкостью».

Брэдбери не только не стремился быть причисленным к когорте фантастов, но и не хотел, чтобы его произведения ассоциировались с фантастикой, а он сам считался бы жанровым писателем. Он говорил своему издателю: никому же не придет в голову называть Олдоса Хаксли или Джорджа Оруэлла фантастами, так почему же его произведения рекламируются под ярлыком научной фантастики?

Независимость мышления писателя проявилась не только в «Фаренгейте», где все строго регламентировано в угоду меньшинствам, политкорректности и цензуре, заклятым врагом которых Брэдбери слыл. В реальной жизни Брэдбери отстаивал свободу мысли и творчества решительно и не без риска для себя.

Во время разгула маккартизма, когда шла охота на «ведьм» в лице коммунистов, в одной голливудской газете Брэдбери за свой счет опубликовал обращение к Республиканской партии, победившей на президентских выборах 1952 года. В нем он призывал послать Маккарти и иже с ним... в XVII век, во времена судилищ над Салемскими ведьмами (включая Мэри Брэдбери, пропрапрабабку Рэя Брэдбери, приговоренную к смертной казни, но, говорят, чудом спасшуюся). Для такого поступка требовалось гражданское мужество, ибо подобный демарш не сулил ничего, кроме неприятностей, и они не заставили себя ждать.

Голливудские агенты Брэдбери пообещали ему, что отныне его не допустят на киностудии. Этим угрозам не суждено было сбыться, а вот основоположнику современного детективного жанра, ветерану, подорвавшему свое здоровье на двух мировых войнах, от-

казавшемуся выдать своих товарищей, и коммунисту в придачу — Дэшилу Хэммету пришлось отсидеть полгода в тюрьме за неуважение к суду.

Я не пытаюсь предсказать будущее

Годы спустя в интервью, данном журналу «Плейбой», Брэдбери говорил, что предсказал феномен политкорректности за 40 лет до его появления. Кое-что из того, чего он опасался, стало реальностью при его жизни и задело его самого. По иронии обстоятельств, редакторы издательства подвергли цензуре аж целых 75 фрагментов его антицензурного «Фаренгейта»! То же самое стало с Хэллоуином (Днем Всех Святых): в современной Америке его начали запрещать под разными предлогами, о чём Брэдбери как о возможном далеком будущем писал в своих произведениях. Не зря же Брэдбери однажды сказал: «Я не пытаюсь предсказать будущее — я пытаюсь его предотвратить».

Вопреки этим мрачным прогнозам, Брэдбери смотрел в будущее с надеждой. И эту надежду ему внушала эпоха освоения космоса, происходящая с самого начала на глазах его поколения. В поэтических эссе, посвященных космосу, Брэдбери видит спасение от мировых войн в межпланетных полетах. Действительно, человечество лишь на одно историческое мгновение сплотилось перед угрозой немецкого фашизма, и заклятые враги — США, Великобритания и СССР — объединились для разгрома противника, угрожавшего им всем. Что должно случиться,

чтобы народы, населяющие Землю, объединили свои усилия? Очевидно, должна возникнуть общая проблема или опасность, борьба с которой потребует коллективных усилий.

Сейчас все чаще стали говорить об астероидной угрозе, способной уничтожить земную цивилизацию. Вот, пожалуй, достойная проблема для всего человечества, требующая, чтобы все действовали сообща. И Брэдбери как раз ищет «достойного противника» — и находит. Это — Космос в бесконечном, как он сам, смысле. Ибо что может возникнуть из его недр в один прекрасный или ужасный день? За воевание космоса — вот задача, которая потребует мобилизации всех сил и ресурсов Земли. И землянам станет не до старых распрай, и человечество позабудет о своих «пыльных войнах»¹ и обратит взоры в небо.

И Брэдбери возвращается к теме безжизненного Марса, который он полвека тому назад символически населил людьми. Времена изменились. Мы перестали запрокидывать головы, глазея на Марс и гадая: есть ли жизнь на Марсе? У нас появились автоматические станции и марсоходы. Пройдет незаметное для истории время — и на Марс полетят уже пилотируемые

¹ Из статьи Вигена Оганяна «Несправедливых вулканов не бывает», «Вечерняя Москва» от 8 апреля 1995 года: «Да, когда-нибудь образуется моноцентризм, и земляне, наконец-то, прекратят пыльные войны между собой, но только для того, чтобы объединиться против пришельцев уже в межпланетной войне. Но это будет тогда, когда люди, освоившие Солнечную Систему, восстанут против Земли во имя суверенитета государства... ближнего космоса, как некогда восстали американские колонисты против английской метрополии».

корабли. И Брэдбери страстно убеждает нас, что мы и есть эти самые марсиане, или станем ими, когда заселим Марс:

— На Марсе есть жизнь, и это мы сами. Марсиане — это мы.

Круг замыкается. Мы почти прошли этот путь — от грез и фантастики к исполнению мечты.

Ереван, март 2016 года

Содержание

Долой технократов!	5
Тайна	11
Военная хитрость	17
Дальнейшее — молчание	32
Ешь, пей, гляди в оба!	38
Звание — Спутник	42
Это ты, Берт?	59
Вычислитель	70
Завтра, завтра, завтра	97
Подводная стража	129
Проныра	152
На ракетной обшивке	168
Скелет	193
Адский пламень	198
Тролль	204
В путь недолгий	214
«Ну, а кроме динозавра, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?»	226
Куда девался левый крайний	251
Мы — плотники незримого собора	254
Починка Железного Дровосека	270
Библиотека	283
Дракон, который слопал свой собственный хвост	288
Джаггернаутова колесница	293
Пес в красной бандане	299
Марсиане — это мы. <i>Послесловие переводчика</i>	306

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и граждансскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТSELLER

Рэй Брэдбери

МЫ — ПЛОТНИКИ НЕЗРИМОГО СОБОРА

Ответственный редактор *Д. Обгольц*

Литературный редактор *М. Носкова*

Младший редактор *Е. Долматова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге кешесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Таяар белгісі: «Э»

Казакстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арыз-талағтарды қабылдаушының
екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский каш., 3-а, литер Б, оффис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Енімнің жарнамалық мөрзім шектелмеген.

Сертификация туралы акларат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 10.10.2016.

Формат 84x108 1/₃₂. Гарнитура «NewtonCTT».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 8000 экз. Заказ 4519/16.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,

www.pareto-print.ru

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**

+7(495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,

Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7(495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.**

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-92654-1

9 785699 926541 >

SMART READING

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

Новости и анонсы, интервью авторов
и колонка редактора, ответы на
актуальные вопросы, конкурсы и
викторины, издательская кухня и
авторитетная критика – всё это
Smart Reading!

Зайди
на <http://www.facebook.com/eksmosmartreading>
и узнай
ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ КНИЖНОГО МИРА

СЕРИЯ МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

СЕГОДНЯ – БЕСТСЕЛЛЕР, ЗАВТРА – КЛАССИКА!

**ТЕПЕРЬ И НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!
КНИГИ, ПОКОРИВШИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ ПРОСЛАВЛЕННЫХ И МОЛОДЫХ АВТОРОВ**

2012-010

WE ARE THE CARPENTERS
OF AN INVISIBLE
CATHEDRAL

RAY BRADBURY

Брэдбери — неисчерпаемый источник идей.

Booklist

Талант Брэдбери, известного своим оптимизмом и любовью к слову, сияет здесь по-особенному.

The Guardian

Рассказы Брэдбери резонируют с вневременной силой.

Publishers Weekly

Брэдбери... обладает исключительным даром убеждения.

Стивен Кинг

ISBN 978-5-699-92654-1

9 785699 926541 >

